

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

М.Н.Орловская

**Язык монгольских
текстов XIII-XIV вв.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВУСТАХА»

УЛАНБАТОР 1999

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВУСТАХА»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВУСТАХА»
УЛАНБАТОР 1999

АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ

Институт востоковедения

М.Н.ОРЛОВСКАЯ

ЯЗЫК МОНГОЛЬСКИХ ТЕКСТОВ
XIII-XIV ВВ.

Москва 1999

ББК 81.2-2

О 66

Рецензенты:

д.ф.н. Пюрбеев Г.Ц.

д.ф.н. Дарбеева А.А.

Орловская М.Н.

О66 Язык монгольских текстов XIII - XIV вв. – М.: Институт востоковедения РАН, 2000. – 182 с.

ISBN 5-89282-159-5

Монография посвящена описанию морфологического строя монгольского языка по письменным памятникам XIII - XIV вв. Выявлены и научно интерпретированы лингвистические факты, относящиеся к определенной исторической эпохе в развитии монгольского языка. Изучение языка самых ранних текстов показало, что исконная грамматическая система в основе своей сохранилась до наших дней и что различные по своей природе морфологические данные увязываются в целостную систему развития языка, его грамматических категорий. Наряду с этим выявлены и отличительные черты древнего языка по сравнению с современными нормами.

ББК 81.2-2

ISBN 5-89282-159-5

© М.Н. Орловская, 2000

© Институт востоковедения РАН, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее исследование посвящено описанию морфологического строя доклассического монгольского языка по письменным памятникам XIII-XIV вв.

Предпринятый автором труд представляется актуальным как один из этапов в сравнительно-историческом исследовании монгольской языковой семьи, ибо для воссоздания истории языка необходимы полные описания отдельных письменных памятников и выделение в них черт, унаследованных современным языком или со временем исчезнувших.

По поводу задач в монголоведении проф. Г.Д.Санжеев еще в 1963 г. писал: "Последующая работа в области монгольского сравнительно-исторического языкознания должна идти в следующих направлениях: во-первых, следует продолжить исследование диалектов и говоров монгольских языков... Во-вторых, необходимо значительно расширить углубленное изучение письменных памятников монгольских языков, не ограничиваясь здесь лишь публикацией источников" [Санжеев, 1963, с. 3-4].

А между тем грамматическое исследование языка литературно-исторических текстов, особенно его самых ранних веков, чаще всего ограничивалось их публикацией, историко-лингвистическими комментариями к ним или изучением частных вопросов грамматики с привлечением некоторых языковых данных.

В своем труде мы старались выявить и научно интерпретировать лингвистические факты нескольких письменных текстов, относящихся к определенной исторической (доклассической) эпохе в развитии письменного монгольского литературного языка.

Язык исследованных письменных памятников отличается от современного не только по стилю, лексике, структуре предложения, но и в области морфологии, которая, как известно, является наименее подвижной частью в структуре языка. Сопоставление выявленных грамматических форм и их значений в языке прежних эпох с современным состоянием позволит проследить, в какой мере язык изменяется и что остается неизменным на протяжении определенных исторических отрезков времени.

ВВЕДЕНИЕ

Старописьменный монгольский язык и периоды его развития¹

В монголоведной литературе существует несколько гипотез о времени возникновения этого языка и о племени, которым он был заимствован у древних уйгуров.

Эти гипотезы чаще всего относят появление монгольской письменности на основе уйгурского алфавита к концу XII - началу XIII в., т.е. ко времени появления первых, сохранившихся до наших дней письменных памятников на этом алфавите. Но диалектная база, как и монгольское племя, у которого впервые появилась эта письменность, окончательно не установлены.

Вместо версии, связывающей заимствование уйгурской письменности с найманами и кереитами, которую разделяли такие крупнейшие ученые, как Я.Шмидт, А.М.Позднеев, Б.Я.Владимирцов, Г.Д.Санжеев, Н.Н.Поппе и др., в последние годы предлагается новая, согласно которой эта письменность впервые появилась у киданей [Л.Лигети, Д.Кара, Л.Л.Викторова, Е.А.Кузьменков].

Ученые, которые исследовали киданьские глоссы, сохранившиеся в китайских источниках, считают этот язык "безусловно монгольским" [Л.Лигети, 1955, с.138; Д.Кара, 1972, с. 9-10].

И хотя ни одна из выдвигаемых гипотез не получила пока прочно обоснованного языковыми и историческими данными подтверждения, все же для современного состояния наиболее предпочтительной остается киданьская версия, которую разрабатывают ныне ученые разных стран [Д.Кара - Венгрия; Чингалтей - КНР; Ц.Шагдар - Монголия].

Е.А.Кузьменков, изучив некоторые чжурчженско-маньчжуро-монгольские параллели на примере ряда слов, пришел к заключению, что не позднее XII в. в территориальной близости к чжурчженям находился монгольский диалект с теми чертами, которые сохранил впоследствии старописьменный монгольский язык и что "можно

¹ Поскольку этот вопрос освещался нами в монографии "Язык Алтан тобчи", М., 1984, с. 5-12, в данной работе он излагается кратко.

предположить, что носителями этого диалекта были кидане" [Кузьменков, 1988, с. 117-123].

Что касается периодов развития письменного монгольского языка, то здесь также не наблюдается единой точки зрения. Предложенная в свое время акад. Б.Я.Владимирцовым периодизация в три периода: I - древний - от неизвестного нам времени до начала XIV в.; II - средний - от начала XIV до 2-ой половины XVI в. и III-ий классический - от конца XVI, начала XVII до XX в. [Владимирцов, 1929, с. 20-24] поддерживалась и другими учеными [Поппе, 1937, с. 13-14; Санжеев, 1964, с. 9-10]. Правда у Н.Поппе, в отличие от Б.Я.Владимирцова, первый этап охватывает исторический промежуток от начала XIII в. и до XVII в., т.е. с момента появления письменных памятников до его "классического" периода. Второй - с XVII столетия до начала XX-го в., а третий - с первых годов XX-го столетия [Поппе, 1937, с. 13-14; 1964, с. 1-8].

Классификация в три периода нашла корректировку у ряда других исследователей. Венгерский монголовед Л.Лигети считал, что первому периоду предшествовали еще два: "протомонгольский" и "древнемонгольский", о которых могут быть лишь гипотетические данные [Л.Лигети, 1965, с. 136]. Монгольские ученые [А.Лувсандэндэв, 1980, с. 56-58; Д.Төмөртоогоо, 1972, с. 45-57] также отодвигают рамки первых периодов вглубь веков, однако надежных исторических и филологических данных для этого пока мало.

Конечно, вполне справедливо считать, что, "возникновение монгольского языка... нельзя связывать с выступлением на историческую эпоху Чингис-хана" [Л.Лигети, 1955, с. 137]. Монгольский язык или диалект, легший в основу письменного монгольского языка, существовал задолго до того, как он был зафиксирован в памятниках на уйуро-монгольской письменности, а затем на протяжении многих веков этот язык и письменность развивались и изменялись.

При установлении же периодизации монгольского письменного языка необходимо все же иметь хотя бы общие представления о звуковом составе, грамматическом строе, лексике и изменениях в них, характерных для того или иного исторического отрезка времени. Поэтому нам представляется, что классификация Б.Я.Владимирцова в три периода и данная им историческая и лингвистическая характеристика каждому из них остается приемлемой и сейчас.

Как отмечал Г.Д.Санжеев, "исыскания, проделанные монголистами за последние 25 лет, подтверждают периодизацию истории старописьменного монгольского языка, предложенную Б.Я.Владимирцовым" [Санжеев, 1958, с. 29]. И лишь можно было бы добавить, что третий, классический период, к началу второй половины XX в. сменился четвертым - его современным периодом [Орловская, 1986, с. 80-90].

Что же касается более ранних периодов: протомонгольского и древнемонгольского, то о них пока трудно судить с достоверностью, поскольку эти древние периоды относятся к дописьменной эпохе.

Сведения о привлеченных к исследованию текстах XIII-XIV вв.

Древнейшие памятники уйгуро-монгольской письменности относятся к XIII вв. Среди них надписи на камнях ("Чингисов камень", или "Камень Есунке"), некоторое количество дошедших до нас писем, указов и грамот ханов, надписей на ханских печатях, охранных листов. (Полное собрание этих письменных документов издано в Китае: Uyïgurçin mongyol üsüg=ün durasqaltu biçig=üd. Begejïng, 1983 - далее УМУДБ).

"Чингисов камень" назван так по первой строке, где названо имя Чингиса, хотя основное содержание прославляет подвиг Есунке, который выстрелил из лука на большое расстояние на состязаниях воинов после возвращения Чингис-хана из похода на сартулов.

Первым об этом камне, обнаруженном в Нерчинском округе в Забайкалье, сообщил ученый и путешественник Г.И.Спасский в журнале "Сибирский вестник". Памятник был расколот пополам, некоторые знаки оказались стертыми, что затрудняло его первоначальное правильное прочтение. С текста было сделано много копий, и сейчас уже имеются отлично снятые фотографии [Раднаев, 1992, с. 84].

Изучением этого памятника занимались многие ученые - целое поколение отечественных и зарубежных монголоведов.

Впервые надпись была частично прочитана учителем монгольского языка русско-монгольской войсковой школы в г.Кяхта Р.-Н.Ванчиковым. Однако в научный оборот памятник был введен академиком Петербургской академии наук И.Я.Шмидтом [Раднаев, 1992, с. 95].

Дешифровкой и всесторонним изучением надписи занимались такие известные ученые, как Д.Банзаров, И.Я.Клюкин, которым принадлежит честь быть зачинателями в решении сложных вопросов в исследовании этого памятника. Но спорного в его тексте оставалось немало, поэтому изучение и публикации уточненных переводов продолжались.

Изучению этой надписи уделяли внимание такие ученые, как японский монголовед С.Мураяма, француз Л.Амбис, венгерский академик Л.Лигети, монгольские ученые Х.Пэрлээ, Ц.Дамдинсүрэн и Б.Ринчен, австралийский алтаист И. де Ракевильц, калмыцкий ученый Ц.К.Корсункиев.

Итоги по всем публикациям, затрагивающим вопросы орфографии, семантики и грамматики текста подвел В.Э.Раднаев. В своей статье он приводит составленный проф. Л.Амбисом свод сравнительных чтений текста надписи, сделанных разными учеными, дополненный его результатами прочтения теми, кто изучал текст памятника после Л.Амбиса. Год составления надписи датируется по-разному: от 1212 до 1300 года. И. де Ракевильц, привлекая археологические данные, считает, что она может относиться к периоду от 1225 до 1270 года [Раднаев, 1992, с. 104].

В 1246 году ханский престол занял Гуюк-хан. Для него русским умельцем Космой была изготовлена особая печать с надписью в шесть строк, о чем поведал в своих путевых заметках Плано Карпини. С печати, хранящейся в архиве Ватикана, в 1920 г. был сделан оттиск, а в 1923 г. П.Пеллио опубликовал сведения об этой ханской печати в своем сочинении *Les mongols et la papauté* [УМУДБ, с. 13].

В 1921 г. в секретном архиве Ватикана была обнаружена грамота Ил хана Абага католическому послу. Точная дата написания этого текста неизвестна, так как там указано только, что это было в год зайца. Поскольку годами зайца в период правления Абага-хана (с 1265 по 1282) были 1267 и 1279, следовательно, грамота была написана в каком-то из этих годов [УМУДБ, с. 24].

В 1824 г. во французском государственном архиве было обнаружено письмо князя Аргуна, отправленное в 1289 г. французскому королю Филиппу Красивому. Текст письма исследовали И.Я.Шмидт, В.Л.Котвич [Владимирцов, 1929, с. 34].

Папа Николас IV дважды, в 1288 и 1289 гг. посылал письма Ил хану Аргуно. В 1921 г. в архиве Ватикана была обнаружена последняя часть ответного письма Аргун-хана, отосланного летом 1290 г. В этом же году было обнаружено и письмо Газан-хана Бонифацию Восьмому, относящееся уже к самому началу XIV в. (1302 г.), в котором обсуждались сроки совместного похода на Египет [УМУДБ, с. 56].

К древнему периоду относятся также охранный лист, выданный Ил ханом Аргуном в 1291 г., серебряные пайдзы с монгольским текстом, круглая бронзовая пайдза также с монгольским текстом, рядом с которым имеется текст на квадратном письме [Владимирцов, 1929, с. 34-35].

Эти, хотя и не очень большие по объему, тексты писем, грамот, охранных листов, пайдз и печатей тем не менее представляют немалый интерес с точки зрения орфографии и грамматики древнего монгольского языка.

Они свидетельствуют о высоком уровне монгольского литературного языка на уйгуро-монгольском алфавите и дают представление о довольно развитой морфологии и синтаксисе, что в свою

очередь предполагает наличие более древних, не дошедших до нас письменных литературных источников. Эти памятники свидетельствуют и о предшествующем длительном пути развития письменного языка, выработавшего определенные грамматические формы и свой стиль.

Значительно полнее письменный литературный язык представлен источниками, относящимися к XIV в.

Известно, что монголы с древнейших времен переводили с других языков, в том числе и с китайского, различные исторические, философские, дидактические произведения. Одним из таких переводов является Сяо-цзин (Hsiao ching - далее HC) - древнейшее китайское сочинение, переведенное на многие языки Востока, в том числе и на монгольский, о чем имеется упоминание в китайском историческом сочинении Юань ши вей [X. Лувсанбалдан, 1961, с. 11]. Из этого сочинения известно, что Сяо-цзин была переведена на монгольский язык в 1307 г. Болод (Пулад) Тимуром, но перевод, как считают ученые, был сделан государственным, так называемым "квадратным" письмом. Однако этот текст до сих пор не обнаружен. Но как предполагается, вскоре после того (а возможно, и одновременно) был сделан перевод на монгольский язык уйгуро-монгольским письмом [I. de Rachewiltz, 1982, с. 14-16]. Это редчайшая и единственная на монгольском языке книга юаньского периода (XIII-XIV вв.), памятник древнего доклассического монгольского языка².

История обнаружения монгольского текста связана с именами В. Фукса и А. Мостерта. В IV т. Monumenta Serica (1939-1940, с. 328) появилась их небольшая статья, содержание которой касалось одного оказавшегося оторванным листа, найденного Фуксом несколькими годами раньше в Пекине. Лист этот принадлежал неизвестному до сих пор двуязычному изданию Сяо-цзин. Он представлял собой китайский текст, разбитый на предложения, за каждым из которых следовал монгольский перевод на уйгуро-монгольском алфавите. А. Мостерт перевел монгольский текст и высказал предположение, что со стороны словаря и грамматики он, возможно, относится к периоду юаней [Fuchs W. und Mostaert A., 1939-1940, с. 328].

В 1946 г. в этой же серии В. Фукс опубликовал статью [Fuchs W., 1946, с. 33-34], в которой сообщалось об обнаружении в Дворце-музее в Пекине полного экземпляра Сяо-цзин, и давал его описание. Таким образом была найдена редчайшая и единственная в своем роде изданная на монгольском языке книга юаньского периода - памятник древнего доклассического монгольского языка, которым

² Как известно, древнейший монгольский памятник XIII в. "Сокровенное сказание" зафиксирован китайскими иероглифами, а монгольский оригинал, если он когда либо существовал, до сих пор не обнаружен.

ученые ныне располагают. В 1954 г. фотокопия этого текста была опубликована В. Хэйссигом [Heissig W., 1954].

Первым же, кто подверг критическому анализу монгольский текст памятника, был монгольский ученый Х. Лувсанбалдан, который, находясь в 50-х годах в Пекине, приобрел микрофильм книги и в 1961 г. издал монографию "Ачлалт номын тухай" (О "Книге почитания родителей"). Монография состоит из краткого предисловия (I-III), где автор высказывает мнение, что по форме письма и языку монгольского текста перевод мог быть сделан в конце юаньской (1280-1368) или в начале минской династии, т.е. в XIV в.; далее следует транскрипция текста (4-22), пространный комментарий (24-125), большая часть которого посвящена сравнению публикуемого текста с некоторыми современными версиями (их сейчас существует несколько, а во Внутренней Монголии эта книга является настольным учебником для домашнего обучения), индекс слов (125-148), и, как приложение, - факсимиле ксилографа текста. И хотя репродукция текста местами очень неразборчива, эта работа, несомненно, имела большое значение, так как в научный оборот поступил полный текст ксилографа и оригинальный памятник стал, наконец, доступен монголоведам для исследования.

За публикацией Х. Лувсанбалдана последовали и другие работы, посвященные Сяо-цзин. Венгерский ученый акад. Л. Лигети, основываясь на факсимиле текста, изданного Х. Лувсанбалданом, опубликовал в 1965 г. предварительную транскрипцию монгольского текста [Лигети, 1965, с. 9-37], а в 1972 ее более совершенный вариант. Но как пишет И. де Ракевильц, транскрипция Л. Лигети, хотя и представляет определенное улучшение по сравнению с таковой Х. Лувсанбалдана, все же содержит ошибки в прочтении некоторых букв и поэтому не может считаться окончательной [I. de Rachewiltz, 1982, с. 17].

В 1978 г. журнал Zentralasiatische Studien опубликовал более отчетливый текст Сяо-цзин с кратким предисловием (с. 159-237). В 1982 г. И. де Ракевильц снова издает текст, предпослав ему подробное введение, транскрипцию, перевод на английский язык и примечания к переводу. Во введении автор высказывает мысль, что язык монгольского текста выражает определенные черты самой ранней даты составления, возможно, ранее середины XIII в. [I. de Rachewiltz, 1982, с. 18].

В 1984 г. Л. Лигети вновь возвращается к этому памятнику и публикует статью, в которой рассматриваются орфографические особенности текста, предлагается новое прочтение ряда знаков, уточняется перевод ряда мест, высказываются некоторые замечания по поводу публикации И. де Ракевильца и подчеркивается, что грамматические особенности данного монгольского текста заслуживают специального исследования [Лигети, 1984, с. 303-349].

Ряд публикаций по отдельным главам Сяо-цзин принадлежит проф. Гарвардского университета Ф.В.Кливису, в которых дается транскрипция монгольского текста и перевод на английский язык с примечаниями [Cleaves, 1982, с. 69-88; Cleaves, 1983, с. 33-46; Cleaves, 1985, с. 225-254; Cleaves, 1991, с. 117-145; Cleaves, 1994, с. 1-21].

Ценность этого уникального памятника состоит в том, что это единственная печатная книга на монгольском алфавите XIII-XIV вв. сохранившаяся до наших дней и самый длинный по протяженности 12 тыс. слов текст.

Монгольский перевод не является буквальным воспроизведением китайского текста. Переводчик/и, - как отмечают исследователи, допускал/и/ большую свободу в превращении китайского оригинала в монгольский текст. В результате монгольская версия является пересказом или интерпретацией источника. Такая свобода в переводе китайского делает монгольский вариант более ценным как образец монгольского языка юаньского периода.

К памятникам монгольской письменности XIV в. относится и серия двуязычных китайско-монгольских текстов.

Китайско-монгольские надписи на стелах - это двуязычные памятники времен правления последнего монгольского императора юаньской династии (1368-1371) Тогон Тэмур (1320-1370).

Первая из нескольких (по крайней мере шести ныне известных) надписей была высечена на камне и установлена в 1335 г. Монгольский текст этой стелы был впервые опубликован в 1937 г. японским ученым Tamura Jitsuzō в журнале *Mongyol=un sudulal* (*Mongolica*). Появлялись публикации и в японских изданиях. По содержанию текст этой надписи представляет собой генеалогию и историю семьи китайского происхождения, служившей монгольским правителям на протяжении пяти поколений. Этот двуязычный памятник - неоценимый источник не только по истории юаньской династии, но и прекрасный материал по древнемонгольскому письменному языку. В 1950 г. В.Кливис опубликовал в [HJAS, V 13, № 1-2] китайский и монгольский тексты, их переводы на английский язык с историко-филологическими комментариями и индексом.

Вторая надпись была составлена в 1338 г. Ее монгольский текст также был опубликован в 1937 г. в *Monggol=un sudulal* (*Mongolica*) Tamura Jitsuzō. Эта надпись неоценима по значению как исторический и лингвистический памятник эпохи юаней и как уникальный источник по генеалогии и истории монгольской семьи, по крайней мере в трех поколениях преданно служившей двору. Китайский и монгольский тексты и этой стелы с переводами их на английский язык, комментариями и индексом были осуществлены В.Кливисом и опубликованы в [HJAS, 1951, V 14, № 1-2].

В 1340 г. была составлена третья из подобных надписей. Она высечена на камне, установленном в одном из древних храмов, расположенном в горах китайской провинции Юнь-нань, сохранившемся до сих пор [УМУДБ, с. 307].

Первое упоминание о монгольском тексте этой надписи, как еще не опубликованной, было сделано Б.Я.Владимирцовым [Владимирцов, 1929, с. 35], который сообщал, что "имел возможность подробно ознакомиться с этой надписью по фотографии", любезно предоставленной ему покойным J.Denicker-ом, который в свою очередь получил ее от d'Ollone.

На обратной стороне памятника упоминается имя юнь-наньского вана Аруга, по чьему указу была высечена надпись, поэтому она названа Б.Я.Владимирцовым "стела Аруга".

Монгольский текст памятника с изложением его на классическом письменном монгольском языке опубликован в УМУДБ, с. 307-313.

Стела 1346 г., воздвигнутая по указу императора Тогон Тэмур, сохранилась не полностью. Только четыре ее отдельных фрагмента были обнаружены на месте бывшей столицы Каракорум.

Два фрагмента монгольского текста были опубликованы В.Радловым в его *Atlas der Alterthümer der Mongolei*. В.Л.Котвич, который обнаружил еще три фрагмента этой надписи, перевел монгольский текст одного фрагмента и опубликовал в своей статье "Монгольские надписи в Эрдэни-дзу" [Котвич, 1918, с. 205-214].

В 1929 г. Н.Поппе в своем отчете о поездке на Орхон летом 1926 г. представил исследование еще по двум фрагментам монгольского текста, а Б.Я.Владимирцов [1930, с. 187] сделал поправки к прочтению надписи Н.Поппе.

Несмотря на свою неполную сохранность, монгольский текст и этого памятника представляет собой образец монгольского письма языка XIV столетия. Кроме лингвистического аспекта надпись представляет интерес и для изучения истории буддизма в Монголии, так как является единственным источником тех времен по описанию огромного буддийского храма в Каракоруме, который был заложен еще Угэдэй-ханом в 1220 г. Эта надпись также была исследована В.Кливисом [HJAS, 1952, V 15, № 1-2].

В 1967 г. в: [HJAS, V 27] В.Кливис опубликовал статью о китайско-монгольской надписи 1348 г. В этой статье он представил снимок китайского текста. Камень, на котором была высечена надпись, был уже основательно разбит и поэтому она сохранилась частично. Из скопированного китайского текста видны только две строки монгольского, которые завершали китайскую надпись. Камень с фрагментом монгольского текста опубликован в [УМУДБ, с. 342].

И, наконец, шестая стела относится к 1362 г. В 1908 г. монгольскую надпись с нее скопировал П.Пеллио, но издание ее тогда не последовало. Изучение этого двуязычного памятника связано с именем В.Кливса. В 1949 г. в: [HJAS, V 12, № 1-2] появилась его публикация китайского текста с переводом на английский язык и комментариями, а также монгольского текста, его латинской транскрипции также с переводом на английский язык, комментариями и индексом. Это исследование представляло собой исправленный и дополненный вариант докторской диссертации автора, представленной на защиту в 1942 г. в Гарвардском университете в Кэмбридже.

Стела 1362 г. представляет собой великолепный источник по генеалогии и истории семьи тюрского происхождения, которая служила монгольским правителям в течение пяти поколений. Единственным членом этой семьи, имя которого В.Кливс обнаружил в официальных документах юаньской династии, был Орон, благодаря заслугам которого перед императором, его отцу Хинду был посмертно присвоен княжеский титул, пожаловано поместье и по приказу императора была высечена надпись на камне. Монгольский текст этого памятника представляет собой также прекрасный образец письменного монгольского языка 2-ой половины XIV в.

К образцам древней монгольской литературы и монгольского языка юаньского периода относится и текст "Двенадцати деяний Будды" (The Twelve Deeds of Buddha). Его публикацию с примечаниями и перевод на английский язык осуществил в 1967 г. Н.Поппе. Считается, что это слегка сокращенная версия Lalitavistara, составленная по-тибетски в XIV в. Чойджи Одсэром, известным монгольским ученым и переводчиком буддийских сочинений. В XIV же веке текст был переведен на монгольский язык по поручению императора Йсун Тэмура (1293-1328). Монгольский перевод сохранился частично и, хотя обнаружен не его оригинал, а более поздняя копия (XVII в.), его, по словам Н.Поппе, можно считать шедевром монгольской каллиграфии того времени, который содержит как древнюю лексику, так и грамматические формы, характерные для доклассического монгольского языка [Поппе, 1967, с. 19].

К исследованию особенностей монгольского языка доклассического периода был привлечен и текст "Сокровенного сказания".

"Сокровенное сказание" - первый монгольский национальный литературно-исторический памятник XIII в., по своему значению причисленный к великим литературным памятникам мира. Это монгольское сочинение было транскрибировано (с предполагаемого уйгуро-монгольского первоисточника) китайскими иероглифами и переведено на китайский язык с целью изучения монгольского языка китайцами в минскую эпоху или даже, как считает ученый из Внутренней

Монголии Баяр, в эпоху юаньских императоров (1271-1368) [Mongolia, 1993, с. 94].

Начало исследования этого замечательного памятника в России было положено русским ученым архимандритом Палладием Кафаровым, опубликовавшим в 1866 г. перевод "Сокровенного сказания" на русский язык под названием "Старинное монгольское сказание о Чингис-хане".

К настоящему времени опубликованы сотни трудов ученых разных стран Европы, Азии и Америки, посвященных переводу этого произведения на европейские и восточные языки, а также изучению его языка. И тем не менее исследование этого произведения далеко не закончено: продолжается работа по уточнению транскрипции и реконструкции монгольского оригинала, изучаются отдельные разделы грамматики и синтаксиса его текста.

"Сокровенное сказание" признано ЮНЕСКО великим памятником истории и литературы Востока и под эгидой этой международной организации в 1990 г. в г. Уланбаторе состоялась юбилейная Международная конференция, посвященная его 750-летию. В конференции принимали участие ученые многих стран мира, где высказывались мнения, что этот шедевр монгольской литературы не только ценный памятник по истории, культуре и искусству монгольского народа XIII в., но и непревзойденный материал для дальнейшего изучения языка и поэзии монголов той эпохи.

Об уйгуро-монгольской письменности

Развитие учения о языке у того или иного народа связано с историей его письменности. Как уже выше отмечалось, самые ранние дошедшие до нас памятники монгольской письменности относятся к XIII в.

XIII век был веком создания единого монгольского государства, тогда и появился общий письменный язык на основе уйгурского алфавита. До того времени монголы пользовались и другими письменами. При дворе Чингис-хана, например, широко использовалась китайская иероглифика. Как писал А.М.Позднеев, "постоянные сношения с Китаем потребовали новых порядков, и тогда, почувствовав нужду в письме, монголы начали употреблять китайские иероглифы, не приспособлявая их, однако, к своему языку, как это сделали японцы, корейцы и др." [Позднеев, 1897, с. 2].

В монгольских летописях сохранились предания, в которых употребление монголами китайского письма приписывается даже

временам первого монгольского князя Бодончара, которого в летописях монголы почитают сыном Тэнгрия.

А.М.Позднеев склонен был считать, что монголы еще задолго до Чингис-хана пользовались для своего письма китайскими иероглифами. Возможно, тогда же употреблялась и уйгурская письменность, но распространение она получила с самых первых годов царствования Чингис-хана и была уже настолько широко известна, что европейский путешественник Плано Карпини писал, что монголы не только всецело восприняли уйгурский алфавит, но и настолько освоились с ним, что сами уйгурские буквы называют монгольскими [Позднеев, 1897, с. 7,11].

Введение уйгурской письменности приписывается Чингис-хану. Как явствует из общеизвестной легенды, Чингис-хан, одержав победу над найманами, захватил в плен уйгура по имени Та-Та-Тонга, которому поручил обучить этой письменности своих детей.

Принятие письма монголами от уйгуров подтверждает и другой европейский путешественник Рубрук [Позднеев, 1897, с. 13].

Традиционное отнесение создания письменности на основе уйгурского алфавита и первых сочинений о языке к XIII в., по-видимому, соответствует действительности, хотя трудно предположить, чтобы наличие разработанного литературного языка к началу этого века не предполагало создания письменности в более ранний период. Монгольские ученые считают, что уйгурская письменность могла появиться среди монгольских племен не позднее IX-X вв. [А.Лувсандэндэв, 1982, с. 44; Д.Төмөртоого, 1983, с. 4], но надежных историко-лингвистических данных для этого пока мало.

Уйгурская письменность стала прообразом настоящей монгольской письменности, которая сформировалась только к концу XVI в.

Получив алфавит от уйгуров, которые в свою очередь заимствовали его у согдийцев-буддистов, и который восходит к одному из арамейских - северному семитическому, монголы на протяжении нескольких веков подвергали его совершенствованию, после чего он стал называться не уйгурским или уйгуро-монгольским, а монгольским.

Уйгуро-монгольский алфавит кроме чисто графических особенностей, отличающих его от "монгольского" по начертанию букв, имел и свои фонологические особенности: он содержал в себе всего 14 знаков и на первых порах еще не был приспособлен для фиксации звуков монгольского языка. "Алфавит, который первоначально был приспособлен для фиксации звуков или фонем одних языков, не мог быть полноценным инструментом для передачи фонетического строя других языков, в данном случае монгольских" [Санжеев, 1977, с. 20].

В уйгурском алфавите отсутствовали, например, такие знаки, которые могли бы различать монгольские согласные: [к.] и [г.], [к] и

[г.], [ч] и [дж], [с] и [ш], [т] и [д] [Санжеев, 1977, с. 20]. Для семи монгольских гласных было только три знака: [a // e], [i] и [o // u], в результате четыре огубленных монгольских гласных передавались сочетаниями имеющихся букв: альфа [aləph] и вав [waw] → o, u или aləph, waw и yod → ö, ü.

В древнем монгольском языке существовала стройная система гласных с делением на два ряда:

1. задний: a, o, u, i
2. передний: e, ö, ü, i.

Однако эта система просуществовала недолго и, как считал Б.Я.Владимирцов, по-видимому, в половине XIII в. монголы перестали различать i от i. Тем более, что и в самом уйгурском алфавите не было особого знака для i, который обозначался так же, как и i. Различие же между i и i можно было установить только при употреблении разных согласных: буква heth [χ, γ, g] употреблялась в словах заднего ряда, а kərh в словах переднего ряда [к, g] [Владимирцов, 1929, с. 119-120]. Поэтому древние монгольские филологи основное внимание в своих сочинениях уделяли приспособлению уйгурского алфавита к фонологической системе монгольского языка.

Самым ранним сочинением о языке у монголов считается написанное в первой половине XIII в. (1237 или 1243) сочинение тибетского ученого Сакья пандиды Гунгаажалцана "Зурхний толт" ("Сердечный покров" или "Сердечная сущность"). Оно не сохранилось, но упоминание о нем и дате его написания содержится в более поздних трудах. Сакья пандиды Гунгаажалцан был скорее всего составителем букваря или учебного пособия, в котором были сформулированы основные фонетические правила употребления уйгурского письма [Перих, 1958, с., 339; Ш.Лувсанвандан, 1965, с. 19-20; Ц.Дамдинсурен, 1956, с. 112].

Создавая свое сочинение (или учебник), Гунгаажалцан приспособил 14 уйгурских знаков к монгольскому языку, а разрабатывая орфографию, положил в основу алфавита индо-тибетскую слоговую систему. Хотя уйгуро-монгольское письмо по своему характеру не слоговое, а звуковое, тем не менее он и все последующие грамматисты вплоть до начала XX века объясняли его как слоговое по принципу индийской и тибетской слоговых систем, которые они хорошо знали (Санскрит и тибетский в древней Монголии играли примерно такую же роль, как классический греческий и латинский в Европе средних веков).

Гунгаажалцан составил азбуку, состоящую из 44 знаков, точнее из трех имеющихся в уйгурском алфавите гласных: a, e, i и 41 слогобуквы, так как каждую из согласных: p, b, x, g, m, l, r, s, t, d, j, č, y, w он снабдил гласными (w имела только wa и we). Для огубленных гласных: o, ö, u, ü в уйгурском алфавите особых знаков не было,

поэтому и слоги-буквы с ними образованы не были [Ш.Лувсанвандан, 1965, с. 20-21].

Однако такого количества знаков было явно недостаточно для общемонгольского языка, особенно для перевода иноязычной философско-религиозной и другой литературы. Поэтому на протяжении долгого времени, вплоть до конца XVI в., велась работа по усовершенствованию алфавита и письменности в целом.

Дальнейшее усовершенствование письменного языка и прежде всего его грамматических норм связано с именем крупнейшего монгольского ученого-филолога, поэта и переводчика буддийских сочинений Чойджи Одсэра, который написал грамматическое сочинение Зурхний толтын тайлбар ("Комментарии к "Зурхний толт"). Этим сочинением были заложены основы монгольской филологической науки. К сожалению, оригинал этого труда также не сохранился, но дошел в редакции XVIII в. Грамматика не воспроизводилась целиком, а излагалась лишь краткое содержание и приводились отдельные фрагменты текста Чойджи Одсэра.

Применение уйгурской письменности к монгольскому языку требовало создания специальных графем для обозначения тех знаков, которые в уйгурском алфавите отсутствовали. Развивая дальше учение своего предшественника о звуковой системе монгольского языка, Чойджи Одсэр составил новый монгольский алфавит из 123-х слоги-букв. К трем неогубленным гласным а, е, и он добавил огубленные о, ö, u, ü, образовав первые: о, u из аlērḥ и waw, а вторые -ö, ü из аlērḥ, waw и yod. Следуя, как и его предшественник Гунгаажалцан, индо-тибетской слоговой системе, Чойджи Одсэр каждую из согласных снабдил гласной. Таким образом, старомонгольский алфавит состоял уже из 7 гласных, 114 согласных слоги-букв с добавлением сочетания ng и iyaḡ.

Этот алфавит и письменность продолжали существовать и в XVI в. В 1587 г. для обозначения на письме иноязычных фонем в многочисленных заимствованиях были созданы буквы, образующие в совокупности особую систему знаков, так называемый Галик (в русской транслитерации это: в, е, з, к, л, ф, һ).

С конца XVI в. произошли значительные изменения и в начертаниях самих уйгурских знаков: конечные "а", "е", "л", "d" стали писать с черточкой, загибающейся слева направо, а не вниз, как это было в уйгурском алфавите. Иным стало написание "а" и "е", когда они употреблялись отдельно от слова (знак "орхица"), изменилось начертание буквы "m" (без двух зубчиков слева). Стало различаться написание согласных d и t, были введены новые буквы для обозначения ç и j, иное начертание получили буква "s" в конце слова. Видоизменилась и система диакритических знаков; точка перед конечным "n" уже не ставилась, хотя вплоть до XVII-XVIII вв. в диакритике еще

присутствовал разбой: две точки могли отсутствовать перед ү в интервокальной позиции и стоять перед х или ү в позиции перед согласными.

Усовершенствование алфавита, норм правописания и начертания самих знаков привело к образованию "собственно монгольского" письма - классического монгольского письменного языка.

Некоторые лексико-графические особенности уйгуро-монгольских текстов

Что касается древнего монгольского письма, то написание букв усвоенного монголами в XIII в. уйгурского алфавита согдийского происхождения до XVI в. оставалось почти без изменения. В течение всего этого периода шел медленный процесс изменения уйгурского почерка и начертания уйгурских знаков. И лишь к концу XVI - началу XVII в. этот процесс закончился выработкой монгольской формы написания знаков алфавита [Владимирцов, 1929, с. 32].

В древних текстах отсутствовала пунктуация, за редким исключением употребления двух точек / : /, которые могли стоять как в конце предложения или целого абзаца, так и в любой части предложения, а чаще и вообще отсутствовали, и четырех точек / : : /, завершающих все сочинение, иногда его части. Следует отметить также отсутствие (за редким исключением) знаков диакритики, т.е. простой точки перед знаком п и двух точек перед знаком ү в предвокальной позиции. Но, с другой стороны, эти же точки порой употреблялись перед этими же согласными, находящимися в позиции перед другими согласными, что противоречит более поздним, классическим, правилам диакритики.

В области лексики эти тексты характерны не только наличием тюркизмов, китаизмов и других иноязычных слов, но и написанием многих лексем в древней уйгурской орфографии, например, писали jrlḡ вм. jarlīy "указ, повеление", buḡy вм. buḡay "источник", slüḡ вм. silüḡ "стихи".

В ранних текстах длинный зубчик при написании ö и ü в начале слов часто отбрасывался и писали o и u, особенно в тех случаях, когда их мягкое произношение было очевидно из следовавших за ними согласных g, k, например: jug вм. jüg "сторона, направление"; mongke вм. mōngke "вечный"; jöbleküi вм. jöbleküi зд. "быть равным". Написание o и u вм. ö и ü объяснимо, когда за ними следовали согласные g и k, предполагающие передний вокализм. Но твердые o

и и вместо их мягких вариантов писались и во многих других случаях например: čom в м. čöṃ "все", "вместе", job в м. jöb "верно, правильно".

В китайско-монгольских надписях XIV в. обычным было написание в первых слогах переднеязычного ü в словах с гласными заднего ряда: yirban в м. yirban "три", büsud, büsu, иногда büsi в м. busud, busu "другие".

Своеобразно употреблялся и суффикс множ. ч. (класс.: = nuγud, = nüγüd), который в древних текстах независимо от принадлежности гласных предшествующего слова к переднему или заднему ряду писался преимущественно в форме =nuγud: ...bodisdv=un olon törö =nuγud... [ТД 56, F 52 v] "... многочисленные перерождения Буддизма"; ... jaγug=a berke čöl=nuγud=i tuγuluγad... [Cl., 1362, с. 64] "...по пути пересекая трудные пустыни..."

В начале слов не различалось написание а и е, т.е. вместо одного зубчика для е писали два как для а: апе в м. епе "этот", аčige в м. еčige "отец", амüne в м. емüne "перед", айүмүн в м. еүимүн "такие" и т.п.

В самых ранних памятниках уйгуро-монгольского письма не проводилось различия в написании d и t в середине слова. Однако окончание дательного-местного падежа (в отдельном написании) всегда было =tur независимо от конечной основы слова: бүкүй=tür (=tür в м.=dür) [УМУДБ, с. 59]. Позднейшие правила предписывали писать =tur, =tu после твердых согласных, =dur, =du после гласных или мягких согласных [Mongol=un uyγurcin bičig. UB., 1965, с. 69].

В большинстве случаев не выдерживались какие-либо правила употребления знаков диакритики: точки отсутствовали перед знаком [γ] в предвокальном положении, но с другой стороны, употреблялись перед зубчиком, обозначающим [п] в позиции перед согласными или в конце слова, что в корне противоречило более поздним правилам употребления этих знаков.

Не соблюдались правила гармонии гласных, в результате часть слова могла быть написана с мягким рядом гласных, а другая с твердым: дөрbedуγар в м. дөрbedүгер [НС, 276: 6а] "четвертый".

Падежные окончания, лично-притяжательные частицы, показатели множественного числа часто писались с основой слова, тогда как в классическом монгольском они пишутся, как правило, отдельно, например: етенеče [УМУДБ, с. 69] в м. еге=eče "издавна", bičigmani [УМУДБ, с. 50] в м. bičig mani "письмо мое"; аqаnаr degüner [УМУДБ, с. 70] в м. аqа nаr degü nеr "старшие и младшие (братья)".

В описываемых памятниках употреблялись древние архаичные формы написания многих слов, например, bičin (уйг.форма), монг.: bečin "обезьяна", köreg "картина" в м. более поздней körög "id".

menggü более поздняя форма mönggü "серебро"; ilčin в м. elčin "гонец, посланник", ödür в м. edür "день".

Отсутствовала закономерность в употреблении суфф. =iya/=ige: например, в тексте НС он часто чередовался с =iya/=iye: emige= [2 а] emiye= [16 б; 29 а; 33 а]; kičige= [7 б; 33 а] kičye=[28 б].

Это относится и к суффиксу класс. =siya/=sige, который употреблялся в форме на =siya/=siye; ср. sayisiya= [Cl., 1338, с. 53] "одобрять" от sayin "хороший" +=siya и sayisiya= [Cl., 1362, с. 63] "id".

В лексике древних текстов употреблялось немало слов, исчезнувших впоследствии из языка или сохранившихся в ином написании, например: түрүн или түр=үн [Cl., 1362, с. 63,66] "в начале". Ср. в класс. монг. түрүгү "недавно", "прежде", "раньше"; не зарегистрирован в словарях глагол udu= "руководить, вести за собой": kög dayun qoγaγ=iγar udubasu... [НС, 12 б] "когда они руководили (ими) посредством гармонии и музыки (звуков)" (Об этом глаголе и производном от него существительном udum см. Cl., 1346, примеч. 155; Rachewilts, 1982, примеч. 49). Только в монгольских памятниках XIV в. употреблялось словосочетание bii tas "стела" < кит. pei "стела" + тюрк. tas "камень" с регулярным изменением š > s.

Слово parbai "обширный, просторный" сохранилось в форме parmai "id". Не зарегистрированы в современных словарях такие слова, как südkü= "помогать", südkülü= "заставить оказывать помощь" [Cl., 1362, примеч. 66]. Только в китайско-монгольских надписях использовался глагол wungsigla= "пожаловать почетный титул" (супруге, родителям и прародителям в знак почитания). В Кливс считает, что этот глагол образован от основы wungsing=, которая может быть и китайским термином feng-tsêngu, обозначающим почетный титул того же значения [Cl., 1335; Cl., 1362, примеч. 68].

Только в древних текстах встречается слово söge [Cl., 1335, примеч. 49] "холод". Ср. в "Сокровенном сказании": jü'en [§ 230]. В китайско-монгольских надписях употребляется слово jidte [Cl., 1335, примеч. 86] с приблизительным значением "в присутствии".

Кроме лексикографических особенностей язык древних памятников характерен наличием суффиксов и грамматических форм, неизвестных или крайне редко употребляемых в текстах более поздних веков. Так, из монголоведной литературы известно, что в старописьменном монгольском языке страдательный залог с суффиксом =da употреблялся от весьма немногих односложных глагольных основ типа ol=da= "быть найденным" от ol= "находить" или γar=ta= "быть превзойденным" от γar= "превзойти (в спорте)" [Санжеев, 1964, с. 78]. Однако древний пассив на =da употреблялся вместо более позднего =γda и в ряде многосложных глагольных основ, в том числе и в сочетаниях с суффиксом побудительного залога, например, jaγayaγaysabar

[Cl., 1362, с. 62] "быть predeterminedенным судьбой"- деепричастие на = *ysabar* от *jayayada*= - древний пассив на =*da* от глагола *jayayaa*= "предопределять": *törögülde*= [Cl., 1362, с. 65] "быть рожденным" - пассив на =*da* от каузатива на =*yul/=güi* глагола =*törö*= "рождать"; *oralayulda*= [Cl., 1362, с. 29] "досл. позволять быть удерживаемым на службе" - пассив на =*da* от каузатива на =*yul* глагола *orala*=, образованного от имени существительного *oga* "место", "штат (служебный)"; *surayulda*= [НС, 12 а] "заставить быть просвященным" - пассив на =*da* от каузатива на =*yul* глагола *suraa*= "обучать"; *baiyulda*= [Cl., 1362, с. 62] "быть воздвигнутым"- пассив на =*da* от каузатива на =*yul* глагола *baii*= "быть, находиться"; *ogusiulda*= [НС, 6 а] "быть установленным" - пассив на =*da* от каузатива на =*yul* глагола *ogusi*= "находиться, располагаться".

В глагольной системе зафиксирована древняя форма *poten imperfecti* на =*yai/=gei* (в "Сокровенном сказании": =*ai/=ei*) вместо более поздней на =*ya/=ge*, например, *lduy qud öber=ün tüsimel=iyer=iyen iregei=üdügüi üiles=i urida böged uqaju*... [Cl., 1362, с. 62] "Идук худ со своими чиновниками понял заранее события, которые еще не произошли"; ...*joqiyar egüskeju dayusuyai üdügüi=e* [Cl., 1362, с. 62] "...когда, начав сочинять, еще не закончил..."; *gü'ün=ne ber öktei'ei üdüküi ökin aju'u* [Ск.ск., § 7] "Это была еще не просватанная (не отданная человеку) девушка"; *Dungčang balagasu abu'ai* [Ск.ск., § 247] "Взяли город Дун чан"; ср.: *basa ber nasun=dur kürege edügüi amu* [ТД 33, F 19 v] "...и также еще не достигли совершеннолетия".

Только в древних текстах зафиксированы некоторые глагольные формы, указывающие на согласование сказуемого с подлежащим или с другими членами предложения по родовому (точнее половому) признаку. Наибольшее количество примеров с такими глагольными формами содержится в тексте "Сокровенного сказания". Это прежде всего форма на =*bi* как вариант *Präteritum perfecti* на =*ba / =be* и =*ligi / =li'i* как варианты *Präsens perfecti* на =*luya / =lu'a / =lu'e*, употреблявшиеся нередко (но весьма нерегулярно) при наличии в предложении подлежащего или дополнения, выраженного именами женского пола.

Имеются такие примеры и в памятниках уйгуро-монгольской письменности. Так, в надписи 1335 г. зафиксированы предложения, которые различаются употреблением разных форм *Präteritum imperfecti* в зависимости от половой принадлежности лиц, в пользу которых совершается действие. Это формы на =*jigi/=čigi* для женского пола и =*juu* - для мужского. Ср. примеры: *gergei inu Gang si da sing qoo gün wusin ner=e ögčigi* [Cl., 1335, с. 74] "Его супруге Ганг ши [Им-

ператор] пожаловал титул шинг хоо гун вушин"; *mön kü urida yosuyar... ner=e ber wungsinglaysan ajuu, gergei Ong si=da... ner=e ber wungsing-lajigi* [Cl., 1335, с. 74] "Точно так же, как и прежде даровал [отцу] титул...; Супруге его Онг ши даровал титул...". (Подробнее об этом в разделе "О категории рода").

Для ранних доклассических текстов характерно было употребление глагольной основы *buli*=, развившейся впоследствии в *buliya*= > класс. монг. *buliya*= "брать, отнимать", например: *tegünčilen ebečin jobalang ber amitan=u öngge čirai=yi buliju singtarayul=un bui* [ТД 24, F 5 v] "Точно также болезнь и страдания отнимают и разрушают красоту (цвет) лица живых существ".

В древнем монгольском языке существовала глагольная форма *Präsens perfecti* на =*laya / =lege* наряду с утвердившейся позже =*luya / =lüge*, поэтому служебный глагол *bölüge* нередко писался как *bölege* [Cl., 1346, примеч. 237]. В письме Аргун хана Николасу IV имеется словоформа *böleyi* [УМУДБ, с. 47], где суффиксом является =*leyi*. Ср. в "Сокровенном сказании": *büligi* [§ 155].

К редким глагольным формам надо отнести и форму слитного деепричастия от архаичного глагола *a*= "быть, существовать"- *an*: *uqaju an bui* [НС, 33 б] "понимают".

В словаре Ноуа ii iu [с.33] зафиксированы еще тринадцать форм от глагольной основы *a*= за исключением формы *an*. Это: *a'ai, abai, abasu, aju, aju'u, amu, aqu, aqui=tur, aqun, aqsan / aysan, asuqai / asuyai, atala, atuqai / atuyai*.

Суффикс множ.ч. =*s*, присоединяясь к атрибутивным и адвербиальным основам, выполнял и словообразовательную функцию, при этом производное могло употребляться и в значении единств.числа. Ср. примеры: *...uridus=un kegür=tür bayiyuldaqu bii tas=un ayalyus=i joqiyatuyai kemegsen=dür*... [Cl., 1362, с. 63] "...когда мне приказали сочинить текст (звуки) стелы, которая должна быть установлена на могиле предка..." - *uridus* "предки" (в данном контексте - в значении "предок" в знак уважения к личности) образовано от *uridu* "прежде, в прошлом". Ср. *qoyidus* [НС, 2 б, 28 а] "потомки", "будущие поколения": при *qoyidu* "следующий, будущий, грядущий, последующий"; *degedüs* "предки", "знать" от *degedü* "высший, верховный", употреблялось и в значении "император": *...köbegün inu Sargesdeb degedüs=e ene metü souyqaydayad*... [Cl., 1338, с. 55] "...сын его Саргэсдэб был таким образом благодетельствован Императором".

Адвербальные прилагательные *tende*ki "находящийся там" <*tende* "там", *degere*ki "находящийся наверху" *degere* "вверх", "наверху", "на" принимали суффикс множ.ч. =*n* в случаях согласования в числе с определяемым (такое согласование в современном языке отсутст-

вует), например: *tendekin irgen imayı masi kündülün ajuуу* [Cl., 1335, с. 72] "...люди, находящиеся там, очень почитали его"; ...*delekei dege-gekin irgen* [НС, 11 б], "...народы вселенной". Показателем множ. числа на =п оформлялись при согласовании с определяемым указательные местоимения *eyim* "эдакий", *teyim* "такой": *eyimün teyimün tangyudud=i* [Ск.ск., § 265] "эдаких таких тангутов", а суффиксом =d - вопросительные местоимения *yaуу(n)* "что?" - *yaууд* "мн.ч.", *ken* "кто?" - *ked* "мн.ч."

По словам В.Кливса, в монгольских документах, находящихся в Тегеране, отмечено предложение: *yaууд ked=i anu bilju tataju bui ab-tuyai* [Cl., 1335, примеч. 107] "Не позволяй им осуществлять их намерения путем грабежа и захвата". В контексте местоимения *yaууд* и *ked* употреблены в значении "чего-кого". Ср. в "Сокровенном сказании": *ede ya'ut haran teyin hüldejü ayisai ke'en* [§ 195] "Что это за люди там бегут (приближаются)?"; *ket ber de'ü=ner kö'üt ta ber* [§ 254] "кто вы, младшие сыновья?"

Среди личных местоимений особый интерес представляет местоимение 3-го л. ед. ч. В современном монгольском языке оно сохранилось лишь в форме родительного падежа, которая употребляется в качестве лично-притяжательной частицы. Однако в древних текстах сохранились почти все его падежные формы, а именно: вин. п. *imayı*, дат.-мест. *imada* / *imadur*, орудн. п. *ima'ar*, исх. п. *imadača*, соед.п. *imalууа* (Подробнее в разделе "Местоимения").

Если в классическом языке местоимения *anu*, *inu* (реже *ni*) употреблялись уже только в роли притяжательных частиц со значением "их", "ее", "его" и только в постпозиции по отношению к соответствующему слову, то в древних текстах они могли находиться и в препозиции, как и любое другое местоимение: *anu ordu dotora* [Cl., 1338, с. 54] "в их дворце"; *anu balayasan=u yadana bayууsan ajuуу* [Cl., 1338, с. 54] "Похоронили за пределами их города"; *inu metüs=i č'iün=tür ilebei* [Ск.ск., § 156] "Подобных ему (мы) примеряли к тележной оси".

Наряду с инклюзивной формой местоимения множ.ч. *bida(n)* / *bide(n)* "мы" в древнем языке широко использовалась и эксклюзивная форма *ba*, которая ныне нигде, за исключением дагурского *bā*, больше не употребляется [Санжеев, 1953, с.148; Тодаева, 1986. с. 53].

В надписи 1338 г. трижды встречается словоформа *mod* (в современном языке "дерево") в значении множ. числа, например: ...*üčügen mod=i quуур egüdkü*. *Yeke mod=i nirууun talу=a bolуaqи=a jayaуaysan metü* [Cl., 1338, с. 56] "...[это] подобно решению: маленькие деревья сделать хурами (смычковый музыкальный инструмент - MO), большие деревья сделать балками и подпорками".

В словарях О.Ковалевского и К.Голстунского зафиксированы словоформы *mot* / *mod*, которые они считают формой множ.ч. от *modun* "дерево" [Ковалевский 1844-1849 т.III; К.Голстунский, 1938, т.III]. Однако нам представляется более вероятным мнение В.Кливса, который *mod* рассматривает как форму множ. ч. на =d от незарегистрированной для ед.ч. основы *mo(n)* [Cl., 1338, примеч. 152]. В "Сокровенном сказании" [§ 223] употреблено слово *moй* в значении "плотник", "столяр" (в современном языке в аналогичном значении модоч). Слово *moй* в значении "столяр" до сих пор бытует в монгольском языке [Тодаева, 1973, с. 346], что предопределяет существование в древности формы *mo(n)* в значении "дерево".

В языке памятников XIII-XIV вв. употреблялись древние грамматические формы, характерные только для доклассического языка и неизвестные по более поздним литературным источникам, например: *ümedü* [Cl., 1362, с. 62; Hill, с.1, 109] "северный" от *üme*= "север"+*dü*; *ümegsi* [Cl., 1335, примеч.III] "з северном направлении, к северу" из *üme*=+*gsi*. Основа *üme*= в значении "север" сейчас не употребляется. Ср. в современном языке *умар* "север" < *умаг*=а, что восходит к *ümeг*=е с переходом гласного мягкого ряда в твердый.

В ряде случаев отмечено образование отглагольных имен действия с суффиксом = *уүlsun* / *үlsun*; *manayүlsun* [Cl., 1338, с. 59] "стража"; *kebte'үlsüt* [Ск.ск., § 224] мн.ч. от *kebte'үlsün* "королевская стража"; *čaqudүlsun* [Ск.ск., § 170] "стражник", *qaraүlsun* [Ск.ск., § 170] "караул, дозор". Некоторые из этих словоформ существуют и в современном языке, но с усеченным суффиксом =*уүl*: *qaraуүl* "дозор, стража".

Нигде кроме надписи 1338 г. не зарегистрировано существительное *пemesün* от *peme*= "дополнять, добавлять" +=*sün*. Это слово синонимично известным в монгольском языке словоформам *пemeгsün* и *пemeгi* "добавка" [Cl., 1338, примеч.90].

Словоформа *пaimdayu* "общительный, любезный, учтивый", не отмеченная в словарях, состоит из *пai* "дружба", "дружелюбие" + суф.=*mdayu*, который по значению соответствует известному суффиксу =*mtayai* / =*mtegei*. В классическом и современном монгольских языках словоформе *пaimdayu* соответствует *пайгауу* (найрагуу) с тем же значением. Не зарегистрирована в словарях и словоформа *kündülemdegü*, состоящая из *kündüle*= - отыменный глагол от *kündü* "тяжелый" +=*mdegü* [Cl., 1335, примеч. 177].

Примером древней монгольской терминологии является выражение *ауан аyала*= [Cl., 1362, с. 32] "проводить военную кампанию". Ср. в "Сокровенном сказании": *ауа аyалаqui=tur* [§ 249] "когда отправимся в военный поход". Сочетание: *ауан degег*=е *уabu*= [Cl., 1346, с. 70] "идти в военный поход" интересно тем, что здесь употреблен

послелог *deger=e*, исходное значение которого "верх", "вверх", "наверху" > "на", "над". Это выражение сравнивается В.Кливсом с *ab de'ere bö'et...* [Ск.ск., § 190] "будучи на охоте".

Следует отметить и словосочетание: *yeke og=a saγuγad...* [Cl. 1362; 1335; 1338] "сел на высокое (почетное) место (т.е. занял престол)". Б.Я.Владимирцов считал *og=a* формой дательного падежа от *og* [Владимирцов, 1929, с. 317]. В.Кливс же, основываясь на том, что в древнем языке это слово встречается в виде *og=a / og=ogo*, а Н.Поппе приводит пример: *oga bariba* [Поппе, 1938, с. 268] "занял место", считает *og=a* не формой дательного падежа, а основой слова. Ср.: *orantu* [Поппе, 1938, с. 269] "имеющий место", суффикс совместного падежа *=tu* присоединен к основе *oran*. Кроме того в "Сокровенном сказании" имеется пример: *Yeke oro=ba3 beye=tür činu čičuγu...* [§ 272] "уступая тебе свое великое место (т.е. престол)", где *oro* не может быть формой дательного падежа. В словаре HIII [с.1] зарегистрировано: *yeke oro barilduqu* "бороться за престол", что, по мнению В.Кливса [Cl., 1335, примеч.17], также свидетельствует, что *oga / ogo* представляет собой основу слова, а не его падежную форму.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

В древних текстах выявлены те же самые части речи (классы слов), что и в классическом и современном монгольском языках, а именно: 1) имена существительные, 2) имена прилагательные, 3) местоимения, числительные, 5) глагол (его причастные и деепричастные формы), 6) наречия, 7) послелог, 8) союзы, 9) частицы.

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ

Существительные

О категории рода. Как известно, в алтайских языках, в том числе и в монгольских, категория грамматического рода отсутствует. Тем не менее многие исследователи этих языков пытались обнаружить хотя бы некоторые следы или остатки этой категории [Владимирцов, 1925, с. 31-34; П.Пеллио, 1932, с. 51; Г.Дёрфер, 1955, с. 219-267; Одынова-Сигзо, 1955, с. 106; Санжеев, 1956, с. 74].

Ученые исходили из того, что в древности для выражения категории рода использовались некоторые словообразовательные суффиксы для различения женского и мужского полов живых существ. Так, Б.Я.Владимирцов в своей статье [1925, с. 31-34] описал случаи различения женского пола при употреблении словообразовательных суффиксов (*=гчин*, *=джин*, *=хан*, *=гуи*), а также использование в этих целях гармонии гласных (*аха* "старший", "старший брат", экз "старшая", "матушка") и считал эти явления следами былого выражения категории женского рода. Отметим, что в системе терминов 12-летнего животного цикла монголы различают года по пяти элементам (дерево, огонь, земля, железо, вода) и пяти цветам (синий, красный, желтый, белый, черный). При этом цветовая гамма подразделяется по отношению к мужскому и женскому роду (точнее полу) путем использования для женского пола указанный Б.Я.Владимирцовым суффикс

=гчин: хөх "синий" - хөхөгчин "синяя", улаан "красный" - улаагчин "красная" и т.д.

П.Пеллио также приводил ряд имен, обозначающих, с одной стороны, женские имена: сутай "императрица", хутугтай "святая", а другой, мужские: сугу "император", хутугту "святой", рассматривая и формы, как остатки грамматического рода [P.Pelliot, 1932, с. 51].

Для обозначения лиц и имен женского пола в древнем языке употреблялся и суффикс =jin: Бууанjin [Cl., 1362, с. 66] "Буаянжин (женск. имя) < бууан "добродетель", "благотворительность"; игиyang qajin [Ск.ск., § 38] "уранхайка", "из рода урянхай". Ср.: игиyang qada [Ск.ск., § 12] "урянхаец"; Mongqoljin go=a [Ск.ск., § 3] "Монголжин-гуа (женск. имя) < mongqol "монгол", "монгольский"; Баргужин-гуа [Ск.ск., § 8] "Баргужин-гуа" (женск.имя) < баргун - название рода. Ср.: Баргудай мерген [Ск.ск., § 8] "Баргудай мэргэн" (мужск.имя). Кроме того посредством этого суффикса обозначаются названия самок животных по возрастному признаку. Производящими основами в таких случаях служат имена числительные или их корни: qunajin [Ск.ск., § 195] "трехлетняя" (о самке животных) < qunap "трехлетний" (о самце животных). Ср.: qu=f=ban "три", qu=čin "тридцать". В класс. монг.: dönejin "четырёхлетняя" < dönen "четырёхлетний". Ср.: dö=f=ben "четыре", dö=čin "сорок".

В тексте "Сокровенного сказания" имеется пример на употребление суффикса =jin с местоимением в качестве определения к лицу женского пола: ya'ujin "какая?", "чья?" < ya'un "какой?", "чей?", "что?". ege=yi barju ya'ujin gü'ün či ke'en... [Ск.ск., § 38] "Захватив женщину, сказал: «Ты чья? (какая?)»".

В нескольких женских именах содержится суффикс -lun: Temülün neretei ökin törebi [Ск.ск., § 60] "родилась девочка по имени Тэмүлун"; Temülün < temür "железо", ср.: Temür - мужск.имя; Nomolun eke=deče töregsen büle'e [Ск.ск., § 46] "Родилась от матушки Номулун" - Nomolun < nomon "крот(?)".

Однако, по справедливому замечанию Г.Д.Санжеева, "все эти случаи нельзя рассматривать как свидетельство наличия в монгольском языке категории грамматического рода. Приведенные выше суффиксы и явления гармонии гласных используются только в сфере словообразования для различения имен, обозначающих живых существ по полу" [Санжеев, 1956, с. 74].

Исследование древних монгольских текстов, и в первую очередь "Сокровенного сказания" выявило и некоторые грамматические формы глаголов (в основном изъявительные формы прошедшего времени), которые как бы подтверждали наличие грамматического рода в монгольском языке самого раннего периода.

П.Пеллио первым высказал предположение, что в глагольных суффиксах прошедшего времени изъявительного наклонения: =ba и =bi, зарегистрированных им в тексте "Сокровенного сказания", возможно, содержатся следы грамматического рода [P.Pelliot, 1932, с. 51].

Г.Дөрфер, исследовавший синтаксис "Сокровенного сказания", также описал отмеченные им случаи согласования в роде, причем автор привлек сюда и другие, кроме изъявительных, глагольные формы, в частности причастные. По его мнению, форма на =qu употреблялась для мужского рода, а на =qui - для женского. Кроме того он отметил и факты согласования по роду сочетаний с прилагательными на =tu=tü для мужского рода, на =tai=tei - для женского. При этом подчеркивалось, что глагол может иметь форму женского рода не только когда подлежащее выражено именем женского пола, но и когда дополнение или лицо, в пользу которого совершается действие, являются лицом женского пола [Dörfer, 1955, с. 219-267].

Японский монголовед Одзава Сигэо, также подвергший анализу глагольные формы в тексте "Сокровенного сказания" в те же пятидесятые годы, пришел к выводу, что в системе глагольных форм данного памятника обнаруживаются явные признаки грамматического рода. Он отнес это прежде всего к изъявительной форме прошедшего времени на =bi как варианта формы на =ba / =be, а также к формам на =lige / =li'e как вариантов форм на =lu'a / =lü'e.

Одзава Сигэо также считал, что формы на =bi, =ligi=li'i являются формами женского рода и что они употребляются не только тогда, когда подлежащее выражено именем, обозначающим лицо женского пола, но и тогда, когда действие глагола связано с лицами этого пола [Одзава Сигэо, 1955, с. 1-19].

К подобным формам принадлежат и глагольные формы на =ji'ai / =jigi / =čigi как варианты Präteritum imperfekti на =ju'ui / =ju'u, равным образом указывающие иногда на принадлежность действующих лиц к женскому полу. Приведем некоторые примеры: Temülün neretei niken ökin törebi [Ск.ск., § 80] "Родилась девочка по имени Тэмүлун"; atala Alan qo'a eke inu ügei bolbi [Ск.ск., § 22] "Тем временем мать их Алангуа скончалась"; Temüjin=i бүкүй=yi ügei ese uqabi. Qoyinača bosu'at irebi bi ke'ebi [Ск.ск., § 100] "Тэмуджин дома или нет, я не знаю, я приехала с северной (задней) юрты, - сказала она"; Yisügen qadun egeči=yen üje'et... mün ö'esün döro sa'ubi [Ск.ск., § 155] "Есугэн-хатун, увидев свою старшую сестру..., тотчас сама села ниже".

Однако форма на =bi в этом тексте употреблялась и тогда, когда подлежащее в предложении было выражено именем мужского пола или именем, не выражающим принадлежность к какому-либо полу, например: qahan nidün=yen ne'eju usun guuju u'uju ya'un bolbi

ke'en [Ск.ск., § 272] "...хан открыл глаза и попросил воды, напившись спросил: «Что случилось?»"; *tendeče ügüleriin Temüjin ger=tür buyu ger keji'e buyu ke'ebi* [Ск.ск., § 100] "Потом [солдаты] сказали: «Тэджин дома? Где [его] юрта?»"; *čeriḡ=ün bidanu ĵasal sülbergüi be* [Ск.ск., § 194] "Ослабел порядок (строй) наших войск".

С другой стороны, и при подлежащем, выраженном именем женского пола, употреблялась форма на =ba / =be; *čotan öki=yen hüdējü ...Sengür qoroqan=a бүкүй=dür gürgejü ireba* [Ск.ск., § 100] "[Мать ее] Цотан, сопровождая свою дочь, доехала до реки Сэнгү, Hö'elün-üjin eme... kö'üd=iyen... üdür söni qo'olai tejeba [Ск.ск., § 100] "Матушка Оэлун уджин... днем и ночью вскармливала своих сыновей"; *Börte-üjin nilbüsün aldaba* [Ск.ск., § 245] "Бортэ-уджин заплакала (уронила слезу)".

Отсутствовала какая-либо закономерность и последовательность и при употреблении других глагольных форм. С одной стороны можно привести примеры на использование разных глагольных форм Präteritum imperfecti в зависимости от половой принадлежности действующего лица или того, в пользу кого это действие совершается. Ср. примеры: *Činggis qahan=nu huja'ur... Börte činö aju'u* [Ск.ск., § 100] "Предком Чингис-хана... был Бортэ-чоно"; *gergei inu Qo'ai Maral aji* [Ск.ск., § 1] "Супругой его была Гуа Марал"; *...mön kü uridu yosuḡar nereber wungsinglaysan ajuu... gergei Ong=ši=da... nereber wungsinglaysan lajiḡi* [Ск.ск., § 1335, с. 74] "...[Он] точно так же, как и прежде, даровал [отцу] титул... Супруге Онг ши [также] посмертно даровал титул... *gergei inu Gang=ši=da sing goo gün wusin nere ögčigi* [Ск.ск., § 1335, с. 2] "Супруге его Ганг ши [он] дал титул шинг хоо гун вушин"; *qayirant gergei inu beyeben arigun=a saqiju saqun ajiḡai* [Ск.ск., § 1338, с. 21] "Его любимая супруга держала себя в строгости (чистоте)"; *Gong Taiju=čö inje boḡan ögčigi* [Ск.ск., § 1335, с. 75] "...отдал в качестве приданого Гол Тайгиу" (действие совершается в пользу женщины).

Употреблялись и варианты Präsens perfecti в зависимости от половой принадлежности действующего лица: =la'ai, =liyi и =ligi, =li =lu'a (<=luḡa). Ср. примеры: *...mönggün ölegei tanatu könjile inu Činggis qahan tende abula'ai* [Ск.ск., § 133] "...серебряную колыбель и перламутровое покрывало забрал там Чингис-хан"; *gergei inu Börte=üjin eke čotan neretei buliyi* [Ск.ск., § 94] "Мать его супруги Бортэ-уджин звали Цотан"; *egeči Yisüi neretei nadača de'ere qan gü'ün=e jokičai aji'ai=je sayui güregen güregelen büligi* [Ск.ск., § 155] "Моя старшая сестра Есуй лучше меня и больше подходит хану, она недавно вышла замуж".

Однако во многих случаях и при наличии в предложении действующих лиц, выраженных именами женского пола, согласование между глаголом-сказуемым и подлежащим или дополнением отсутствовало, т.е. употреблялись обычные глагольные формы. Например: *...erten=ü Hö'elün eke=yi čiledü=dača buliju abtala'ai* [Ск.ск., § 102]; "[Эти трое меркитов] отобрали прежде у Чилэду матушку Оэлун"; *...öki guyusu ke'en ayisulu'a* [Ск.ск., § 62] "...[Я] еду сватать (просить) девушку".

Одзава Сигэо [1955, с. 106], Дөрфер [1955, с. 239], Баяр [1993, с. 250] считают, что суффикс =tu / =tü использовался в качестве показателя мужского рода, а =tai / =tei - женского.

Действительно, примеры такого согласования определения с определением имеются как в "Сокровенном сказании", так и в более поздних литературных памятниках. Ср. примеры: *Čilger bi qutuḡtai sutai üjin=i quriyaḡu ireḡü bolun...* [Ск.ск., § 111] "Я, Чилэгер, отобрали у него премудрую святую госпожу..."; и *öljeitü qutuḡtu anda minu büle'e* [Ск.ск., § 200] "...это был [ты] мой благословенный святой побратим"; *Sayin aldar nere yeketei Alan-qo'a neretei... ökin aju'u* [Ск.ск., § 7] "...[это] оказалась девушка по имени Алан-гуа с прекрасной репутацией" и *...Torbi taš neretü elči* [Ск.ск., § 190] "...посол по имени Торби-таш"; *Santa mati neretü ngr=iyin köbegün...* [ТД 31, F 15 v] "...сын Неба по имени Санта Мати" и *Susati neretei ökin=ü sibegčin Dari neretei üküjü...* [ТД 50, F 41 v] "Служанка по имени Дари, [служившая] у девушки по имени Сусати, умерла...". Как видим, во всех приведенных примерах присутствует оппозиция: женский пол - суф. =tai, мужской пол - суф. =tu. И как правило, это относится к слову *nere* "имя". Словоформа *neretei* почти всегда связана с лицами женского пола, а *neretü* - мужского. Но иногда *neretei* употреблялась и с именами, обозначающими лиц мужского пола: *Qačın=nu kö'ün Noyagidai neretei büle'e* [Ск.ск., § 46] "Сына Хачина звали (был с именем) Ноягдай"; *Qada'an neretei ere=yi minu...* [Ск.ск., § 146] "...моего мужа по имени Хадаан".

Что же касается других (кроме *neretei / neretü*) лексем, то никакой закономерности в употреблении форм на =tai и =tu не прослеживается, т.е. и при наличии в предложении имен женского пола определение к нему имело форму на =tu вместо =tai: *...niken hula'an de'eltü eme gü'ün* [Ск.ск., § 146] "...одна женщина в красном дәли"; *ačitu eke činu buyu bi* [ТД 47, F 37 v] "Я ведь благодетельная мать твоя...". Примерами не подтверждается и высказанное Дөрфером мнение, что с категорией рода связано употребление форм причастия будущего времени, а именно, что его форма на =qu имеет отношение к мужскому роду, а на =qui - к женскому. Однако обе эти формы в памятниках XIII-XIV вв. употреблялись независимо от родовой (половой) принадлежности действующих в предложении лиц.

И если в одних случаях форма на =qui как бы участвовала в таком "согласовании", находясь в препозиции к именам женского пола, т.е. выступая в качестве определения к ним, например, köbegün=oyisiyaqui ökid... [ТД 28, F 11 г] "...девушки, одобряющие (обращающие внимание на) юношей", то в других случаях она имела отношение к именам мужского пола: ...tergen=dür=iyen irektü=lü'e... [Ск.ск., § 55] "...когда [он] подъехал к своей телеге...". Ср. также примеры: ...getülgeküi çay inu edüge bolju amui [ТД 23, F 4 v] "...сейчас настало время переправы": ...noqan=u bidan=u qiçaqui dawun mawui bolbi [Ск.ск., § 189] "Собаки наши стали тревожно лаять (досл.: лающий голос собак...)"

С другой стороны, и форма на =qu, предполагающая наличие в предложении лиц, выраженных именами мужского пола, употреблялись и тогда, когда это были имена женского пола: eme gü'ün... yeke dawu'ar qayılan uyılan bayıqu=yı... [Ск.ск., § 146] "...то, что женщина громко плакала..."

Отдавая должное всем исследователям, зафиксировавшим особенности употребления некоторых глагольных форм и суффиксов в зависимости от половой принадлежности действующих лиц - членов предложения, мы все же не склонны считать справедливым утверждение, что "отныне можно считать установленным несомненный факт наличия в древнемонгольском языке категории грамматического рода" [Санжеев, 1956, с. 74].

Во-первых, при бесспорном употреблении в ряде случаев различных глагольных форм в зависимости от наличия в предложении действующих лиц мужского или женского пола, это не была закономерная и последовательно выражаемая система, а лишь ее отдельные проявления. Во-вторых, если исходить из понятия рода как лексико-грамматической категории, то о наличии ее в языке можно утверждать лишь в том случае, если имеются все признаки, указывающие на способность имен существительных сочетаться с теми или иными формами согласуемых слов [Ахманова, 1966, с. 389].

В конкретном случае, касающемся монгольских языков, речь может идти об употреблении особых форм глагола-сказуемого, когда имя - подлежащее или, если принять более широкое толкование, то и другие члены предложения - различные дополнения, выражены именами женского пола. Однако такой закономерности в языке текстов XIII-XIV вв. уже не прослеживается. Употребление разных глагольных форм или некоторых суффиксов в зависимости от наличия в предложении имен мужского или женского пола встречалось не так уж часто (в данной работе мы привели большую часть таких примеров). В основном же и при наличии в предложении имен, обозначающих принадлежность к женскому полу, использовались обычные и для всех других имен глагольные формы.

Поэтому все выявленные учеными отдельные факты "согласования" по роду лишь допускают возможность существования грамматической категории рода в более древнем языке или диалекте, легшем в основу письменного монгольского языка, по которым у нас, к сожалению, отсутствуют достоверные источники. Возможно, что это был и период какого-то внешнего влияния. Мы же можем лишь констатировать, что в самых ранних доклассических текстах и прежде всего в тексте "Сокровенного сказания" иногда употреблялись некоторые глагольные формы или именные суффиксы, указывающие на принадлежность действующих лиц в предложении к женскому полу.

Множественное число.

Отсутствие в монгольских языках грамматической категории рода, а следовательно и согласования в роде, числе и падеже, накладывает своеобразие и на категорию множественного числа в этих языках.

Объекты чаще мыслятся как собирательные, т.е. как определенное единство во множестве или как понятия, не мыслимые в единственном числе: qoni(n) "овца", "овцы", nidün "глаз", "глаза", ebes=ün "трава", "травы", "сено".

Представление о собирательном значении отдельных органов, частей тела и т. п. настолько привычно и устойчиво, что когда надо обозначить единичность такого предмета, употребляют особые слова: ögögele (в современном языке - өрөөсөн) "один из пары", "симметричная половина чего-то": ögögele nidün "один глаз", т.е. половина парного единства, например: Büri-bökö Belgütei=yı ögö'ele qar=iyar barju ögö'ele köl=iyer töyitcü uqaqaju... [Ск.ск., § 140] "Бури-боко схватил Бэлгүтэй'я одной рукой и свалил одной ногой". Для выражения понятия "одноглазый" вообще употреблялось сочетание yaqça (qaqça) nidütü "имеющий только один (единственный) глаз"; Duwa soqor manglai dumda qaqça nidütü [Ск.ск., § 4] "Дува-сохор имел во лбу единственный глаз".

Кроме того действует своеобразное правило согласования с числовыми показателями: если перед именем стоит любой числовой определитель, то определяемое не нуждается в показателе множественности. Такое согласование было названо С.А.Козиним "логическим" в отличие от европейского формального.

Эти правила в большей степени свойственны современному языку, тогда как в древнем существовала развитая система показателей множественного числа и употреблялись они намного чаще по

сравнению с современным языком, т.е. в своем развитии "монгольский (язык) от согласования формального шел к согласованию логическому" [Козин, 1946, с. 122].

В древних текстах имело место формальное согласование определяемого с определителем и не только с количественным, но и качественным: *dörben kö'üd* "четыре сына" - *kö'üd* множ.ч. от *kö'ün* "сын", *sayid ökid* "прекрасные девушки" (определение и определяемое во множ. числе).

Система показателей множественного числа в древних текстах была представлена в основном теми же показателями, что и в современном языке, хотя в последнем множественное число имен употребляется значительно реже и с определенными ограничениями.

В текстах XIII-XIV вв. существовали следующие показатели множ. числа: =d / =t, =ud / =üd, =yud / =güd, =nuγud / =nüγud, =s, =n, =naγ, =taγ. Самым продуктивным из них был =d/=t, присоединившийся к основам на:

1) =n - реже =l, которые при этом утрачиваются: *qaγ* "хан", *gad* - мн.ч.; *qatun* "госпожа", "ханша" - *qatud* мн.ч. *ökin* "девушка", "дочь" - *ökid* мн.ч.; *odun* "звезда" - *odud* мн.ч.; *tüsimel* "чиновник" - *tüsimed* мн.ч.;

2) =sun, также выпадающий при присоединении показателя множ.ч.: *balayasan* "город" *balayad* мн.ч.; *poγusun* "утка" - *poγud* мн.ч.; *qubčasan* "одежда" - *qubčad* мн.ч. Этот тип образования множ. ч. не характерен для современного языка. Во-первых, в современном языке подобные имена сохраняют в своей основе начальный элемент суффикса =sun - =s, во-вторых, к этому =s наращиваются уже иные показатели множ.ч., главным образом =ууд / =үүд. В древних текстах в форме множ.ч. употреблялась и причастная форма на =γsan/=gsen, при этом конечный =n также утрачивался: *boluγsan* "ставший" - *boluγsad* "ставшие"; *iregsen* "пришедший" - *iregsed* "пришедшие", "те, кто пришел". Эта форма употреблялась и при согласовании определения и определяемого в числе;

3) =γ, при этом также выпадающий: *uγγur* "уйгур" - *uγγud* мн.ч.; *naγur* "озеро" - *naγud* мн.ч.; *γajar* "земля" - *γajad* мн.ч.; *pökür* "друг" - *pöküd* мн.ч. В современном языке к именам на =γ (за исключением слова *pökür*) присоединяется суффикс =ууд / =үүд.;

4) реже суффикс =d / =t наращивался к основам на гласные: *qota* "город" - *qotad* мн.ч.; *nüke* "яма" - *nüked* мн.ч.; *γaya* =а "судьба" - *γayaγad* мн.ч.

Суффикс =ud / =üd присоединялся к основам на согласные =γ / =g, =ng, =m: *uγγu* "родня", "сородич" - *uγγud* мн.ч.; *čerig* "войско", "войн" *čerigüd* мн.ч.; *jobalang* "страдание" - *jobalangud* мн.ч.; *γam* "путь".

"дорога" - *γamud* мн.ч.; *γarim* "некоторый" - *γarimud* мн.ч. После прочих согласных употреблялся суффикс =nuγud: *töröl* "рождение" - *töröl=nuγud* мн.ч.; *ötögüs* "старейшина" - *ötögüs=nuγud* мн.ч.; *cöl* "пустыня" - *cöl=nuγud* мн.ч.; *yaksas* "демон" - *yaksas=nuγud* мн.ч. Суффикс =γud отмечен в словах на =γči: *qaraγči* "черный" - *qaraγčiyud* мн.ч.

К древнейшим принадлежит и суффикс =s. Употреблялся он после основ на гласные и дифтонги: *aγula* "гора" - *aγulas* мн.ч.; *boγda* "святой" - *boγdas* мн.ч.; *čoyča* "груда (камней)" - *čoyčas* мн.ч.; *metü* "подобный" - *metüs* мн.ч.; *poqai* "собака" - *poqas* мн.ч.; *ayaγu* "звук, возглас", "произношение" - *ayaγus* мн.ч.; *üge* "слово" - *üges* мн.ч.

Суффикс =s, присоединяясь к адвербиальным прилагательным, переводил их в разряд имен существительных, т.е. выполнял субстантивирующую функцию: *qouidu* "последующий, будущий" - *qouidus* "потомки"; *uridu* "предыдущий" - *uridus* "предки".

В древних текстах после основ на гласные, а также суффиксов =či, =γči / =gči, =qui / =küi, =u, =ui, =i употреблялся показатель множ.ч.: =n: *teyimü* "такой" - *teyimün* мн.ч.; *qudaldači* "купец" - *qudaldačün* мн.ч.; *maγu* / *maγui* "плохой" - *maγun* мн.ч.; *kedüi* "сколько?" - *kedün* мн.ч.; *ayimu* "такой, эдакий" - *ayimun* мн.ч. (орфография текста); *üjemerči* "предсказатель, провидец" - *üjemerčün* мн.ч.; *borbi* "пяточное сухожилие" - *borbin* мн.ч.

Причастная форма на =qun / =kün также является формой множ.ч. на =n от формы ед.ч. на =qui / =küi: *dergedegün бүкүн ирген* [ТД 48, F 38 v] "Люди, находящиеся рядом".

Однако значение множественности в именах с суффиксом =n уже в самых древних текстах стало ослабевать. Южномонгольский ученый Чойжонгжав (*Čoyjongjab*), исследовавший употребление показателя множ.ч. =n в тексте "Сокровенного сказания" [*Čoyjongjab*, 1990, с. 14-33], пришел к выводу, что значение множественности в именах с этим суффиксом не столь очевидно, как с другими суффиксами. Хотя суффикс =n и являлся показателем множественного числа, эта его функция в значительной мере ослабла, особенно в именах существительных, тогда как в некоторых формах имен прилагательных (=tu и =tai) и в причастных формах (=qu, =qui) функция =n как показателя множественности сохранилась.

Ослабление данной функции суффикса =n происходило неравномерно. Наряду с формами на =n стали появляться и формы на =d. Так, например, в словоформе *eičin* - мн.ч. от *eiči* "гонец, посланник" появилось и значение единичности. В тексте "Сокровенного сказания" употреблялись формы *dayin-dayid-dayisun* "враг, враги"; "война", *qubčan-qubčad-qubčasan* "одежда", "одежды"; *γiqan* - *γiqad-γiqasun* "рыба", "рыбы", в которых формы на =n и =d представляют собой уже ед.

и мн.ч., тогда как форма на =sun, а иногда также на =п - формы ед. числа. При этом автор статьи полагает, что =п - это старая, а =sun новая форма ед.ч., что в таких случаях, как dayin, qubčan, jıqan и др. =п в "Сокровенном сказании" уже утратил функцию показателя множественности [Čoyıjongjab, 1990, с. 31-33].

Утрату значения множественного числа суффиксом =п можно проследить и на материале других текстов XIII-XIV вв., например, в Hsiao ching, где имена во множественном числе на =п чередовались с формами на =d.: ср. ijemerčın [HC, 37 a] мн.ч. от ijemerči "предсказатель, провидец", но sibegegčid [HC, 14 б] мн.ч. от sibegegči - sibegegečın "служанка", т.е. суффикс =п в XIII-XIV вв. утрачивал свое древнее значение показателя множественности, которое переходило к суффиксу =d, ставшему впоследствии одним из самых распространенных и продуктивных как в доклассическом, так и современном языках.

Суффикс =паг имеет ограниченную сферу употребления, так как служит преимущественно для обозначения множества лиц, состоящих в родственных отношениях, и живых существ в собирательном значении: ақа паг "старшие братья" - ақа "старший брат"; degü ner "младшие братья (сестры)" - degü "младший"; асінар "внуки" - асі "внук"; bodisdv nar "бодхисатвы" - bodisdv "бодхисатва"; tngri ner "божества" - tngri "божество, небожитель"; пақаці паг "родные по матери, дядья".

Как писал Г.И.Рамstedт, монгольское имя паг "совокупность", которому в якутском соответствует пaг "вместе с", "совместность", "уже на очень раннем этапе развития являлось конечным членом в составных именах, особенно там, где речь шла об одушевленных лицах, например, ақа паг - ақанаг "старшие братья", de'ü ner - degüner "младшие братья", eke ner "матери, женщины" и т.д. [Рамstedт, 1957, с. 59-60].

Об именном происхождении паг можно судить и по производному от него прилагательному: монг., бур. нармай [MPC, с. 264; БМРС, с. 339] "обширный, просторный", калм. нарма [KPC, с.368] уст. 1) "все, все"; 2) "обширный, пространный". Г.И.Рамstedт приводит пример из Kaln., Wb, с. 272: narmai ulus "государство в целом, narmai nutug "вся родина", а также сочетание паг иге "без повторения, раз навсегда, полностью" [Рамstedт, 1957, с. 60].

Суффикс =tan определяется в монголоведной литературе как образующий имена с собирательным значением (наименование социальных групп людей и видов животных). Его происхождение подвергались неоднократному обсуждению в различных исследованиях. Признавая за ним общее значение собирательной множественности, ученые расходятся, однако, в вопросе о его истоках. Одни полагают, что это форма мн.ч. на =п от имен на =tai

[Haenisch, 1950, с. 5-6; Н.Поппе, 1937, с. 112], другие, что =tan является "цельным и неразложимым" [Санжеев, 1953, с. 134; Бертагаев, 1964, с. 106].

Древние тексты свидетельствуют, что =tan первоначально действительно мог существовать как единый и неделимый суффикс, обозначающий некогда племенную принадлежность лиц, а впоследствии совокупность лиц и других живых существ, обладающих каким-то общим для них признаком, например, dörben oboqtan bolju... [Ск.ск., § 11] "образовался род дэрбэтов..." при обоq "род, племя", Temüjin=tan [Ск.ск., § 99] "Тэмуджинцы (тэмуджиновские), т.е. Тэмуджин и все его братья, вся семья".

Считая =tan показателем множественного числа, Г.И.Рамstedт тем не менее не исключал возможности сопоставить этот суффикс с исконным кит.-кор. словом tin, teŋ "группа, класс, звание" [Рамstedт, 1957, с. 59]. Мы в своей работе [1984, с. 58-60] приводили аналогичный суффикс, бытующий в нивхском языке: =тан, =ран, =дан с собирательным значением, полностью совпадающий в этом плане с монгольским =tan и восходящий к слову "домочадцы", "совокупность членов того или иного объединения людей" [Панфилов, 1973, с. 3-12]. Хотя нивхский язык и не принадлежит к алтайской семье языков, тем более к монгольским, в структуре его предложения много общего со строем монгольских языков. У нас нет доказательств заимствованного характера монгольского =tan, но аналогичное явление может иметь место и в разносистемных языках.

Обозначая коллективную совокупность или общее свойство, присущее живым существам, =tan в современном монгольском языке является весьма продуктивным суффиксом в сфере образования имен именно со значением множественности, совокупности лиц, занимающихся определенной деятельностью, или живых существ (животных, птиц), обладающих каким-либо общим для них качеством или свойством: хөрөнгө "имущество, средства, достояние, капитал"-хөрөнгөтөн; "капиталисты, буржуазия", жигүүр "крыло, крылья" - жигүүртэн "пернатые; птицы"; язгуур "происхождение, родовитость" - язгууртан "аристократия, знать"; яс "кость", "скелет" - перен.: "род, национальность" - ястан "народность".

Как видно из приведенных примеров, =тан здесь не словоизменяемый, а словообразовательный формант.

Но =tan < =tai, где =п суффикс мн.ч. числа, употреблялся как обычный показатель множественности при обозначении лиц, обладающих каким-то предметом или качеством: ...arslan, bars terigüten [ТД 59, F 55 г] "...с головами львов и тигров" (при terigü "голова", terigütei "с головой").

Нередко этот =tan употреблялся с определительными словами при согласовании в числе определения с определяемым: sečen biligten küčüten köbegüd [ТД 62, F 58 г] "...умные, талантливые и сильные юноши"; ...Nandi Nandibali nereten ökid [ТД 51, F 44 в] "...девушки по имени (именам) Нанди и Нандибали"; öngge dayun sayitan si bayuqad [ТД 52, F 46 г] "...прекрасные по оперению (цвету) и голосу птички". Ср. употребление =tai / =tei при единственном числе действующих лиц: Qacin=nu kö'ün Noyagidai neretei büle'e [Ск.ск., § 46] "Сына Хачина звали Ноягидай (досл.: с именем)".

Такое далеко не однозначное употребление суффикса =tan дает, думается, основание считать, что перед нами два разных как по своему происхождению, так и по значению суффикса.

Один =tan - это неразложимый суффикс, изначально обозначающий какую-то общность людей, их принадлежность к общему роду племени. В современном языке он относится к словообразовательным суффиксам и образует имена существительные со значением признака, содержащегося в производящей основе.

Другой =tan - это форма множ.ч. суффикса =tai, который был продуктивным элементом с адъективным значением и который в современном языке стал одним из активных суффиксов образования имен прилагательных.

Кроме вышеперечисленных суффиксов множ.ч. Н.Поппе приводит примеры употребления в древности тюркского суффикса =lar / =ler с монгольскими именами и глаголами: kelegçiler "рассказывающие" - kelegçi "рассказывающий"; dëleri "шубы" (аккузатив) - dë "шуба"; jürüken ügeiler "трусливые" - jürüken ügei "трус"; abalabalar "охотились" - abalaba "охотился" [Поппе, 1938, с. 70].

К особенностям употребления множественного числа в древних текстах по сравнению с современным языком относятся следующие:

1) часто форму множ. ч. получали имена, которые в современном языке либо вообще употребляются только в ед. ч.: үхэр "крупный рогатый скот", либо имеют уже другие показатели множественности например: oгод и орнууд "места", "страны"; нууад / поуод и нугасууд "утки"; қад и ханууд "ханы". Словоформы көд "ноги" и үад "руки" в современном языке во множ.ч. не употребляются;

2) множественным числом оформлялось определяемое при наличии количественного определения, т.е. существовало (хотя и не регулярно) согласование имен в числе: doloуan jayud [ТД 44, F 34 г] "семьсот", ср. в современном языке: долоон зуун "id"; jiryууан köbegüd [Cl., 1362, с. 66] "шесть сыновей"; jiryууан od [ТД 48, F 38 в] "шесть лет"; arban ökid [ТД 50, F 42 в] "десять дочерей", dörber qayalyas [ТД 30, F 14 в] "четыре двери"; dolууан nasutan [Cl., 1336 с. 72] "[было] семь лет";

3) существовало согласование в числе других видов определенных с определяемым, включая определения, выраженные причастными формами: sayid üiles [Cl., 1338, с. 54] "хорошие (добрые) дела"; ...jüg=iyer küçü ögügsed sayid aran [Cl., 1335, с. 71] "...хорошие люди, служившие (отдававшие силу) наилучшим образом"; ...uridu boydas qad=un orusiyuldaysad qubçad [HC, 6 а] "...облачения, установленные прежде мудрыми правителями".

Такое согласование в современном языке также отсутствует.

4) В предложении с однородными членами каждый из них (в отличие от современного языка, где это крайне редкое явление) мог быть оформлен показателем множ.ч.: ...morid üked gonid adууun=a jеber бүküiber [Cl., 1338, с. 53] "...будучи искусным [в присмотре] за табунами коней, крупного рогатого скота, овец"; önicid belbesüd [HC, 14 а] "сироты и вдовы".

5) К особенностям употребления множ.числа в древнем языке следует отнести и то, что его показатели употреблялись практически со всеми частями речи, т.е. кроме имен существительных, прилагательных, причастий, во множ. числе могли быть:

а/ числительные, если в препозиции к ним находилось другое числительное больше единицы: qoyar tümet çeri'üt [Ск.ск., § 108] "две тьмы (два по десять тысяч) солдат"; tümet < tümen "десять тысяч"; ...altan mönggün ayaqa saba yisün yisüt nu'ut ökit yisün yisüt agtas teme'et yisün yisüt eldeb=iyer yisün yisüt jisüleju a'uljaqui=tur... [Ск.ск., § 267] "...для встречи приготовили [подарки]: золотой и серебряной посуды девять на девять, юношей и девушек девять на девять, коней и верблюдов девять на девять, всякого девять на девять";

б/ местоимения, согласуемые в числе с предшествующим или с последующим словом: tede ya'ut olon qonit [Ск.ск., § 195] "это что за многочисленные овцы? (досл.: те, что много овцы)"; ket ber de'ü ner kö'ut ta ber [Ск.ск., § 254] "Кто вы младшие сыновья?" - (ket = мн.ч. от ken "кто?");

в/ некоторые наречия и имена со значением места и времени: ...edüged=tür ende nigen nigen amitan görögesün=ü arasun modun=u durusun terigüten emüsçü... [ТД 38, F 19 в] "... и сейчас, когда [вы] здесь надели [вместо одежды] шкуры животных и диких зверей, кору деревьев и тому подобное..."; edüged мн.ч. < edüge "сейчас, теперь" имело в древности, видимо, более именной характер, так как кроме показателя мн.ч. оно еще в данном примере оформлено суффиксом дательного-местного падежа; edö'e iregü saq bolba qorumut gülice ke'eba [Ск.ск., § 31] "Сейчас настало время придти. Подожди немного (секунды)" - qorumut мн.ч. < qorum "секунда"; qadanadus minqad=un noyad=aca minu kisiktü de'ere bui=je [Ск.ск., § 228] "Моя гвардия лучше

ведь тысяч иноземных князей - тысячников "- qadanadus мн.ч. < qada padu "вне, снаружи";

/ некоторые послелогии, как правило согласующиеся в числе управляемым словом: ede čigot narat metüs de'ü=ner=i činu eyin oyisu laldumui [Ск.ск., § 245] "Так уничтожают твоих младших братьев, подобных лесным соснам" - metüs мн.ч. от metü "подобно, одинаково" согласуется с формой мн.ч. narat "сосны";

д/ к специфике древней категории числа следует отнести и тот факт, что в ней присутствует не только грамматический аспект, но и элементы лексичности, что выражается в том, что некоторые суффиксы: =s, =d, присоединяясь к именам со значением признака, переводили их в разряд существительных, т.е. выполняли и словообразующую функцию, например: sayin "хороший", sayid мн.ч., но и "вельможа" (в современном языке "министр"), uridu "прежний", "предыдущий" "прежде" - uridus "предки"; qoyidu "будущий, последующий" - qoyidus "потомки".

Падежи и их основное значение

Падежей в текстах XIII-XIV вв. девять: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, местный, исходный, орудный, совместный, соединительный.

Именительный падеж. Принято считать, что этот падеж совпадает с основой слова. В большинстве случаев это действительно так, ибо различия между основой и именительным падежом проявляются только в именах с так называемым неустойчивым конечным =п. Это прежде всего имена, обозначающие названия животных, растений, некоторых предметов и явлений природы, которые имеют две основы: полную с =п и усеченную без =п, например, morin - mori "конь", qonin - qoni "овца", modun - modu "дерево", čilayun - čilayu камень, saikin - saiki "ветер" и др.¹

Наличие двух основ у подобных слов проявляется только в синтаксической теме словоизменения, когда одни падежи образуются от полных основ, а другие от усеченных.

Что касается древних текстов, то именительный падеж в них так же, как и в классическом и прочих монгольских языках

¹ Принцип выделения двух основ и их значения подробно исследован Г.Д.Санджеевым (1953, с.140-158) и монгольским ученым-языковедом Ш.Лувсанданом (1961, с.5-20; 1965, с.25-29; 1968, с.36-37).

диалектах, кроме современного монгольского (халхаского) языка совпадает по форме с первой, или полной, основой имен, которые оканчиваются на неустойчивый конечный =п, например, ösküleng urtu modun urubasu ele oi=dur ujayur inu gün=e ündüsüleyü [Сл., 1362, с. 68] "Если сильно растущее высокое дерево растет в лесу, корни его расползаются глубоко в земле"; parан singge'esü tarqaba [Ск.ск., § 81] "когда солнце зашло, разошлись"; qonin belčidü orčiba [МА, с. 302] "овцы пошли на пастбище". В ряде других падежей этот конечный =п утрачивается (см. ниже).

Основы же с устойчивым конечным =п (наименование людей: emegen "старуха", ebügen "старик", поуан "князь, господин"; названия качеств и признаков предметов: ulayan "красный", öčüken "маленький" и т.п.) сохраняют этот согласный во всех падежных формах.

Основной функцией именительного падежа в предложении является выражение подлежащего: Činggis qayan... altan beyeber ... ayalan yabuysan [Сл., 1362, с. 62] "Чингис-хан лично (золотой персоне) отправился в поход"; qarig=yin ejed qariban... töröber asaran bögetele... [НС, 14 а] "Когда хозяева владений правили своими владениями...". Кроме того этот падеж выступает в предложении и в качестве именной части сказуемого: Oron... Bis Baly=a nuntuy=tu ujayur=tan=u urgu ajuu [Сл., 1362, с. 63] "Орон... был потомок людей знатного происхождения, которые изначально располагались лагерем в Биш Бальке"; bey=e belder usun mariyan bolju... [НС, 2 а] "наши тела представляют [собой] воду и плоть (есть волосы и плоть); emes talun eje(n) [МА, с. 154] "женщины-хозяева скота".

Родительный падеж. В древнемонгольском он представлен теми же формантами, что и в классическом. Показателями его были =u/=ü - после основ на =п : nabčip=u "листья", üsün=ü "волос"; после всех прочих согласных =un/=ün; uridus=un "предков", γal=un "огня", deg=ün "юрты"; после основ на гласные употреблялся =yin: eg=e=yin "мужчины, мужа", tngri=yin "неба".

В именах, оканчивающихся на согласный =п, нередко вместо обычного =u / =ü употреблялся формант =nu / =nü, т.е. в падежном суффиксе как бы повторялся конечный основы. Так, наряду с qan=u писали и qan=nu "хана". Ср. примеры: To'oril qan=nu ügülegsen üges=i... [Ск.ск. § 105] "...слова, сказанные Тоорил-ханом" и Qutula gan=u kö'ün [Ск.ск., § 122] "сын Хутула-хана".

Явление это наблюдается и в других падежных формах, когда их показатели присоединялись к основам, оканчивающимся на согласный =п. Этот факт чаще всего имеет место в тексте "Сокровенного сказания" и связан, вероятно, с влиянием разговорной речи, когда конечный =п имени существительного произносился слитно с

падежным формантом, образуя единое звуковое поле. В результате употреблялись две формы с абсолютно одинаковым значением.

Кроме перечисленных формантов в древних текстах (как и в более поздних, классических) имена в родительном падеже имели показатель =i, совпадающий с таковым винительного падежа, что является свидетельством генетической связи между этими падежами. Например: modun=i (вм. modun=u - MO) gesigüd [ТД 45, 35 v] "ветвь дерева"; tergen=i (вм. tergen=ü - MO) ci'ü [Ск.ск., § 124] "ось телеги".

Аналогичное употребление показателя =i в родительном падеже отмечено Ц.Б.Цыдендамбаевым в рукописных хрониках добайкальских (или западных) бурят, где "имена с конечным согласным принимают в родительном падеже большей частью аффикс =i" [Цыдендамбаев, 1972, с. 345].

Родительный падеж отличается большим разнообразием своих синтаксических значений: это почти единственный из всех падежей осуществляющий широкую грамматическую связь между именами, выступающий в функции различного рода определений. Самая распространенная функция этого падежа - обозначение принадлежности в самом широком смысле этого слова, которая реализуется как при именном определении в определительной группе имен существительных, например: ...bars=un aman=aca tonilju... [Cl., 1335, с. 76] "...слеза от пасти тигра..."; ...uridus=un sür sünesün... [HC, 33 a] "...величественные души предков..."; uruγ=un uruγ inu [Cl., 1338, с. 56] "потомок потомков"; uuyud=un qan [Cl., 1362, с. 62] "хан уйгуров"; qabur=ur terigün saga [УМУДБ, с. 38] "первый месяц весны"; kumün=ü yar [ТД 23 F 4 v] "рука человека"; Činggis qayan=u er=e=yüi ülü joboyan... [Cl., 1362 с. 63] "Не принуждая мужей Чингис-хана...".

Родительным падежом передавались различные определительные сочетания, частные определительные значения, характеризующие определяемое с различных точек зрения, например, место, направления, времени, цели, назначения и т.п., например, qarī=yin ejel [HC, 4 б] "правители вассальных княжеств"; dörben eteged=ün ulus. [HC, 15 б] "государства четырех сторон света"; arban jüg=ün bul qan=nuγud [ТД 21, F 2 v] "будды десяти сторон"; morin=u qaya boluγsan=dur... [ТД 22, F 4 г] "когда ты стал королем [среди] коней..."; tariyan=n onγod [HC, 5 б] "онгоны (духи-покровители) пашен"; qub sara=yin arban dörben=e [Cl., 1362, с. 65] "четырнадцатого числа предопределенного [судьбой] месяца"; ...irgen=ü ečige eke boluγu [HC 27 a] "...станет родителем (отцом-матерью) [для] народа".

Этим падежом оформлялось и имя - реальный исполнитель действия в причастно-определятельных и залоговых конструкциях. То'оr qan=nu ügülegsен üges=i... [Ск.ск., § 105] "...слова, сказанные Тоорил ханом"; uridu boydas qad=un yabuγuldaysad ayali=tu yabudal=aca busu

bolbusu... [HC, 6 б] "...если их деяния иные, чем добродетельные дела, совершенные прежними мудрыми ханами".

Родительным падежом управляло и большинство послелогов: uridus=yuan² ner=e aldar=i yutuγaydaqui=ača emiyekü=yin tula buyu [HC, 33 a] "Так как опасался, что будут опозорены имена и честь его предков"; güñ čegei=ün dergede yabuqu metü... [HC, 6 a] "...словно идти по краю (рядом с) глубокого оврага"; linqu=a čečeg=iyer čimegtü paγur=un dotog=a... [ТД 21, F 2 г] "...среди пруда, украшенного лотосами"; ken=ü tulada... [ТД 23, F 4 г] "для кого?"; tngri γajar=un γayuga... [HC] "...между небом и землей"; dörben dalai=yin dotoyun... [HC, 17 б] "...среди четырех морей"; ...amun künesün elbeg=tü tula... [Cl., 1362, с. 64] "так как зерна [проса] и провизии было в изобилии". Мы перечислили лишь наиболее часто употребляемые значения этого падежа, хотя ими не исчерпываются все его семантическое многообразие.

Винительный падеж. Показателем этого падежа служит =i после основ на согласные и =yü после гласных: bii tas=un ayalyus=i joqiyayulbai [Cl., 76, 1362, с. 62] "Заставил составить текст (звуки) стелы"; bii tas=un bičig=i joqiyatuyai [Cl., 1338, с. 54] "Пусть составит текст (написание) стелы"; uridus=un anu ner=e=yüi... [Cl., 1362, с. 67] "...имена его предков"; buγ=a=yüi burčγsan=u qoyina... [Cl., 1362, с. 64] "...после подавления восстания".

После основ на =n употреблялся иногда =ni; Ong qan=ni ire'ülü'et... [Ск.ск., § 142] "привели Ван-хана...".

За исключением сложных предложений, в которых винительным падежом оформляется субъект действия в причастных и деепричастных конструкциях, - это падеж прямого дополнения, например: olan tüsimel=i qomulaqu=un tula... [Cl., 1362, с. 67] "...для того, чтобы заставить многих чиновников воодушевиться желанием [подражать ему...]; eden=i bütügen čidabasu... [HC, 3 a] "...если смогут осуществить эти [две вещи] ..."; egüneče busu mög=i erisügei kemen... [ТД 44, F 34 г] "[Я] найду путь, отличающийся от этого".

В монголоведной литературе неоднократно отмечалось отсутствие закономерности в оформлении показателем винительного падежа прямого дополнения [Бобровников, 1849, с. 241-244; Орловская, 1961, с. 22-24; 1984, с. 25].

Об этом свидетельствуют и самые древние монгольские тексты. Влияние так называемой категории "определенности-неопределенности" на употребление винительного падежа не прослеживается, так как и при совершенно определенных объектах действия показатель винительного падежа мог отсутствовать, например: on buri eyimü üiles

² uridus=yuan - очень редкая притяжательная форма родительного падежа вместо обычной =yuan

kedün=te ba бүтеген ајууу [Cl., 1338, с. 55] "Он обычно выполняет такие дела даже по несколько раз каждый год", ...nereben qoyidusa aldarsiyuluyu [HC, 28 a] "...имя свое прославишь у потомков" (если бы присутствовал показатель винительного падежа, притяжательная частица со значением "свое" имела бы форму =уууап). С другой стороны, неопределенные предметы-объекты получали падежное оформление: morin=i abcu ireju ögtügei nadur kemebesü... [ТД 34, F 2 v] "...когда сказал: «Иди и приведи мне коня...»"; jöbalang=ud=i taһan... [Cl., 1362, с. 64] "не считаюсь с лишениями...". Ср. примеры, где при одной и той же ситуации присутствует разное оформление прямого дополнения: çe'ügen çila'un=i çewülün (çewürün) çe'e'l usun pitulun abai=je ta [Ск.ск., § 209] "светлый камень вдребезги разбивая ключевую воду расплескивая, идете вы" и çe'ügen çilawun dobtulij öksü [Ск.ск., § 147] "светлый камень вдребезги разобью". Ср. также пример, где предмет - прямое дополнение принадлежит конкретному лицу, но тем не менее оно не оформлено показателем винительного падежа: Belgütei=yin mürtü müt=gü çabciba [Ск.ск., § 136] "А также разрубил плечо Бэлгүтэй'я". В предложении: Çinggis qan=i surtayul irge dauliju bayuju ulus=un nouad=i... qurıysan=dur... [УМУДБ, с. 4] "Когда Чингис-хан, взяв в плен сартульский народ, ... собрал [монгольских князей..." субъект зависимой части имеет показатель винительного падежа, тогда как прямое дополнение (irge), которое в смысловом отношении должно было бы иметь этот показатель, употреблено в своей основе.

В древних текстах, как и в более поздних (классических и современных) падежным окончанием не оформлялись имена в сочетаниях где имя и глагол образуют единый смысловой комплекс: idegen ideki [ТД 49, F 41 r] "питаться, есть, поесть пищу"; kücü ögükü [Cl., 1335 с. 71-72] "служить (отдавать силу)". Но падежное оформление было обязательным, если в качестве прямого дополнения употреблялись другие, субстантивированные, части речи: eđige eke=yin sayın=i tap dulabasu... [HC, 2 б] "...когда прославляют доброту (хорошее) своих родителей"; ...basa uјayug abcu oduysad jrıy ba уауу ked=i bügüde=yu qarıuıjuуу [Cl., 1335, с. 73] "...вернул также права и все вещи - всем тем, кто первоначально владел ими".

В монголоведении уже высказывалось мнение о генетической связи винительного и родительного падежей [Санжеев, 1953, с. 163-195; Бертагаев, 1964, с. 42]. В баоанском, дунсяйском, монгорском, в языке желтых уйгуров, в некоторых говорах бурятского языка винительный и родительный падежи имеют один и тот же показатель [Санжеев, 1953, с. 163-195; Бертагаев, 1964, с. 42; Тодаева, 1964, с. 26; Тенишев, Тодаева, 1966, с. 53-54]. И как мы уже отмечали, не

случайно наименование деятеля в причастных конструкциях может оформляться как винительным, так и родительным падежами [Орловская, 1984, с.24].

Совмещение формантов винительного и родительного падежей распространено и в тюркских языках [Северотян, 1948, с. 93]. Непоследовательность в употреблении показателей этих двух падежей является, по-видимому, следствием более позднего расчленения их формантов.

В самых ранних монгольских грамматических сочинениях винительный падеж не отмечался [Т.Пагва, 1957, с. 15]. Можно предположить, что древние грамматисты замечали употребление одного показателя для двух значений и поэтому винительный падеж специально не выделяли. К тому же по форме этот падеж часто совпадал с именительным, не имеющим особого показателя.

Наличие в монгольских языках относительно строгого порядка слов в предложении: "определение всегда предшествует определяемому" дает возможность строить определительные сочетания простым соположением имен isegei yutul "войлочные сапоги" ("войлок-сапог"). Вероятно, в далеком прошлом и объектные отношения тоже выражались только постановкой прямого дополнения перед глаголом-сказуемым, при этом имя и глагол образовывали как бы единый комплекс, не требующий показателя для имен по типу сочетаний ger barıqu "ставить юрту", idegen idekü "есть пищу, питаться", usun abcu "приносить воду" и т.п.

Необходимость обозначать объект особой формой возникла тогда, когда он стал занимать дистантное положение по отношению к своему глаголу. Тогда появился падежный показатель, употребляющийся сначала по мере необходимости во избежание смешения функции слова не вызывали сомнения. Этим и вызвано отсутствие закономерности в употреблении винительного падежа, особенно в языке древних текстов.

Первоначально это был один показатель для двух падежных значений: винительного и родительного, сохранившийся до сих пор в большинстве монгольских языков. В монгольском же (халхаском) произошло его расчленение на два самостоятельных форманта. Но какое-то время они еще четко не разграничивались и заменяли друг друга, о чем свидетельствуют факты не только доклассического, но и классического языка. Отметим, что тогда примеров с неформальным винительным падежом было значительно больше, чем в современном.

Возвращаясь к генезису винительного и родительного падежей, провомерно предположить, что "в древнем протомонгольском языке... отсутствовала падежная система", а все современные падежные

значения передавались чистой основой, о чем свидетельствуют факты, когда значения многих падежей, особенно винительного и дательного, передаются чистой основой [Бертагаев, 1964, с. 41-42]. Повидимому, формы родительного и винительного падежей относятся к наиболее древним, в основе которых лежат лично-указательные местоимение "i" и его разновидность притяжательно-указательное "i" - показатель принадлежности 3-го лица. А "все многочисленные алломорфы этих двух падежей в современных языках представляли собой дальнейшие фонетические изменения..., возникшие в результате ассимиляции, чередования и выпадения отдельных звуков" [Бертагаев, 1964, с. 44]. Отметим, что значение винительного падежа в тюркских языках также возводится к местоименному аффиксу принадлежности [Кононов, 1980, с. 151; Кузнецов, 1994, с. 226].

Первоначально совмещение разных значений объекта и possessiva можно, вероятно, объяснить тем, что родительным падежом древности принадлежность выражалась без какого-либо оттенка объектности, а винительным - принадлежность с оттенком объектности принадлежности, которая в отдельных монгольских языках (халхском, бурятском, калмыцком) вытеснила значение принадлежности, и винительный падеж в них окончательно обособился от родительного.

Что касается именных основ на =n, то показатель винительного падежа в анализируемых нами текстах присоединялся как к полным (с =n), так и к усеченным (без =n) основам, т.е. этот "неустойчивый характер" стал проявляться прежде всего в именах, выполняющих функцию прямого дополнения. Ср. bi mögin unu'at ... [Ск.ск., § 145] "оседлал коня..." и niken möi unuba [Ск.ск., § 99] "Оседлал коня".

Местный падеж. Формантом этого падежа служил =a / =e, который присоединялся к основам на согласные: =d, =y, =l, =n, =r, =s, =g, =h, =k, =q, =t, =c, =ch, =j, =j', =j'', =j''', =j'''' и к гласный дифтонгов [Орловская, 1984, с. 33]. В древних текстах он присоединялся как раздельно, так и слитно со словом: irgen=e "народу", ayu < ayui=a "повсеместно". После имен, оканчивающихся на =n иногда употреблялось =na. Ср. Qaldun Burqan=a [Ск.ск., § 103] и Qaldun Burqan=na [Ск.ск., § 112] "на Бурхан-Халдуне"; Onan müren=ne [Ск.ск., § 54] "на реке Онон" и Çui müren=e [Ск.ск., § 152] "на реке Чуй".

Посредством местного падежа передавались косвенные дополнения и обстоятельственные значения (цель, причина, место, время). В этом плане они соответствуют значениям дательного-местного падежа на =dur, =da. Это:

1) лицо, в пользу которого совершается действие: Sayin ner qoyidus =a aldarsiyuluyad ... [НС, 2 б] "Доброе имя прославив для потомков..."; amitan=a tusayin tula... [ТД 63, F 59 v] "ради пользы живых существ"; ...degedüs=e Oron=u öng ünən=iyer kücü öggüksen

jerge=yi uqabasü... [Cl., 1362, с. 63] "...если осознать способ, которым Орон чистосердечно служил Императору ...";

2) реальный исполнитель действия (действующее лицо) при страдательном залого: ...bügüden=e sayulaydan bui [ТД 24, F 5 v] "презираем всеми..."; egün=e tegün=e kündülen aysan ber... [ТД 24, F 5 v] "...[Тот, кто был] почитаем этим и тем"; tan=a uqaydaq bui [Cl., 1362, с. 65] "понимаются вами"; ene Jarliq kesikten=e sonosqatuyai [Ск.ск., § 278] "Этот указ пусть будет услышан стражей";

3) место действия: uyuyud=un yaJar=a бүкүи=dür... [Cl., 1362, с. 63] "...когда находился в уйгурских землях..."; tere çaq=tur Yesügei baqatur Onan müren=ne sibawulan yabuqui=tur... [Ск.ск., § 54] "В то время Есугэй=батыр занимался ловлей птиц на реке Онон ...";

4) направление действия: oi=dur uJayur inu gün=e ündüsüleyü [Cl., 1362, с. 68] "В лесу корни их уходят в глубину"; kitad=un Altan qahan=a a(b)ü otqui=tur... [Ск.ск., § 53] "...отправился к китайскому Алтан-хану";

5) время действия: ...arban dörben=e ebedçin kürtefju... [Cl., 1362, с. 65] "...занемог четырнадцатого числа"; ...arban naimduyar on jiryuyan sara=yin arban dörben=e... [Cl., 1362, с. 66] "...четырнадцатого числа шестого месяца восемнадцатого года";

6) цель действия: tendeçe bodisdv usun=aça yarçu sayugui=a setkiju... [ТД 52, F 44 v] "Потом Бодхисатва намеревался, выйдя из воды, сесть ...";

7) образа действия: temdegtei=e kücü öggüksen=e siltayabar ...darqan ner=e ber öggüksen ajuyu [Cl., 1362, с. 64] "По причине того, что [он] замечательно служил, [ему] дали звание дархан"; ...sayin ner=e inu olan=a temdegtei=e uqaydaysabar... [Cl., 1362, с. 67] "...доброе имя его было наилучшим образом воспринято многими";

8) местным падежом (так же, как и дательным-местным) управлял послелог kürtele от глагола kür= "достигать, доходить": ...örün=e eçe dörün=e kürtele emün=e eçe ümer=e kürtele... [НС, 34 а] "...[возрадовались] с запада до востока и с юга до севера"; anda quda uruy barıyduysan=ça ejiyu=e kürtele... [Cl., 1362, с. 62] "...с того времени, как назвались поворотами, и до настоящего времени"; Ср.: ejiyu kürtele [Н III, с. 53] "до настоящего времени".

Местный падеж широко использовался и в классическом монгольском, но в современном языке его употребление ограничено локативным значением, где он присоединяется к основам на =n тайзнаа "на сцене"; баруунаа "к западу" [Орловская, 1984, с. 36-37].

В древних текстах зафиксированы случаи употребления местного падежа с глаголом ayuljaqu "встречаться", который в современном языке управляет совместным падежом, например: qoyina iduy qud

deger=e ayuljan yarču irebesü... [Cl., 1362, с. 64] "Потом, когда идуг ху пришел на встречу с Императором..." Burqan Ćinggis qahan=a a'ulja ireba [Ск.ск., § 267] "Бурхан прибыл встретиться с Чингис-ханом". Ср. перевод этого предложения на современный язык: Бурхан, Чингис хантай уулзахаар ирэв [МНТ, с. 237] "id"; нөхөдтэйгөө уулзах [МНТ, с. 467] "встретиться с друзьями".

Дательно-местный падеж. В отличие от классического языка в котором этот падеж представлен всеми известными в монгольском языках разновидностями форм (=dur / =dūr, =tur / =tūr, =du / =dū, =da =de, =ta / =te) [Орловская, 1984, с. 37] в древних текстах он имеет только два форманта: =dur / =tur и =da / =ta.

Учитывая отсутствие =du / =tu в самых ранних текстах, мы считаем, что эта усеченная форма от =dur / =tur, появившаяся в письменном языке, скорее всего, под влиянием разговорной речи.

Что же касается древнего =da / =ta, то вероятнее всего, он появился в монгольском языке из древнетюркских, в которых существовал полифункциональный местно-исходный падеж на =da / =de [Насилов В.М., 1955, с. 104-110; Тенишев, 1970, с. 25-26]. С этим, на наш взгляд, связано и наличие в доклассическом и классическом языках "двойной" дательно-местно-исходной формы от =da / =ta (=dača =tača) и невозможность образования ее от =dur / =tur и =du / =tu [Подробнее об этом: Орловская, 1984, с. 37-39].

Функции дательно-местного падежа во многом общие с местным. Он также обозначает:

1) место действия: ...qariju qarsi=dur=iyan orobai [ТД 26, F 8] "...повернув назад, [они] вошли в свой дворец"; sayurin=dayan sarai [НС 2 а] "...сядь на свое место";

2) направление действия: tang'ut irgen=tür Ćinggis=qahan. ayalaju... [Ск.ск., § 145] "Чингис-хан отправился в поход на тангутов"; bi dan=tur uruqu duratu büle'e [Ск.ск., § 145] "Я намеревался идти к вам";

3) адресат действия: uridus=tayan Ćing ünén kündülemdegü seki kil=iyer taqibasü...[НС, 33 а] "Если с почтением и чистосердечными помыслами относиться к своим предкам..."; tegüber kümün eciq eke=düriyen Ćiqulalaqu ketebesü...[НС, 18 а] "Если человек относится с почтением к своим родителям..."; Simnu=da ögülerün [ТД 62, F 58] "Когда сказал Шимну ...";

4) время действия: yeke mongyol ulus=un cay =tur... [Cl., 133 с. 53] "во времена Великой монгольской империи..."; Ćerigüd=iye boljaldur ilejü...[УМУДБ, с. 38] "...пришлю свои войска в обусловленный срок"; ...qorin qoyaduqar on dörben sara=dur... [Cl., 1362, с. 62] "...в четвертом месяце двадцать второго года ...";

5) реальный исполнитель действия в залоговых конструкциях: simayul sona=da idegdebesü ber... [ТД 48, F 39 v] "Хотя был искусан комарами и осами..."; tngri=de ibegdeju... [УМУДБ, с. 71] "находясь под покровительством Неба ...";

6) как и местным падежом дательно-местным управлял глагол а'улжау "встречаться": Ćinggis qahan=tur a'uljaba [Ск.ск., § 238] "а'улжау встретился с Чингис-ханом"; kirgisud=un nouyat... Joči=da a'uljaba [Ск.ск., § 239] "Киргизские князья... встретились с Дзочи". Ср. это предложение в переводе на современный язык: хэргисийн ноёд... Зучитай уулзав [МНТ, с. 206] "id", где этот глагол управляет совместным падежом;

7) с дательно-местным падежом употреблялся и послелог күртеle "до", "вплоть до"; dörben dalai=dur күртеle...[НС, 4 а] "...до четырех морей"; ...qan kümün=eče olan irgen=dür күртеle...[НС, 10 а] "...от монарха (хана) до массы людей ...".

Исходный падеж. Этот падеж образуется посредством формантов =ča / =če и =ača / =eče. В совокупности с безличным притяжением показатель имел форму =ačayan / ečegen..

Форма на =ča уже в древности вытеснялась формами на =ača и =dača. Так например, в "Сокровенном сказании" из более чем трехсот раз употребления исходного падежа только шесть раз встретилась форма на =ča, а в Hsiao ching использовались только =ača и =dača. В древних текстах употреблялась также форма на =pača после основ на =p и =yača, присоединяемая к основам на гласные.

Основными значениями этого падежа были:

1) исходный момент, место или пункт отправления: ujuyur=ča ujuyur=tur күртеle... [Cl., 1362, с. 67] "от начала (от основания) до конца..." beleg=če uiyud=un qan inu Bis Baliy=a orusin sayun ajuyu [Cl., 1362, с. 67] "С древности уйгурский хан проживал в Баш-Балыке"; Temüjin, Qasar, Belgütei qurban Tooril qan=pača qariju... [Ск.ск., § 105] "Тэмуджин, Хасар и Бэлгүтэй вернулись от Тоорил-хана..."; Burqan Qaldun =pača bawuju... [Ск.ск., § 102] "...спустились с [горы] Бурхан-халдун"; ...tanglai=ača sayu=dača kölesün yarqui inu...[ТД 46, F 36 г] "...со лба и подмышек стекал пот" (как видим, в этом предложении употреблены разные формы исходного падежа в одном и том же значении); Singši sayurin=ačayan jay[ila]ju ügülerün... [НС, 1 б] "Шингши, встав со своего места, сказал ...";

2) действующее лицо при страдательном залоге: qayan=ča... Si ning ong ner=e soyurqaydaysan Indu [Cl., 1362, с. 68] "Инду, которому хан пожаловал (пожалованный от хана) титул Ши нинг онг";

3) лицо или предмет как источник действия: ... Čiu güng neretü kümün=eče boljuqi [НС, 17 а] "...это пошло (исходило) от человека

по имени Чиу гунг"; imada=ča jiryuyan köbegüd törögsen [Cl., 1362, с. 136] "От нее родились шесть сыновей"; hodon=pača oлон qaltun bui [Ск.ск., § 193] "От звезд загорелось очень много огня";

4) предмет или явление, как объекты избавления или расставания "...qayan ečige činu yašiyun jobalang=iyar... amin=ačayan ber qayan yad... [ТД 33, F 20 v] "...хан-отец расстался с жизнью в результате горьких страданий"; bayajiqu noyalaqu qoyar=iyar beyes=ečegen ele anggi jirayulbasu... [НС, 5 б] "...если [они] не заставят себя избавиться от богатства и власти (досл.: избавиться от своих тел)"; gen jasar=ča beyes=iyen saqiquibar [Cl., 1362, с. 68] "Тогда как, будучи замешательстве (боясь), [они] охраняли себя от закона"³;

5) предмет, как объект приложения действия: ...adalidqaba masi küčütü kümün masi küčü öčügüken kümün=i qoyolai=ača bariju dergü siqaqi metü... [ТД 46, F 36 v] "...если сравнить, то это было подобно тому, как если бы очень сильный человек схватил за горло совсем слабосильного и повалил его навзничь";

6) значение "кроме" с послелогом ulam: neyite taqiqi=ulam... [НС, 17 б] "кроме общего поклонения...";

7) в сравнительных конструкциях исходным падежом обозначается лицо или предмет, с которым сравниваются другие: yeke bolju uayan bilig inu busud=tača neng degere bolju... [Cl., 1335, с. 72] "Как да он вырос, ум его и таланты стали значительно выше, чем у других..."; būrin=eče door=a bolbasu samayu üile ülü egüsgegdeküi [НС, 6 б] "Хотя и находятся ниже всех, смутных дел не допускают"; qan amitan=u dotur=a kümün=eče degedü ügei [НС, 16 б] "среди всех живых существ нет выше человека", ...olan=ča dotun=a soyuqaydayсан аji [Cl., 1362, с. 62] "...был любим [Чингис-ханом] более других"; Ten jün=neče niken nasun yeke harbantai аjiуу [Ск.ск., § 66] "[Ей] было по сямь лет, на год старше Тэмуджина";

8) исходный падеж употреблялся с глаголом čöči= "бояться" и его производными, например: kö'ü minu noqai=yača čöčimtawu būl [Ск.ск., § 66] "Сын мой боится собак".

Двойной дательноместно исходный падеж на =dača/=deče передавал те же самые значения, что и простой исходный (об этом подробнее в разделе "двойные падежи").

Орудный падеж. Формантами этого падежа служили =bar, после основ на гласные и =iyar после согласных. Наряду с ними в древнем языке употреблялся и =iyar: uyu iyar [УМУДБ, с. 22], ср.

³ Глагол gerel= в значении "приходить в замешательство, теряться; бояться" употреблен в "Сокровенном сказании": Činggis qahan gerelju ... [§ 245] "Чингисхан пришел в замешательство [растерялся]..."

классическом монг. uyu iyar "родственником, через родственника". Все показатели имели как совместное, так и раздельное написание. Основные значения орудного падежа:

1) предмет или лицо как орудие или средство действия: yar=iyar köi=iyer dörben yeke dalai=yi qudququi [ТД 29, F 12 v] "Руками и ногами привел в движение четыре великих моря"; ildun arɣabar sayučin arar=i önggegegüjü ... [Cl., 1335, с. 73] "Обманом и мечом убил человека, который был хранителем..."; qudaldučid=i kičiyenggüi=ber aburayad... [ТД 22, F 4 r] "Посредством усердия освободил купцов..."; uridus=tayan čing ünün kündülendegü sedkil=iyer taqibasü... [НС, 33 а] "Если [он] чтит своих предков самым искренним и почтительным образом..."; ečün=iyer öčijü iler=ün [УМУДБ, с. 37] "Отправил через посла".

2) лицо, вместе с которым совершается действие: ulus=iyar =iyar bolju yarča jorɣ=iyar qoton bekilen sitügeleldün бүкүй=dür... [Cl., 1362, с. 64] "И когда, будучи со всем своим народом, [он] устоял единственным намерением защитить город..."; tngri=yin köbegün olan mingyan tngri nököd=iyer=iyen... irejü ... [ТД 24, F 6 v] "Сын божества пришел с многими тысячами своих спутников-богов";

3) лица и предметы как объекты действия: ...ödür=tür yurban qušiyun aduyusun=u miqabar tabiyabasü ber ači ügei taqimdayu kemegdeyü [НС, 23 а] "Если даже ежедневно приносить в жертву мясо (мясом) трех видов животных, это будет почитание без заслуг..."; eldeb čečeg =iyer čimegtü ... [ТД 45, F 35 r] "...украшенный различными цветами"; ger=ün dotur=a gegegen gerel=iyer dügürbei [ТД 29, F 12 v] "Дом внутри наполнился ярким светом"; qoyitus uru inu ede üges=iyer yabun čidabasü... [Cl., 1335, с. 76] "Если его последующие поколения будут следовать этим словам...";

4) орудный падеж как источник действия: ečige köbegün=i tayalaqu aburi kemebesü tngri=yin jayayabar buyu [НС, 19 а] "Что касается характера почитания отцом сына, то [это] определяется судьбой Неба"; möngke tngri=yin ibegelibere yeke mongyol ulus=un qan=i narbai=yi nigedkegüün jayayadaysabar... [Cl., 1362, с. 62] "Под покровительством вечного Неба хану Великой Монголии было предопределено объединить все [народы]";

5) орудный образа действия: bodisdv čing usqal ayali=bar sonusqui=a sayiqan dayubar ögüler=ün [ТД 63, F 59 r] "Бодхисатва сказал прекрасным для слуха голосом и твердым, [но] кротким видом (характером)"; ...küčün ügei=iyer unabasu ber basa bosču sabilan sayubai [ТД 48, F 39 r] "Хотя он и упал обессиленный, но снова встал и сел, скрестив ноги"; emüne inu irejü jögenen üge=ber arɣadan ögüler=ün [ТД 48, F 39 v] "Подождал к нему и сказал лукаво нежными словами";

...kičigel qatayuljil=iyar... kücü öggügseber... [Cl., 1362, с. 67] "...служим старанием и усердием"; tngri=yin köbegün... kümün untaqui čay =tur irej duradqan silüg=iyer öčirün [ТД 24, F 6 v] "Сын божества пришел..., когда люди спали, и почтительно произнес стихами";

6) причина действия: ebedčün=iyer ügei boljuу [Cl., 1362, с. 68] "Скончалась от болезни"; ebedčün=i anayuluуsan kemebesü bügüde eni köbegün=ü kücüber bolbai [Cl., 1335, с. 73] "Что касается излечения болезни, то это было благодаря силы этого юноши"; ...nasu ürgüli sayin üile üiledkü ber [Cl., 1335, с. 72] "...в результате того, что всегда и постоянно делал добрые дела";

7) место, пространство передвижения: tendeče doloduyar edü =tür bodisdv... dorona=du qayaly=a=bar yagču... [ТД 25, F 8 r] "После того на седьмой день Бодхисатва... вышел через восточные ворота... ümedü qayaly =a bar yagču odqui tergegür=tür... [ТД 28, F 10 r] "...на дороге, которая проходила через северные ворота...";

8) субъект или реальный исполнитель действия в залоговых конструкциях: noyad=iyar öčigülbesü ... [Cl., 1362, с. 63] "...когда заставил князей поставить в известность [Императора]"; noyad=iyar bičigülfü ... [Cl., 1362, с. 64] "...заставил написать чиновников";

9) цель действия: ...yayča jorigu=iyar qoton bekilen... [Cl., 1362, с. 64] "...с единственной целью защитить город...".

Орудный падеж (вместо совместного) употреблялся с глаголами ayuljaqu "встречаться"; Muqali Buqa qoyar kö'ud=iyer=iyen a'uljaqu... [Ск.ск., § 137] "Мухали и Буха встретились со своими сыновьями".

Совместный падеж. Его формантами были =tai и =tu (реже мн.ч. =tan). Этот падеж появился значительно позже других [Орловская, 1984, с. 48], о чем свидетельствует и его сравнительно редкое употребление как в древних, так и в более поздних, классических текстах. Само название падежа указывает на его значение совместности действия с кем (чем)-либо или обладание каким-либо предметом: ...уеке емеге ину Zii oboytai... ner=e ögtejügüi [Cl., 1335, с. 42] "...его прабабушка, которая была из рода (с родом) Zii..., была пожалована титулом...".

Мнение Г.И.Рамстедта, что суффикс =tai < =tu + адъективный =ai [Рамстедт, 1957, с. 205] подтверждается одними и теми же значениями имен на =tai и =tu. Ср.: Dari neretei [ТД 50, F 41 v] "по имени Дари" и ebüge inu Bai Sang neretü [Cl., 1335, с. 72] "Его деда звали (был с именем) Бай Санг; delgeregsen linqu=a=yin nabčün=dur adai nidü=tü čü [ТД 31, F 17 r] "Ты с глазами, подобными листьям распустившегося лотоса"; и noqai ni'urtai... [Ск.ск., § 188] "с собачьей мордой...".

Суффикс =tan как закономерное множ. число употреблялся при согласовании имен в числе: qayaly=a tutum=dur maq=a nagni=yin küčütö ten tabuyad sakliу=ud jalayus=i... tusifu jestügül=ün sakiуulbai [ТД 30, F 14 v] "У каждой двери поставили для охраны по пять сотен säkyu -юношей, наделенных силой чемпионов"; terge saran niуur=tan delgeregsen linqu=a nidüten [ТД 45, F 35 v] "Имели лица как полная луна, имели глаза [как] распустившийся лотос".

Соединительный падеж. Формант соединительного падежа =luуa / =lüge зафиксирован в древнем и классическом монгольском языке, в ордосском, ойратском и некоторых других диалектах, но он отсутствует в халхаском и бурятских диалектах [Санжеев, 1953, с. 174].

Основное значение этого падежа комитативное. Он обозначает:

1) лицо или предмет, вместе с которым осуществляется действие: Örtügtemür=lüge qamtu... [Cl., 1346, с. 69] "...вместе с Оруктэмуром"; basa ber Yasidari=luуa qamtu бүкүи=dür... [ТД 29, F 11 v] "...снова, когда он был вместе с Яшидари";

2) лицо или предмет, находящиеся в каких-либо отношениях с другими: öber=ečegen erdem=tü sayid=luуa aqa degü barildu... [Cl., 1362, с. 65] "Станьте побратимами с теми, кто более талантлив (образован) и лучше, чем вы"; noytan tülegen=lüge učirabasu yal ber söneуü [ТД 62, F 57 v] "Даже огонь гаснет, если соединится с сырыми дровами"; kümün tngri kiged yurban mayui jayayан=luуa a ültü medeküi tungqay=iyar tabun töröl=dür öčiyü [ТД 23, F 5 r] "Люди и боги с тремя злыми судьбами из-за отсутствия знаний вращаются в пяти перерождениях";

3) соединительный падеж, обозначающий уподобление одного лица (предмета) другому: teyin ber бүгесү tngri=lüge nigen=e qamuy yirtinču=dekin=ü üliger ger=e inu čü kü ülügübüi [ТД 64, F 60 r] "Если это так, [то] не являешься ли ты свидетельством и примером для всех живущих в мире, включая богов (вместе с богами)";

4) лицо, как объект совершенного или предполагаемого совместного действия: tegüber degedüs dorudus=luуa sedkil dayalduyad itegeldün čdajuyui [НС, 35 a] "Поэтому высшие смогли объединить свои чувства с низшими и полагаться друг на друга"; Čanak=lüge kelelüуa kemeп... [ТД 38, F 27 r] "Давайте поговорим с Чанака"; čimalууa qamtudču jiyayуa=kemen irebei bida [ТД 64, F 61 r] "Мы пришли, чтобы объединившись с тобой, порадоваться"; tegüber erdemten=lüge ülü meļjen: teyin ečige minu ese odbasu sayin... [ТД 59, F 55 r] "Поэтому, отец мой, лучше не идти таким образом и не отказываться [иметь дело] с теми, кто наделен достоинством".

В наших текстах в единственном случае зафиксирован так называемый падеж предела с показателем =ᠵаγа / =ᠵеge: tegüber kümün eᠵige eke=dürüyen ᠵiqulalaqu kemebesü ebüdügᠵеge niq=a öᠵükен=eᠵе boluyu [НС, 18 а] "Поэтому почитание человека к своим родителям начинается с самого детства, когда [ребенок] еще ростом до их колен".

Двойные падежные формы. Что касается двойных падежных форм и разного их толкования в монголоведении, то мы уже писали об этом в: [Орловская, 1984(1), с. 363-372; Орловская, 1984(2), с. 50-55]. Мы исходим из того, что в ряде случаев первый из двух падежных показателей в словоформе не превращается в словообразовательную морфему, а сохраняет свое падежное значение, тем самым подтверждая существование в монгольских языках двойных падежных форм.

Самой распространенной из них была как в древних текстах, так и в более поздних - классических, дательном-местно-исходная форма на =daᠵа / =deᠵе. Первый компонент этой формы =da / =de в монгольских языках имел локативное значение, тогда как в древнетюркских (откуда по нашему мнению он был заимствован) это был полифункциональный местно-исходный падеж, выражавший как локативное, так и аблативное значения [Насилов В.М., 1960, с. 29; Тенишев, 1970, с. 25-26].

В монгольском же языке для передачи чисто аблативного значения показатель =da / =de требовал уточнения путем присоединения к нему суффикса исходного падежа =ᠵа / =ᠵе. За формантом же =da / =de сохранилось локативное значение. Процесс этот происходил постепенно, поэтому в письменных памятниках, начиная с самых древних, долгое время использовались две формы: двойная дательном-местно-исходная и простая исходная для передачи одних и тех же значений. Ср. примеры: qaγan=deᠵegen üge ügei odbasu... [ТД 29, F 12 v] "...если [я] удалюсь без слов от моего отца-хана" и qaγan=ᠵа... ner=e soyurqaydaysan [СЛ., 1362, с. 68] "Ханом (от хана) был пожалован титул..."; imada=ᠵа jiyuγan köbegüd törögsen [СЛ., 1362, с. 66] "От нее родилось шесть сыновей"; Bodonᠵar=un a/b/lin eme=deᠵе töreksen... [Ск.ск., § 43] "Родился от первой жены Бодончара"; и Barqujin-᠒o=a=ᠵа töreksen Alan=᠒o=a neretei ökin tere [Ск.ск., § 8] "То была девушка по имени Алан-гуа, родившаяся от Баргуджин-гуа".

Кроме этой двойной формы употреблялись и другие: это совмещенный и винительный (примеры нами были зафиксированы в тексте "Алтан тобчи"): "...degüner kegüked=tei=yi... alabai [АТФ, 4769] "...убил младших братьев с детьми" и совмещенный с родительным: amun künesün elbeg=tü=yin tula... [СЛ., 1362, с. 64] "...так зерна [проса] было в изобилии" - elbeg "изобилие" - elbeg=tü "с изобилием", родительным падежом управляет послелог tula "так как".

Однако мы не отрицаем и того факта, что в монгольских языках, в том числе и в его самых ранних (доклассических текстах) изменение имен по падежам имеет не только грамматическое, но и лексико-грамматическое значение [Цыдендамбаев, 1972, с. 354]. Это особенно касается совместного падежа, часто выполняющего определительную функцию, например: ᠵi busu neretei Ho'elün taki nereyidüü=jе [Ск.ск., § 55] "Ты ведь назовешь [женщину] с другим именем снова Оэлун". В словоформе neretei - два падежных форманта: =i показатель винительного падежа - прямое дополнение и =tey < =tei форма совместного падежа, выступающая в определительной функции, но не переводящая при этом имя существительное nere в разряд прилагательных. Ср. также: bodisdv ögülerün öteleküi nom=tu=yi Jalayu ebedküi nom=tu=yi elegür kemen üküküi nom=tu=yi amidu kemen: sedkigsen qabiy=a inu ali bui [ТД 27, F 9 v] "Бодхисатва сказал: «Какая польза думать, что тот, кто находится под законом старения (тот, кто с законом) - молод, кто находится под законом разрушения - здоров, кто находится под законом смерти - жив»".

В некоторых случаях "лексичность" преобладает над "грамматичностью". Винительный падеж, присоединяясь к именам, обозначающим признак, субстантивировывает их: sayin "хороший" - sayin=i [Ск.ск., § 219] "нечто хорошее", "доброта"; qara qurdun=iγan unuba [Ск.ск., § 106] "Оседлал своего быстрого [коня]".

Родительный падеж, выражающий в широком смысле слова притяжательность, в сочетании с суффиксом =(q)ai/(k)ei образует притяжательные имена: bi Temüjin=ü=(k)ei [Ск.ск., § 100] "Я тэмуджинская (т.е. принадлежу к семье Тэмуджина)".

Прилагательные

В древних текстах выявлены два разряда прилагательных: качественные и относительные. Качественные, которые обозначают цвет, размер и ряд других признаков, представлены как производными: ulayan < ula'ap "красный", sira "желтый", sine "новый", soqur "слепой", qaljan "лысый", так и производными: yadanggi "слабый, маломощный" <yada= "не мочь, не уметь", "не быть в состоянии", qaganggi "темный", "черный", qagambai "грязный, запачканный, замызганный", <qaga "черный".

Этот разряд прилагательных способен иметь показатели степеней качества и формы интенсификации или ослабленного качества: mawu-qan [Ск.ск., § 193] "плохонький, неважненький" <mawu "плохой";

čö'eken [Ск.ск., § 193] "совсем малочисленный" < čö'en "мало; малочисленный"; hulāmtur [МА, с. 62, 87] "красноватый" < hulā (n) "красный"; yekemed [Cl., 1362, с. 66] "самый старший" < yеке "большой; старший";

Чрезмерная насыщенность качества передавалась посредством редупликации с усечением повторяющейся основы. Редуцированный элемент удвоения соотит из первого слога основы с приединением к нему согласного =b: hub hulān [МА, с. 186] "совершенно красный"; qab qaba [ТД 48, F 38 v] "совершенно черный; чернее черного";

Высшая степень проявления признака передавалась формой интенсификации: masi yeke tusa [Ск.ск., § 134] "очень большая польза"; qamtu=un mōngke [АТФ, 3943] "самый вечный".

Качественные прилагательные участвуют в образовании сравнительных конструкций для обозначения качественного различия однородного признака, присущего двум или более предметам. При этом имя существительное (или иная часть речи), с которым сравнивается качество или свойство какого-либо предмета, ставится в форме родительного падежа, а имя прилагательное остается без изменения: kūtūn=eče degedū [НС, 16 б] "выше (лучше) человека"; öbergedorudus üüged=i buu basum]ilan... [Cl., 1362, с. 65] "...не пренебрегайте теми, кто ниже и меньше вас (себя)".

Относительные прилагательные образуются от именных, монгольских, реже - наречных основ, посредством суффиксации. Наиболее известными с древних времен были суффиксы: =du / =doronaду [ТД 28, F 8 r] "восточный" < dorona "восток"; adatu [Cl., 1362, с. 62] "опасный; злой" < ada "злой дух"; amtatu [НС, 36] "вкусный" < amta "вкус"; amidu [Cl., 1362, с. 52; НС, 36 а] "живой"; ami "жизнь"; =deki / =ki: degereki [НС, 26 б] "находящийся наверху"; degere "верх; наверху"; yirtinčüdeki [ТД 52, F 45 v] "распространенный во вселенной" < yirtinčü "вселенная; мир; свет".

Употребительными в древних текстах были суффиксы: =liju / =qalqanliju [Cl., 1362, с. 63] "защищенный" < qalqa(n) "щит, покрытие"; tngērlig [ТД 30, F 15 r] "божественный" < tngri "небо"; "божественный"; qanliju [НС, 28 а] "ханский, уподобляющийся хану" < qan "хан"; =darba / =darbayar [ТД 59, F 55 v] "толстогубый; большеротый" < darba "широко раскрываться; быть большеротым"; =yu: yajai [Cl., 1362, с. 67] зд.: "неверные, вероломные" < yajai "отклоняться; искривляться"; =may / =meg: amagamay [ТД 52, F 45 v] "желанный; успокоительный" < amaga "отдыхать, успокаиваться"; =mal / =mal: arčimal [ТД 21, F 2 r] "очищенный, отшлифованный" < arči "очищать"; =marai / =megei: dadmayai [Cl., 1362, с. 67] "привычный, имеющий навык" < dad "привыкать"; =mdayu / =mdēgū: taqimdayu [НС, 2

"почитающий, способный почитать" < taqi= "уважать, почитать"; Joqimdayu [НС, 33 б] "соответствующий, пригодный" < joqi= "соответствовать"; =msar / =mser: uqamsar [Ск.ск., § 240] "непонятливый" < uqa= "понимать, разуметь"; ölüsümser [Ск.ск., § 56] "не голодающий, не испытывающий голода" < ölüs= "голодать, быть голодным". Суффикс =msar / =mser примечателен тем, что в классическом языке изменилось его отрицательное значение, и производные с ним прилагательные стали обозначать наличие положительного качества. Для передачи же отрицательного значения с прилагательным стало употребляться слово-отрицание ügei "не, нет". Ср. класс. монг.: uqamsar ügei, халх.: ухамсаргүй "недогадливый, непонятливый, несообразительный".

Объяснение этому явлению дал японский ученый М.Хасимото, который рассматривает этот суффикс как составной, состоящий из =m, образующего отлагательные имена: класс. монг.: toqum "потник" < toqu "седлать, накладывать потник" + =sar/=ser, который сопоставляется с отрицательным суффиксом =ser в тюркских языках (например, чувашском). Поэтому в древних монгольских текстах =msar имел изначально отрицательное значение, которое со временем было утрачено в связи с тем, что общим для монгольских языков стало отрицание ügei [Hasimoto Masuru, 1964, с. 421-426]⁴.

Вместо притяжательных прилагательных в монгольских языках, в том числе и в языке древних текстов, употребляются имена существительные в форме родительного падежа: morin=u se' ül [Ск.ск., § 129] "конский хвост"; qonin=u se' ül [Ск.ск., § 180] "овечий хвост".

В монгольских языках отсутствуют прилагательные, обозначающие вещества или материал, из которых состоит или сделан предмет, поэтому предметные определения выражаются сочетанием двух стоящих рядом имен существительных, например: temür telege [Ск.ск., § 199; 236] "железная телега (железо-телега)"; terme ger [Ск.ск., § 265] "юрта, [покрытая] тибетским сукном (тибетское сукно-юрта)".

Функциональной особенностью прилагательных является их атрибутивное употребление. В предложениях они выступают прежде всего в качестве определений к именам существительным. Сочетание прилагательного с существительным происходит без каких-либо морфологических выраженных форм. Определительные отношения выражаются только порядком слов: определение всегда стоит перед определяемым.

⁴ О том, что суффикс =ser употреблялся в монгольском языке в отрицательном значении свидетельствует и словоформа keüser, халх. хүүсэр "бездетный (о женщине)", "бесплодный (о животных)", которая членится на keü = "сын, мальчик, дитя" + =ser.

Однако в древних текстах существовало (хотя уже и непоследовательно употребляемое) согласование определения с определяемым в числе, например: biligten kücüten köbegüd [ТД 62, F 58 г] "та лантливые и сильные юноши"; sayitan sibayuqad [ТД 52, F 46 г] "прекрасные птички"; sayid aran [Cl., 1335, с. 71] "добрые (хорошие) люди".

Хотя предикативная функция для прилагательных не характерна, однако в коммукативных целях, в ярко выраженной эмоциональной речи они могли занимать и позицию сказуемого, например: Jarim=ud anu degel ügei ničügün [ТД 31, F 17 г] "Некоторые из них [были] без одежды - нагие"; mongqol=un aqtas turuqat [Ск.ск., § 194] "Монгольские кони отощали (тощие)"; adu'un bidan=u turuqat b [Ск.ск., § 168] "Табуны наши отощали (тощие есть)".

В контексте качественные прилагательные могут субстантивироваться, обозначая при этом отвлеченные понятия качества или признака. В таких случаях они оформляются падежными показателями, например: bilig=ün nidün=iyer mungqay=un qaranguyi=geyigülügei bi [ТД 31, F 16 v] "Я хочу осветить мрак (темноту) невежества глазами разума (интеллекта)" - при qaranguyi "темный мрачный"; eldeb Jigerkemsig=i üjeju ögüler=ün [ТД 32, F 17 v] "Увидев всякие мерзости, сказал..." - при Jigerkemsig "мерзкий, отвратительный, омерзительный".

В данном разделе мы привели лишь некоторые суффиксы, образующие имена прилагательные, и дали их краткую синтаксическую характеристику, что подтверждает тот факт, что в древнем монгольском языке этот класс слов был уже вполне сложившейся самостоятельной частью речи с присущими только ему лексическими, морфологическими и синтаксическими критериями.

Местоимения

Монгольские местоимения - это наиболее древний и практически мало изменившийся слой в исконной лексике языка. Несмотря на то, что исследование этого класса слов в монголоведении посвящено обширная литература (кроме разделов во всех грамматиках и других трудах имеются и специальные исследования: Цыдендамбаев, 1951; Дамдинсурэн Ц., 1973; Дарбеева, 1970; Дамдинсурэн Ц., 1980; Төмөртоого Д., 1990; Аюуш Т. Б., 1995), спорного в происхождении и эволюции местоимений (особенно личных) еще не мало.

Местоимения делятся на несколько групп, каждая из которых характеризуется своими семасиологическими и функциональными особенностями.

Личные местоимения:

ед.ч.		мн.ч.	
1-ое л. bi	"я"	ba, bide	"мы"
2-ое л. či	"ты"	ta	"вы"
3-е л. i	"он", "она", "оно"	*a	"они"

Личное местоимение 1-го л. ед.ч. bi зарегистрировано во всех монгольских языках и во всех письменных памятниках. Эта основа восходит к периоду праалтайского языка и, возможно, имело форму *bin < *min с тем же грамматическим значением [Рамстедт, 1957, с. 69; Д.Төмөртоого, 1990, с. 8-9].

Подтверждение гипотезы, что bi < *bin < *min ученые видят в том, что "основой личного местоимения 1-го л. ед.ч. в древнетюркском и современном якутском является форма =min. Форма же =min, унаследованная с протоалтайского языка в ходе исторического развития, превратилась в =bin в результате известного чередования согласных m и b, а впоследствии превратилась с выпадением конечного =n в bi [Д.Төмөртоого, 1990, с. 9].

Основа =min в письменных памятниках сохранилась только в родительном падеже. Во всех остальных косвенных падежах основами служат: pam= (винительный, орудный, соединительный) и pa= (дательно-местный, исходный, редко - соединительный).

Предполагается, что основа pam= появилась в результате метатезы согласных n и m: nim < *min с последующей регрессивной аккомодацией гласного следующего слога: nim > pam= [nimača > pam=аča].

Что же касается форм дательно-местного падежа nadur и исходного padača, то процесс эволюции, возможно, происходил так: nadur < nandur < *nandur < *nimdur < *mindur. Впоследствии =d оказался в косвенной основе nad=, в результате чего исходный падеж имеет форму padača, а соединительный padaḷā [МА, с. 244] [Д.Төмөртоого, 1990, с. 10].

В связи с предложенным толкованием происхождения личного местоимения 1-го л. ед. ч. bi и его основ в косвенных падежах, отметим, что это не единственная, хотя и допустимая гипотеза.

Г. Д. Санжеев, например, исследуя это местоимение и его основные основы во всех монгольских языках, иначе рассматривая членил эти основы на морфемы, генезис которых он считал для себя не совсем ясным. При этом основы родительного падежа он считал результатом фонетического развития самого местоимения или, наоборот, более архаичным вариантом последнего [Санжеев, 1993, с. 146].

Из личных местоимений особый интерес вызывают два местоимения 1-го л. мн.ч. *ba* и *bide*.

Первое из них, местоимение *ba*, в классическом и современных монгольских языках, за исключением дагурского *bā*, отсутствует [Санжеев, 1953, с. 148; Тодаева, 1986, с. 53]. В древнем же, документальном, языке оно употреблялось довольно часто, в подтверждение чего приведем ряд примеров из разных текстов: *edüge ba oči qariγul=un čidaq=uu kemen asaybasu...* [ТД 38, F 27 r] "...если мы сейчас отправимся, возможно ли вернуть [его]?"; *tegüber ba üiledügsä sayi üiles=i anu jergeber ügüleged...* [С1., 1335, с. 77] "Поэтому мы рассказали по порядку о добрых делах, которые [они] осуществили..."; *...qoyitus ba... Qorum=a sayuγu balaya[sun orosi]yulγuγu* [С1., 1346, с. 7] "...мы потомки основали столицу в Хоруме"; *Qorči irejü ügülen Bodončar boydo=yin bariju abugsan eme=deče töregsen ba Jamuq=a=ke'eli niketen keke qaččatan büle'e'i* [Ск.ск., § 121] "Придя, Хорчи сказал: « Мы с Джамухой приходим от жены, которую взял себе священный предок Бодончар, мы из одного чрева и крепко связаны »"; *ba Hö'elün eke=yin kö'ün=i aqa=yi alaju de'ü=yi te/b'čijü öksügei ke'eji* [Ск.ск., § 166] "Мы [вас] сыновей Озлун-эке старших перебьем, младших изведем"; *kö'üd=ün aqa Joči ba qoyar bui=jе* [Ск.ск., § 255] "Мы с Джочи старшие из сыновей".

Уже к концу XIV в. местоимение *ba* стало вытесняться формами *bida(n) ~ bide(n)* и вскоре было ею окончательно заменено. В текстах "Сокровенного сказания" и других памятниках XIII-XIV вв. они употреблялись параллельно.

О происхождении этих двух местоимений также существуют разные точки зрения. Разделяя мнение В.Л.Котвича, что в алтайских языках формы мн.ч. числа личных местоимений образованы средствами внутренней флексии, путем изменения гласного в основе местоимения ед.числа [W.Kotwicz, 1936, с. 13-14], Г.Д.Санжеев считает, что монгольское *ba* также появилось в результате использования семантических целей чередования гласных: *bi > ba* [Санжеев, 1993, с. 150]. Г.И.Рамстедт [1957, с. 70] и вслед за ним Д.Төмөртоо [1990, с. 11] полагают, что *ba < *ban < *man* в результате известной всем алтайским языкам диссимилиации согласных *m > b*.

Нет единого мнения и об этимологии и происхождении местоимения *bida(n) ~ bide(n)*. Г.И.Рамстедт считал, что именительный падеж *ba* "мы" вышел из употребления, уступив место форме *bida* ("мы" < **bi-ta* "я и мы") [Рамстедт, 1957, с. 71]. Ц.Б.Цыдендамбаев также полагал, что местоимение первого лица множ.числа образовано путем слияния его формы ед.ч. с местоимением 2-го л. ед.ч., т.е., что *bida ~ bide < bi* "я" + *ta* "вы" с переходом *t > d* [Цыдендамбаев, 1951, с. 12; 1979, с. 15-22].

С таким объяснением был в корне не согласен Г.Д.Санжеев, разделявший существующее в алтайской литературе мнение, что формы мн.числа личных местоимений образованы не в результате комбинаций личных же местоимений (*я+ты*), а от основ соответствующих местоимений ед.числа посредством наращения показателей множественности. Что касается монгольского языка, то Г.Д.Санжеев отметил, что *bida ~ bide < bi+da*, где последняя представляет собой морфему со значением множественности, которая присутствует и в составе указательных местоимений мн.ч. *ede* "эти" и *tede* "те", пришел к выводу, что данные современного монгольского языкознания пока не дают прочной основы для того или иного решения затронутой проблемы [Санжеев, 1953, с. 148].

Отметим, что в древнем языке все падежные формы, кроме номинатива, образовывались от основы *bidan=*. В "Сокровенном сказании" имеется только один случай употребления формы *bida=* в дательном-местном падеже: *bida=tur* [§ 118], но: местный п.: *bidan=a* [§§ 199, 203, 248 и др.]; исходный п.: *bidan=ača* [§§ 118, 131, 179 и др.]; винительный п.: *bidan=i* [§§ 149, 161, 165 и др.]; соединительный п.: *bidan=lu* [§ 193], *bidan=lu'a* [§§ 232, 275]; дательном-местный п.: *bidan=tur* [§§ 85, 149, 165 и др.]; родительный п. *bidan=u* [§§ 18, 104, 110 и др.].

Морфема *=dan / =den* присутствует и в падежных формах указательных местоимений *ede* "эти" и *tede* "те": вин.п. *eden=i* [§ 72]; *teden=i* [§ 149]; мест.п. *teden=e* [§ 245]; дат.-мест.п.: *teden=tür* [§§ 142, 170].

Если предположить, что *=dan* в *bidan* - морфема, выражающая значение множественности [Д.Төмөртоо, 1990, с. 12], то возникает вопрос, почему в номинативе употреблялись только *bida ~ bide* и *ede, tede*.

Известно, что в монгольских языках имена на *=n* подразделяются на две группы: 1) слова с устойчивым конечным *=n*, который не исчезает при словоизменении и 2) слова с так называемым неустойчивым *=n*, которые имеют две основы: полную с *=n* и усеченную без *=n*, проявляющую себя только в системе словоизменения, когда в ряде падежей (в современном языке - это именительный, орудный, совместный) этот *=n* исчезает.

Вряд ли в морфеме =dan этот =n был неустойчивым. Но даже в случае его "неустойчивого характера" в номинативе должна присутствовать его полная форма. Тогда как мы имеем обратное явление - номинатив *bida*, а во всех прочих падежах основа *bidan* в связи с этим нам представляется, что исходной была все же морфема =da, поэтому и номинативной формой была *bida*, а не *bide* равно как и *ede*, *tede*, а не *eden*, *teden*. Возможно, =n в *bidan* стал появляться при словоизменении по аналогии с местоимением "вы", в котором =n также появляется во всех других, кроме номинатива, падежных формах: вин.п.: *tan=i*, мест.п.: *tan=a*, дат.-мест.п.: *tan=dur*, соед. п.: *tan=luya*, род.п.: *tan=u*⁵.

Интерес представляет и местоимение 3-го л. Среди современных монгольских языков и их диалектов только дагурский язык (ецицакарский и бутхаский говоры) сохраняет полную парадигму его склонения [Тодаева, 1960, с. 60-61; 1986, с. 53; Дарбеева, 1970, с. 113 - 117]. В классическом и современном монгольском языке сохранились только рудименты этого местоимения в форме родительного падежа *inu* и *anu*. Что же касается текстов XIII-XIV вв., то там это местоимение представлено почти всеми его падежными формами, именно: вин.п.: *imayi*, дат.-мест.п.: *imadur / imada*, орудн.п.: *imalu*, соед.п.: *imaluya*, дат.-мест.п.исх.п.: *imadača*.

Приведем некоторые примеры: ...*imayi ečige /me/tü kündel* *ajuu* [Cl., 1338, с. 53] "...его почитали как отца"; *imada=ča jiyu köbegüd törgesen ajuu* [Cl., 1362, с. 66] "От нее родились шесть сыновей"; ...*ali ber üles=i imalu=a eyetüldün ajuu* [Cl., 1335, с. 72] "...обсудил с ним любые дела"; *imada ángq=a urida... ner=e soyurq* *öggüged...* [Cl., 1362, с. 65] "Прежде пожаловал ему звание...".

Сохранившиеся в классическом монгольском языке формы родительного падежа личного местоимения 3-го л. ед. и мн.ч. *inu*, *anu* (реже - *ni*) употребляются как графические варианты одной и той же притяжательной частицы 3-го л. со значением "ее", "его", "их", при этом употребление *inu* и *anu* уже не зависит ни от числа, ни от сингармонического ряда предшествующего слова, и они всегда используются только постпозиционно.

Однако в древних текстах эти частицы употреблялись и в предпозиции, т.е. как и любое другое личное местоимение, например: *an*

⁵ В современном монгольском языке имена, исторически не имеющие в ходе своей основы согласного =n, стали приобретать его по аналогии с именами на =n. При этом =n стал выполнять в некоторых словах и смыслоразличительную функцию, т.е. несет определенную семантическую нагрузку. Ср.: "время, период, час; часы" - род. п. цагийн ажил "работа на час", но цагийн ажил "работа над часами"; хоёр "два", хоёрт ирнэ "приду [приеду] в два часа", но хоёронд ирнэ "приду [приеду] второго числа".

ordu dotoг=a... [Cl., 1338, с. 54] "в их дворце..."; ...*anu bařasun=u yadana bayuysan ajuu* [Cl., 1338, с. 54] "...похоронили за пределами их города"; *anu uruу bidan=tur ire'esü ...* [Ск.ск., § 165] "...если к нам придет их родня"; *inu metüs=i či'un=tür ülibei* [Ск.ск., § 156] "Подобных ему [мы] примеряли к тележной оси".

В тексте "Сокровенного сказания" нередко употреблялась и форма винительного падежа *ani*, например: *ani teyin butaraqdaju Ong qan Ergüne huru'u Jamuqa=yi nekebe* [Ск.ск., § 144] "Когда их так разгромили, Ван-хан преследовал Джамуху вниз [по реке] Эргунь". Ср. перевод этого предложения на современный монгольский язык: Тэднийг тэгх бутрахад Ван хан Эргүнэ рүү Жамухыг нэхэв [МНТ, § 144] "ид- местоимение *ani* заменено здесь указательным тэд в вин. падеже; *jid* *ani daruju kidu'at Buqar Semisgab Udarar balayasun=tur ani üli neyile'ülün daraju šin-müren=e gürttele hüldejü yabuqdarun* [Ск.ск., § 257] "Кроме того, разгромив их и уничтожив, им не позволили соединиться в городах Бухара, Сэмисгаб и Отрар и гнали до [реки] Шин-мурэн". В переводе на современный язык *ani* в этом предложении также заменено винительным падежом местоимения тэд - тэднийг [МНТ, § 257].

Наряду с этим *inu* и *anu* регулярно употреблялись и постпозиционно в качестве местоименных притяжательных частиц, например: *bi yuča kö'n inu bi Bo'orči neretü bui* [Ск.ск., § 90] "Я его единственный сын, меня зовут Боорчи"; *ečige=če inu ulam köbegün inu Sergesgeb degedüs=e ene metü terigüten soyurqaydayad...* [Cl., 1338, с. 55] "Из-за своего отца сын его Саргэсгэб был таким образом благодетельствован Императором...".

Таблица личных местоимений

им. пад.	bi "я"	či "ты"	*i "он"	ba; bida(n) / bide(n) "мы"	ta "вы"	*a "они"
род. п.	minu mini	činu čini	inu ini	manu bidan=u	tanai tanu	anu
вин. п.	namayi nama	čimayi	imayi	man=i, mani bidan=i	tan=i	ani
местн. п.				man=a bidan=a	tan=a	
дат. - местн. п.	nada nadur	čimada čimadur	imada imadur	man=dur man=tur bidan=dur bida=tur bidan=tur	tan=dur	andur
исх. п.	nadača	čimača čimadača	imadača	manača man=ača bidan=ača	tanača	
орудн. п.	nama'ar		ima'ar	mana'ar		
соед. п.	nama=l'ua nama=luγa	čima=l'ua čima=luγa	imaluγ=a	man=l'ua bidan=l'ua bidan=lu	tan=l'ua	

Указательные местоимения. К указательным местоимениям относятся следующие: ene "этот", tere "тот", ede "эти", tede "те". Их значения и структура уже исследованы в трудах В.Л.Котвича, Г.И.Рамстедта, Г.Д.Санжеева, Ц.Б.Цыдендамбаева и др. Этот разряд местоимений определяет предметы, указывая на их близость или отдаленность, присутствие или отсутствие здесь. Г.И.Рамстедт относил их к древнейшим и предлагал их структурное членение на en=e и ter=e, где =e считал дейктическим элементом [Рамстедт, 1957, с. 74]. Но Г.Д.Санжеев членил их иначе на e=ne и te=re (для ед.ч.) и e=de, te=de (для множ.ч.), считая, что форма множ.ч. в этих местоимениях образовалась с тем же элементом =de, что и личное местоимение 1-го л. множ.ч. bi=da ~ bi=de "мы" при bi "я" [Санжеев, 1953, с. 153].

Эти местоимения изменяются по падежам, из которых в древних текстах зафиксированы следующие словоформы:

им. п.	ene "этот"	tere "тот"	ede "эти"	tede "те"
род. п.	egünü e'ünü	tegün=ü te'ünü	eden=ü	teden=ü
вин. п.	egün=i e'ün=i	tegün=i te'ün=i	eden=i	teden=i
местн. п.		tegün=e		teden=e
дат.- местн. п.		tegün=dür te'ün=tür		tedentür tedendür
исх. п.	egüneče e'üneče	tegün=eče te'ün=eče		tedeneče
орудн. п.	egüber e'über	tegüber te'über	ede'er	tedeniyer tede'er
соед. п.		tünle terenlë		tedenlë

Как видно из таблицы, основой косвенных падежей этих местоимений служат egün= и tegün=, которые члènятся на e=gün и te=gün [Санжеев, 1953, с. 154]. При этом происхождение элемента =gün оставалось неясным. Однако данные по ранее мало исследованным монгольским языкам дали возможность сделать новые наблюдения и выводы относительно структуры и значения элемента =gün. Б.Х.Тодаева на материале исследованных ею баоаньского, дагурского и дунсянского языков пришла к заключению, что местоимение ene первоначально использовалось только как указательное местоимение ед.ч., т.е. не употреблялось в значении личного местоимения 3-го л., и поэтому все его косвенные падежи в этих языках сохраняют его без какого-либо изменения в качестве своей основы. Это стало возможным, по мнению Б.Х.Тодаевой, благодаря наличию в этих языках личного местоимения 3-го л., присутствие которого не требовало дополнительного элемента =gün в роли усилителя - уточнителя форм 3-го л. [Тодаева, 1964, с. 51-52]. В связи с этим можно предположить, что элемент =gün появился в тех монгольских языках, в которых исчезло местоимение 3-го л., в качестве элемента-уточнителя значения указательного местоимения ene, лишенного значения лица. Ср.: ene ном "эта книга", ene kümün "этот человек". Следовательно, чтобы придать указательному местоимению соответствия с лицом, требовался дополнительный классификатор, при наличии которого эти местоимения в косвенных падежах приобретали бы значение лица, например: nigen tngri=yin köbegün tegün=i üjeju ... [ТД 46, F 36 v] "Сын божества увидел его..."; tegün=e mörgümüi [ТД 62, F 58 r] "Поклоняются ему"; ed'öe e'ün=i ker kikün bida [Ск.ск.,

§ 152] "Но как сейчас мы поступим с ним (досл.: его)?"; *te'ün=tür* *A širun ügüleriin* [Ск.ск., § 174] "Ачиг-ширун сказал ему..."

Г.Д.Санжеев оставлял открытым вопрос о происхождении и значении *=gün*, но тем не менее высказал предположение, что происхождением этого элемента в древних монгольских диалектах производилась какая-то субстантивация ранних местоимений [?] *e=* и *te=*, в результате чего образовались *egün*, *tegün* и *yaγun* [Санжеев, 1981, с. 155].

Б.Х.Тодаева полагает, что элемент *=gün* восходит к некоему слову со значением "сам", "человек", превратившись со временем в формальную грамматическую морфему. С точки зрения семантики употребления косвенных основ *egün/tegün* это предложение вполне реально. Тем более, что Б.Х.Тодаева делает в связи с этим любопытное примечание, что у калмыцких женщин существовал обычай, по которому запрещалось произносить имя мужа, и они называли его словами *бий / beye* "тело", "сам", "человек" и *күн [kümün]* "человек" [Тодаева, 1964, с. 53]. Представляется вполне правым считать, что элемент *=gün* восходит к *kün < kümün* "человек": *e= < [ene] + kümün > kün/ /gün=egün*; *te= < [tere] + kümün > күн/ /gün=tegün*.

Отметим, что в современном монгольском языке имеются случаи необязательного употребления косвенной основы указанных местоимений перед послелогом, когда речь идет о неодушевленных предметах: энэ тухай в.м.: /т/ үүний тухай "об этом" и "о нем".

Множественное число местоимений *ene* и *tere: ede(n), tede* употреблялись в формах *edeger / ede'er* и *tedeger / tede'er: ede' üiles=i irgen=i jasabasu...* [НС, 20 б] "Если [он сможет] руководить этими делами и людьми..."; *bida tede'er=i ke'eba* [Ск.ск., § 174] "Мы потеряли их". Элемент *ger / ber* В.Л.Котвич относил к окончанию творительного (орудного) падежа, который первоначально имел значение совместности (комитатив) и только с течением времени утратил это значение [Котвич, 1962, с. 315]. Этот же формант входит в состав указанных местоимений, как *bügüdeger* и *bulta=bar* "все, все целиком, полностью" при *bügüde* и *bultu* "все".

К разряду указательных местоимений относятся также *eyin* "такой, как этот" - *eyimün* мн.ч., например: *eyimü törü Čiu güng ner* *kümün=eče boljuγui* [НС, 17 а] "Такой порядок пошел от человека с имени Чиу гунг"; *teyimü* "такой, такие, как тот" - *teyimün* мн.ч.: *teyimü gü'ün teyimü morintu büle'e* [Ск.ск., § 30] "Был такой-то и такой-то человек с такой-то лошадей"; *eyimün teyimün tang'udud=i* *gü'ün=e bariqsa'ar oluqsa'ar abutqun ke'en jarliq bolba* [Ск.ск., § 28] "Издав указ: «Солдаты пусть таких эдаких тангутов захватят и берут добычу»; *teyimün arad kedün ber noyalaqu ner=e olbasu...* [НС, 20] "Такие люди какое бы назначение для правления (управления)

получили..."; *Ögedei eyimün üges ügüleju bö'esü bolu=je* [Ск.ск., § 255] "Если Ögedэй говорит такие слова, [так] и было".

Аналогичные значения имеют местоимения *teyin* "так, такой", *eyin* "эдак, эдакий": *teyin busu üge=yü...* [НС, 20 а] "Не такие слова..."; *eyin kibesü...* [НС, 36 а] "Если сделать так..."; *yakin teyin kildümü* [Ск.ск., § 76] "Почему вы так ссоритесь?"; *eyin kigdeba* [Ск.ск., § 73] "Был так ранен".

В роли указательных местоимений выступают также *edü / edüi / edün* "столько", "эдак", *tedüi* "так", "столько", *mün / müt* "этот", "эти", например: *edui basa...* *To'oril qan=nu ügüleksen üges=i Jamug=a=da ügüleju...* [Ск.ск., § 105] "Так снова передал Джамухе слова, сказанные Тоорил-ханом..."; *boljal=un čimar edüi ügüledüju ...* [Ск.ск., § 108] "Так оговаривал нарушение срока..."; *Jamuq=a=dača edün irgen ireba* [Ск.ск., § 130]. "От Джамухи прибыло столько народа"; *irgen=ü töb uγayur anu edüi kü buyu* [НС, 38 а] "Таков главный обычай людей"; *Yisügei tedüi ger=tür=iyen a/b/čiraba* [Ск.ск., § 56] "Так Есүгэй привел [ее] к себе в дом"; *tede čeri'üt tedüi qataraba* [Ск.ск., § 101] "Те солдаты так бежали".

Местоимение *mön/mün* "этот, тот (самый)" повидимому, только в XIII-XIV вв. имело форму множ.ч. - *müt*: ср. примеры *Bodončar mün aju'u* [Ск.ск., § 32] "[Это] был тот самый Бодончар"; *Bodončar yabuju basa mün gü üge ügülebe* [Ск.ск., § 34] "Бодончар подъехал и сказал те самые слова"; *mün mün mör=iyer qarin bedereju ...* [Ск.ск., § 82] "Вернувшись искали по тем же самым следам..."; *mön Indu...* [Сл. 1362, с. 65] "Тот самый Инду..."; *mön Ataiбуq=a* [Сл., 1362, с. 64] "Тот самый Атайбуха"; *müt anu de'ere jada bolju...* [Ск.ск., § 143] "На них тех самых пустили стрелы"; *müt Buyuruq qan Quduqa qoyar jada medekün aju'ui* [Ск.ск., § 143] "Те самые Буирух-хан и Худуха знали о ненастье"; *daruča müt čeri'üt...* *qurču ire'e/t/* [Ск.ск., § 101] "Их настигли те солдаты"; *müt Sirgü'etü ebügen Alaq Naya'a kö'ü=lü=e ben ire'esü ...* [Ск.ск., § 149] "Когда подъехали эти самые Ширгэту-овгон со своим сыном Алаг Наяя...".

Вопросительные местоимения. К ним относятся: *ken* - мн.ч.: *ked ~ ket* "кто?", *yaγu(n)* - мн.ч. *yaγut* "что?", *yambar* "какой?", *ali* "какой?", "который из них?", *kedüi / kedün / kedüle* "сколько?", *ker / kerün* "как?", например: *...irgen=ü Joriγ dayan čidayči ken]=e aqu* [НС, 27 а] "Кто сможет следовать стремлениям народа?"; *dergede ken bui ke'eju* [Ск.ск., § 68] "Кто находится рядом?"; *ke/t/ bui ke'en asaqu'asu...* [Ск.ск., § 142] "Когда спросили: «Кто такие?»"; *ket bui ke'en...* [Ск.ск., § 170] "Спросили: «Кто такие?»"; *taqimdaqu bolqui=ača deger=e basa yaγun]=e aqu* [НС, 18 а] "Что может быть выше почитания?"; *ene yaγun üge bolumu* [НС, 29 а] "Что это за слова?"; *ede ya'ut haran...*

ke'en [Ск.ск., § 195] "Что это за люди?"; edü'e yambar ele setkil setkil [Ск.ск., § 126] "Сейчас какие думы думаете...?"; yambar eye eyetüldü [Ск.ск., § 154] "Какие дела обсуждали?"; aqta kedüi bö'esü... [Ск.ск., § 224] "Сколько коней...?"; tusa iheyel činu kedün ber aju'u=je [Ск.ск., § 204] "Сколько же было твоей пользы и милости?".

В древних текстах широко использовалось вопросительное слово ker / kerkin "как?", "каким образом?", "почему?": Jürkin=ne ker ey kiken büle'e [Ск.ск., § 136] "Почему джуркины так поступают?"; taq čü'ut aqa de'ü=yu'e'en qašü'u ker aburaqun [Ск.ск., § 76] "Как мы отомстили тайчиудам?"; kerkin sayumui čü [ТД 36, F 24 v] "Как ты будешь жить?"; ükidel=ün dumda... bayasqulang kerkin törümü kemen... [ТД 31, F 17] "Как может возникнуть радость среди мертвых?".

Вопросительные местоимения с усилительными частицами ba в отрицательных предложениях выступают в качестве неопределенных ali be jobalangud=i ese üjebel [Cl., 1362, с.65] "Не видели никаких страданий"; ket ber de'ü ner kö'üt ta ber Bo'orči Muqali=tan ey ese duratqaba [Ск.ск., § 254] "Вы, младшие сыновья Боорчи и Мухали, никто не вспомнил эти [слова]"; ken ber mayüi ese kemegtebei [Cl., 1362, с. 68] "Никто не говорил о них плохое"; taqimdayu törü=yi buru siyabasu ečige eke=yügen yaqun=a ba ese toyaqsan=dur adali... [HC, 13 a] "Если [кто] осуждает законы почитания, то это подобно тому, что [они] не считаются ни с чем со своими родителями".

Обобщительные местоимения. К ним относятся местоимения:

1) указывающие на совокупность предметов или лиц: бүгүдө бүгүдөгер "все", "все полностью": бүгүдө меркид=i... [Ск.ск., § 10] "всех меркидов..."; бүгүдө setkil=iyeu amuqu büle'e bi ke'eba [Ск.ск., § 209] "Я сказал: «Вся душа моя отдыхала»"; бүкү жүг=eče irege бүгүдүгер alayaban qamtudqaju... [ТД 43, F 32 v] "Все те, кто пришел с разных сторон, скрестили свои руки..."; өдм "все": sayin=dur ülü Jol čöm ada=tu tülige=tü üile egüsgegčid... [HC, 20 a] "Все те, кто, стремясь к доброму, затевает злые, разрушительные дела..."; qam "все, весь": qamuy amitan=u dotug=a... [HC, 16 б] "Среди всех живых существ..."; qamuy qari ulus... [HC, 14 a] "Все чужие народы..."; qam merkid=i... [Ск.ск., § 104] "Всех меркидов...";

2) указывающие на то, что предмет взят из ряда однородных подобных ему: бүкү / бүкүн "каждый", "всякий", "все": bi ede bükü kö'üd=ün aqaqan boluqsan bolju... [Ск.ск., § 275] "Я был старшим каждого из этих сыновей..."; бүкү жүг=eče... [ТД 43, F 32 v] "С каждого из сторон..."; бүри/бүрүн "каждый": ödür бүри üjeldüjü... [HC, 26] "Встречаясь [друг с другом] каждый день..."; manayag бүри maluysu üdür бүри öčisügei [Ск.ск., § 103] "Каждое утро будем угощать, каждый день будем поклоняться".

Возвратные местоимения. Как писал В.Л.Котвич, "Из трудного положения, создавшегося в связи с отсутствием возвратных местоимений, монголы вышли, использовав особую частицу ban/ben, yan / yeu, iyan / iyeu, а иногда yau / gen (=an, =en), которая присоединяется к концу слова" [Котвич, 1962, с. 160]. Происхождение ее связано со словом beye "тело", "человек", "сам". Действительно слово beye в монгольских языках с давних времен используется в качестве возвратного местоимения со значением "сам", например: Hö'elün-üjin... beye=ber (орудн.п. от beye) morilaju... [Ск.ск., § 73] "Оэлун-уджин отравила сама (досл.: своим телом)"; basa Činggis qahan ügülerün bidan=ü beye čerik ese qaru'asu kebt'eül bidan=ača anggida bu qartuqai ke'eba [Ск.ск., § 233] "Чингис-хан сказал: «Если мы сами (наши тела) не выступим войском, то кетбулы без нас не должны выступать»".

Наряду с возвратно-притяжательными частицами (см. в разделе "Частицы") и словом beye имеется и возвратное местоимение öber= / ö'er=, öbesün / ö'e'sün < öber / ö'er +=sün со значением "сам", которое может употребляться в падежных формах, а также с безличным притяжением: öber=ün köbegün [Cl., 1362, с. 65] "своих сыновей"; öber=eče doradus üčüged=i buu basumjilan öber=ečegegen erdem=tü sayid=luu=a aq=a degü barildu [Cl., 1362, с. 65] "Не пренебрегай теми, кто ниже тебя, становись братьями с теми, кто более талантлив и лучше по сравнению с тобой (с собой)"; ...öber=iyeu uyjad arčhad... [Cl., 1335, с. 72] "...сам мыл и чистил"; öbesüben bütügeyü... öbesüben töbsigeridüyü [HC, 11 б] "Сами создаются..., сами разрушаются"; ödür ödür=eče öbesün nemegdeyü [HC, 18 a] "Изо дня в день сами увеличиваются"; öber=eče yekes=tür ba öčüked=tür... [HC, 32 a] "...тем, кто старше и моложе, чем сами (по сравнению с собой)"; ene üge=tür ö'erün beyeben čü čaqlaba [Ск.ск., § 203] "Сам лично будешь постигать и исполнять эти слова"; ö'esüt qar köl güge'estü... [Ск.ск., § 128] "Если своими руками и ногами прикаснешься..." (ö'esüt - форма множ.ч. от ö'esün).

Выделительные местоимения. Эти местоимения указывают на предмет или лицо, отличающееся от других. К ним относятся: busu / busud "другой, другие"; busud irgen (УМУДБ, с. 49) "другие люди"; ... busu күтүн=i könggeleküben emigegdekü [HC, 3 б] "...и другого человека будет почитать"; busud=i tan=u kere[k] ügei ke'en... [Ск.ск., § 79] "Других твоих [братьев] не надо"; ö'ere "другой, иной"; ö'ere ni'ur ese jübčiksen [Ск.ск., § 210] "Иного характера...(лица) не выявлял"; ö'ere čerik bu yabutuqai [Ск.ск., § 233] "[Кроме нас] другое войско пусть не выступает"; nögege / nögüge, nökö'e "другой, иной"; nögüge inu qan күтүн=e čing ünep=iyer küčü ögkü [HC, 2 б] "Другой [вещью] является чистосердечное служение хану"; Jürčidai=yin nökö'e tusa inu ene bui=je [Ск.ск., § 208] "Это другая польза от Джурчидая"; Jarim "некоторые".

jarim kebte'ül čerik [Ск.ск., § 278] "Некоторые кебтеулы (стража, педерия)". Контекстуально jarim может обозначать "половина": jarim be-yajar [ТД 25, F 7v] "Расстояние в полмили"; hon=u jarim amaraibai [Ск.ск., § 118] "Половину года жили (отдыхали) вместе".

Притяжательные местоимения. К этому разряду относятся местоимения, образованные от формы родительного падежа указательных и вопросительных местоимений посредством суффиксов =kei (в "Ск.ск.": =ai/=ei) и указывающие на принадлежность кому-либо, например: kenükei "чей?", "кого?" при ken "кто?", уауүчү "чей?" при уауүчү "что?", tegünükei "его" при tegün=ü "его", ману "наш" при ману "наш": tede irgen Bodančar=i ken=ü=kei ba ya'un be ke'en asaqqu ügei [Ск.ск., § 29] "Те люди не спрашивали Бодончар чей он и кого [сын]"; te'ün=ü'ei bui=je [Ск.ск., § 44] "Вероятно, [сын]"; ede qurban kö'üt te'ün=ü'ei bui=je ke'en... [Ск.ск., § 18] "Эти твои сыновей, должно быть, его"; Juldu ман=u'ai bui=je [Ск.ск., § 214] "ведь заслуга наших (нашенская)".

Числительные

Числительные в древних текстах представлены следующими разрядами:

количественные первого десятка:

1 - niken ~ nigen	6 - jirqo'an ~ jirwa'an ~ jiryuyan
2 - qoyar, jirin	7 - dolo'an ~ doluyan
3 - qurban, yurban	8 - naiman
4 - dörben	9 - yisün
5 - tabun	10 - harban ~ arban

Среди них обращает на себя внимание чередование гласных звонких заднеязычных в числительных: niken [Ск.ск., § 5 и др.] и nigen [Cl., 1362, с. 67]; qurban [Ск.ск., §§ 5, 17 и мн. др.] и yurban [НС, 7 а; 10 б и др.], а также присутствие форм с неполным стяжением в числительных: jirqo'an [Ск.ск., 133 и др.], jirwa'an [Ск.ск., 175, 191 и др.] jiryuyan [Cl., 1362, с. 66], а также форм harban [Ск.ск., §§ 53, 58 и др.] и arban [НС, 23 а; 24 а и др.; Cl., 1362, с. 65, 66]. Начальный h был обычным в памятниках XIII в.

Кроме того в тексте "Сокровенного сказания" употреблялось хаичное числительное jirin "два", относившееся при этом к имени женского пола: jirin ökid=iyeen [§ 208] "две свои дочери"; Örbеi Sohtai jirin qatud... [Ск.ск., § 71] "две ханши Орбэй и Сохатай (дочери Орбэй и Сохатай две ханши)". (Из семнадцати случаев употребления jirin в этом тексте только в одном случае оно не относилось к женскому полу: ede jirin kesit'üt [§ 278] "эти две смены").

Корнем числительного jirin является ji=, который встречается в ряде слов, в том числе и в таком, как jici со значением "другой", "сноска", "особый", "кроме того". Следовательно, jici принадлежало к особому роду терминов со значением "второй раз" [Котвич, 1962, с. 138-139]. Что касается jirin, то его основу можно сопоставить с таким словом, как jirmüsün "беременная" < jirin (досл.: двойной) + müsün со значением краткости, ср. nigemüsün "в один раз, в один прием, сразу".

Корень ji= употреблялся и в терминах родства: jici "правнук". Кроме того в "Сокровенном сказании" есть предложение: jici quči ügüle... [§ 167] "сказав два-три раза...", где от этого корня образованы числительные посредством суффикса =ci (Об этом см. также Котвич, 1962, с. 139).

Как известно, в монгольских языках роль соединительного союза "и" выполняло и выполняет числительное qoyar "два". В аналогичной функции употреблялось и jirin: Yisüi qadun Yisügen qadun jirin=i dumda sa'uju... [Ск.ск., § 156] "он сидел между Исуй-хатун и Исуген-хатун".

Десятки представлены следующими словами: harban / arban "десять", qorin "двадцать", qučin / yučin "тридцать", döčün "сорок", tabin "пятьдесят", jigan "шестьдесят", dalan "семьдесят", nayan "восемьдесят", yegen "девяносто"; сотни обозначены как: ja'un, jawun, jayun "сто"; тысячи: minqan, mingyan, mingan; десять тысяч - tümen.

Количественные числительные свыше десятков и сотен - сложные. Они образуются сочетанием соответствующих названий десятков или сотен с необходимой единицей: harban nigen / arban nigen "одинадцать"; qorin qoyar "двадцать два" и т.д.

Порядковые числительные, в отличие от классического и современного языка, где они образуются посредством присоединения к соответствующим основам суффикса =duyar / =düger, в древних текстах представлены разными формами. Так, от числительного qurban / yurban "три" кроме его порядковой формы yurbaduyar употреблялись и формы: qutu'ar ~ quta'ar, yutuyar, yuduyar, yudayar. От dörben "четыре" были формы: dörbedüger, dötü'er, dötüger. От tabun "пять" кроме tabduyar употреблялись: tabtuyar, tabtu'ar. От jiryuyan "шесть" - jiryuduyar, jiryuyaduyar, jirqoduar. От doluyan "семь" - doluduyar, dolo'du'ar. Для остальных числительных использовались обще-

известные формы: *naimaduγar* "восьмой", *yesüdüger* "девятый", *arba duγar* "десятый".

Собирательные числительные образовывались от единиц того десятилетия посредством суффикса =*ula* /=*γula* /=*güle*.

В доклассических текстах отмечены следующие формы: *qoyu'ula* [Ск.ск., § 244] "вдвоем"; *qurba'ula* [Ск.ск., § 54] "втроем"; *dörbe'üle* [Ск.ск., § 23] "вчетвером"; *tabu'ula* [Ск.ск., § 19] "впятером". В классическом языке, кроме перечисленных выше форм, зафиксирована еще *yisügüle* [АТ Ф, 4660] "вдевятием".

Разделительные числительные. Суффиксом для этого разряда числительных служил =*at* /=*γad* /=*ged*: *qori'at* ~ *qoriγad* "по двадцати"; *arbayad* "по десять"; от *nigen* "один" порядковой формой в тексте "Кровенного сказания" была *niji'el*: *niji'el müsüt* [Ск.ск., § 19] "по одному пруту". Ср. в класс. монг. *nij'eged* [АТ Ф, 166] "по одному".

Числительные множительные, или кратные, отвечают на вопрос "сколько раз?". Образуются они посредством суффикса =*ta* /=*te*: *nikete* [МА, с.253], *niken=te* [Ск.ск., § 56] "один раз, однократно"; *niken=te aru de'ere=yen o'orču niken=te ebüren de'ere o'orču nikete uruqsida niken=te qoyinaqsida ker ele kijü odumui ke'et...* [Ск.ск., § 56] "Один раз косы за спину, один раз на грудь, один раз наперед, один раз назад перекидывая, сказала: «Как же я отправлюсь?»"; *qurban=ta* "три раза, трижды": *qurban=ta amuju üju qahan ügülerün* [Ск.ск., § 54] "Трижды отдыхая, отпив, хан сказал..."; *harban qurban=ta qurquq[da]ju...* [Ск.ск., § 58] "Сражались тринадцать раз"; *yisün=te* "девятью, девять раз": *naran [jük] yisün=te sögöt[jü]...* [Ск.ск., § 103] "В девятью (девять раз) поклонился в сторону солнца".

Впрочем этот разряд числительных правомерно рассматривать и как наречия, соотносительные с числительными, например, *nikete* имеет значение не только "один раз", "однократно", но и "уже", "уже однажды", "впервые": *Yisügei ba'atur anda minu baraqsan ulus niken=te abaraju ökba* [Ск.ск., § 164] "Мой побратим Есугей-багатур уже однажды вернул мое утраченное государство"; *niken=te ger=te qarču...* [Ск.ск., § 277] "Впервые выйдя из дома..."; ср.: *olan=ta* "однократно", *ö'ö'en=te* "немного": *Dai Sečen ügülerün olan=ta wü quyu'ulju ökbesü de'ejilekdegü ö'ö'en=te wü quyu'ulju ökbesü doromjilacqai* [Ск.ск., § 66] "Дай Сэчэн сказал: «Когда многократно просят [до] бываешь уважаем, когда малократно просят отдать, бываешь унижен»".

Дробь. Дробные числа выражаются особыми сочетаниями. Приводим их так, как они даны Н.Поппе в [МА]. В других источниках дробные числа не встречались: *dolān qubi'āsa niken=te* [МА, с. 142] "одна седьмая" (досл.: "от семи частей одна часть").

dörben qubi'āsa niken qubi [МА, с. 144] "одна четверть"; *γurban qubi'āsa niken qubi* [МА, с. 180] "одна треть".

Глагольные формы

Глагольные формы представлены: 1) финитными формами (повелительно-желательными и изъявительными), 2) причастными, выполняющими кроме роли сказуемого и другие функции в предложении, 3) деепричастными, которые кроме роли срединных сказуемых участвуют также в выражении видо-временных и модальных значений, а также в создании различных аналитических глагольных форм.

Финитные глагольные формы

Повелительно-желательные формы в отличие от изъявительных, в которых представлены все временные рамки, обозначают действие, реализуемое либо в момент речи: *yagiy=a=ban ürgüljilegül* "продолжай свой рассказ", либо то, которое должно начаться после момента речи: *aq=a degü barildu* "станьте побратимами". Все эти формы предусматривают разные способы в достижении цели. Они выражают более или менее категорическое приказание, просьбу, пожелание, обращение к какому-либо лицу, а также намерение самого лица (лиц) совершить действие. Повелительно-желательные формы являются финитными глагольными формами и синтаксически функционируют как сказуемые законченного предложения. Общим для них является то, что они имеют одну и ту же препозиционную запретительную частицу, которая ставится перед соответствующей формой, когда надо выразить запрещение. В древних, доклассических, текстах такой частицей служила *bu(u)* "не".

Большинство повелительно-желательных форм соотносится с определенным лицом.

Повелительная форма 2-го лица ед. и мн.ч. всегда совпадает с основой слова и обозначает категорическое и настойчивое приказание (пожелание) совершить действие. Вопреки существующему мнению, что это форма 2-го л. ед.ч. [Бобровников, 1849, с. 130; Street, 1957, с. 15] она относится как к ед., так и к мн.ч. 2-го л.: *ger=e minu ü bol* [ТД 64, F 60 r] "Ты стань моим свидетелем"; *ta köbegüked... aqa degü barildu* [Cl., 1362, с. 65] "Вы, сыночки, станьте побратимами"; *...sayurin=dayan sayu* [НС, 2 а] "Сядь на свое место".

Негативная форма с отрицательной частицей *bu(u) / bü(ü)* "не"
bodisdv ögüler=ün: teyin buu sedki Çanaka [ТД 36, F 24 v] "Ботхисаде
 сказал: «Не думай так, Чанака»"; *quda kö'ü minü noqai=yacı bu soñu*
ke'et... [Ск.ск., § 66] "Сват, не заставляй сына моего бояться собак".

Пропозитивная форма 1-го л. (форма на *=su / =sü*) обозначает
 намерение, желание, готовность совершить действие. Употребляе-
 лась, как правило, с 1-м л. ед.ч., редко с мн.ч.: *bi [çima=dur] ögüle*
ögsü [НС, 2 а] "Я скажу тебе"; *...nasuda deger=e üjügülsü kemebesü*
 [Cl., 1338, с. 53] "Когда всегда говорил: «Представлю [ero] Импера-
 тору...»"; *tngri minü sonosun soyuqabasus: tere siltayan=i boyol öcöc*
 [ТД 38, F 27 v] "Если [вы], божество мое, соизволите выслушать, [я]
 раб расскажу о тех обстоятельствах"; *Altan, Qučar, Sača beki бүрүн*
Temüjin=e ögüler=ün sayin aqta qatarı'ulju a/b/çirañu ö/k/sü ba [Ск.ск.
 § 123] "Алтан, Хучар, Сача-бэхи и другие сказали Тэмуджину: «Мы
 пригоним и отдадим тебе прекрасных коней»"; *oro'a qörö'esün aba*
la'asu uturañu öksü ba [Ск.ск., § 123] "Когда мы будем охотиться на
 неуловимых антилоп, мы выгоним их [для тебя]".

В древних текстах наряду с формой *=su / =sü* употреблялась
 том же значении форма на *=suñai / =süñei*.⁶

Как и предыдущая, она передавала намерение 1-го л.ед.ч. или
 совершить какое-л. действие. Мы считаем, что это не особая же-
 лательная форма [Санжеев, 1963, с.108], а скорее всего исходная,
 которой элемент *=ñai* был факультативным, где *=ñ* служит инте-
 вокальным согласным, а *=ai* выполнял функцию эмфатического эле-
 мента. Примеры: *bi urida mör jasan yabusuñai* [ТД 31, F 15 v] "Я поеду
 вперед и приготовлю путь"; *bi qayaly=a negesüñei* [ТД 31, F 16 r] "Я
 открою ворота"; *Önggür Söyiketü-čerbi Qada'an-Daldurqan qurban ögüle*
nün manayag=un undān bü megüde'ülsüñei üde=yin umdān bü osoldasun
 [Ск.ск., § 124] "Трое: Онгур, Суйкэту-чэрби и Хадаан-Далдурхан сказа-
 ли: «Утреннее питье (яства) [мы] не испортим, вечерним питьем (яс-
 вами) не пренебрежем»".

Об идентичности значений форм на *=su* и *=suñai* свиде-
 ствуют одни и те же примеры, но из разных текстов: ср.: *qadaçayag=*
ulus=i çinu qamtutqaju öksü [Ск.ск., § 96] "Раздробленное государство
 твое [я] объединю" и это же предложение в том же параграфе в те-
 сте "Алтан тобчи": *qayaçaysan ulus=i çinu qamtudqaju ögsüñei* [АТ
 722] "Раздробленное государство твое [я] объединю". Но и там же
qayaçaysan ulus=i çinu qamtudqaju ögsü [АТ Ф, 798] "id".

⁶ Монгольский ученый Х.Лубсанбалдан считал, что *=su / =sü* - форма бо-
 лее древняя, которой в современном письменном языке соответствует форма
=suñai / süñei [Х.Лубсанбалдан, 1961, с. 33].

Повелительно-пригласительная форма 1-го л. обоих чисел
 (форма на *=y=a / =y=e*) обозначает намерение, желание говоряще-
 го совершить действие самому, а также обращение ко второму лицу
 совершить действие, в котором принимает участие и тот, от кого
 исходит обращение: *...jergeber ögüle=y=e* [Cl., 1362, с. 62] "...расскажу
 по порядку"; *Dimisiy baquy=a kemebei* [УМУДБ, с. 38] "Сказал:
 «Остановимся-ка в Дамаске»"; *edüge slüg=iyer maytan ayalyulay=a*
 [Cl., 1335, с. 77] "Сейчас восславлю стихами"; *tegüber qoyayula bolju*
eden=i uduriduy=a [ТД 42, F 32 r] "В таком случае давайте
 объединимся и поведем их"; *çimaluy=a qamtudçu jiyay=a kemen irebei*
bida [ТД 64, F 61 r] "Мы пришли, чтобы объединившись с тобой, пора-
 доваться". Ср. в "Сокровенном сказании": *pegü=y=a ke'eñu tendeče*
newübei [§ 195] "[Чингис-хан] сказал: «Откочуем-ка», - и они откоче-
 вали".

Повелительная форма 3-го л. (форма на *=tugai / =tuyai / =tügei*).
 Эта форма обозначает приказание, вежливую просьбу или разреше-
 ние совершить действие. В древних текстах она относилась не
 только к 3-му лицу (как это чаще всего описывается в грамматиках),
 но нередко и ко 2-му л. ед. и мн.ч. Ср. примеры: *jrly il bulqa irgen=tür*
kürbesü busiretügüi' ayutuqai [УМУДБ, с. 16] "Когда указ достигнет
 чужих народов, пусть убоятся", и *Çanak=a edüge çu çay bolju amui:*
moñin=i abçu ireñu ögtügei [ТД 34, F 21 v] "О, Чанака, уже наступает
 время, иди и приведи коня"; *tngri minü a buu yasultuyai* [ТД 30, F 14 r]
 "О, божество мое, не печалься"; *ta Möngke qayan tümen tümen*
nasultuyai [УМУДБ, с. 21] "Вы, Мункэ-хаган, живите многие тысячи
 лет"; *...tegüber buu yasultuyai eke minü* [ТД 47, F 37 v] "...поэтому не
 печалься, матушка"; *Esenbuq=a=yi mongyolçilan orçiyuluyad biçigültügei*
 [Cl., 1362, с. 63] "Эсэнбуха пусть переведет на монгольский язык".

На тот факт, что эта форма и в классическом языке применя-
 лась в обращении ко 2-му лицу, причем не только для выражения
 просьбы или желания, но и категорического приказания, указывал и
 Г.Д.Санжеев [1963, с. 174].

Этой же формой выражается и пожелание к совершению дей-
 ствия безотносительно к какому-либо лицу. Обычно это касается из-
 даваемых указов и приказаний: *dotona bidan=u dergede yabuñu surul-*
tu *basu ke'eñu bidan=tur irekün haran=i bu itqatuqai* [Ск.ск., § 224] "Апа-
 хивать"; *bidan=u dergede yabuqun metüs=i oro'ultuqai* [Ск.ск., § 224]
 "Впускать всех, кто хочет быть при нас".

⁷ *busiretügüi* см. *büsiiretügüi* [см. УМУДБ, с.18].

Повелительная форма 2-го л. мн.ч. (форма на =dqun / =dqun обозначает требование или призыв совершить действие. В документах текстов это требование носило более категоричный характер по сравнению с классическими, где оно имеет различную степень категоричности - от требования безоговорочно совершить действие до более вежливой просьбы [Санжеев, 1963, с. 173; Орловская, 1963, с. 78]. Ср. примеры: ...qarǰu buu iredkün [ТД 38, F 26 v] "не возражайтесь"; maγui üile buu böged üiledüdkün [С1., 1362, с. 65] "Не сожгите плохих дел" и : γaγca Belgütei=yi minu büü tebčidkün [АТ 546] "Только Бэлгутэй'я моего не лишайте [пожалуйста] жизни".

Но в древних текстах эта форма выражала в основном категоричность приказаний: ta ber... čerigüd=iyeñ jasadqun [УМУДБ, с. 5] "Выстройте свои войска!"; uridus=un sayin ner=e=yi buu γutuyaqdu [С1., 1362, с. 64] "Не обесчестите славные имена предков!"; ...küčü ögüsen=i ta köbegüd minu buu umartadqun [С1., 1335, с. 73] "Вы, сыновья мои, не забывайте, что [он] служил [мне]!"; üjemerčün otačün bügüder mangyal qayaly=a=ača maγad γarqu kemegsen yosuγar erin odudqun [ТД 38, F 26 v] "Отправляйтесь и ищите согласно сказанному приказаниям и наказаниями, что [принц] определенно вышел из ворот Благословения!"; ...ulaq=a umda sigüsü ene ülü megüdegülen ögüder [УМУДБ, с. 26] "...снабжайте полностью подводами, питьем и харчами".

Форма на =dqun примечательна тем, что в более поздних текстах наряду с ней стала употребляться и форма на =qtun / =ktün, возникшая впоследствии из первой.

О том, одна ли это или разные по происхождению формы, существуют разные суждения (подробнее об этом: Орловская, 1963, с. 78-80), но удовлетворительного объяснения о ее морфологической структуре пока нет. Нам ближе точка зрения М. Weiers'a [1963, с. 127], который считает, что здесь имеет место обычная метатеза =dqun > =qduñ > =qtun > =γtun, поэтому =dqun была полностью заменена ее вариантом.

Впервые =qtun / =kdün наряду с =tqun / =tkün зафиксированы в "Сокровенном сказании", причем в одном и том же абзаце и в одном и том же глаголе с одинаковым значением: ...öljeiten kehte'ül maγat ötögüs kehte'ül ke'ekdün Ögöle čerbi=lü'e oroqsat dalan turqaq=i yeke turqu'ut ke'ekdün Arqay=yin ba'atud=i ötögüs ba'atud ke'etkün Yisün=ten Bügide=ten qorčün=i yekes qorčün ke'etkün ke'en jarliq bolba [§ 230]: "...полагайтесь на мою добродетельную старую гвардию, полагайтесь на великих тархаудов, составляющих семьдесят надежных тархаудов верного Озлэн-черби, полагайтесь на старейших богатырей, отборных, достойных похвалы богатырей Архай [Хасара], полагайтесь на великих харчинов Есутэй'я и Бухэдэй'я, - таков приказ".

Любопытно, что сама эта форма, относящаяся ко 2-му л. мн.ч., в "Сокровенном сказании" встретилась употребленной во мн.ч.: ktüt: ...qoyar Jala'us bui ta üfeldüktüt mono qoyina bü te[b]čildü[k]tüt ke'ba [§ 93] "...вы молоды, отныне и впредь дружите и не оставляйте друг друга".

Форма опасения (форма на =γujai / =güjei / ='ujai / ='üjei). Эта форма относится к различным лицам ед. и мн. чисел и обозначает опасение или предостережение относительно совершения нежелательного действия: gemsiyer=ün boluyujai bidan=tur kemen ögüeldüjü bodisdu=i dayuldubai [ТД 44, F 34 v] "Как бы нам не раскаться [в этом], - так переговариваясь, они последовали за Бодхисатвой"; ...ükükreen amin ügei beye minu abču otču yeki'üjei [Ск.ск., § 149] "...Как бы не пришлось [вам] иметь дело с моим мертвым безжизненным телом"; minu tula aqa de'ü=tür mawuqalin boluča'ujai [Ск.ск., § 131] "Как бы братья не перессорились из-за меня".

Форма опасения отличается от всех других повелительно-желательных форм не только своим значением, но и тем, что перед первым отрицательной частицей служит bu/buu "не", а перед ней - ülü "не", частица, которая употребляется перед другими глагольными формами, кроме повелительно-желательных, в том числе и перед причастными.

Возможно, это объясняется тем, что форма на =γujai, во всяком случае ее первый элемент =γu, связан по своему происхождению с суффиксом причастия будущего времени на =qu / =kü.

Следует отметить, что частица отрицания при этой форме - явление крайне редкое в связи со значением самой формы, ибо в таких случаях получается двойное отрицание: ...olon adu'un anu joqsaγu ülü'ü qočoru'ujai, ordo ger inu e'üreγü ülü'ü qočoru'ujai, olon ulus anu ündür etöget=tür qoruga ülü-ü qarγu'ujai [Ск.ск., § 190] "...как бы не (не) остались позади многочисленные табуны, как бы не (не) остались не погруженными юрты, как бы не (не) разбежался в леса народ".

Изъявительные глагольные формы.

В монгольских языках существует несколько временных глагольных форм, образующих прошедшее и непрошедшее (настоящее и будущее) времена. Форм, обладающих общим значением непрошедшего времени, несколько и различаются они временными и модальными оттенками в своем значении и употреблении. При этом временная локализация действия, обозначенного той или иной формой, уточняется обычно в контексте и в значительной мере зависит

от наличия в предложении различных обстоятельств времени и дальних частиц.

Формы непрошедшего (настоящего-будущего) времени

Форма на =yu / =yü, отсутствующая в современном языке, часто употреблялась в доклассических и классических текстах. Ей присуще модальное значение достоверности, убежденности в совершении или в необходимости совершения обозначенного в глагольной форме действия, поэтому она, как правило, использовалась в различных родах изречений, поучениях, наставлениях, когда совершение того или иного действия не подлежало сомнению. В этом отношении особенно характерен текст Hsiao ching, являющийся каноном поведения человека, особенно в отношениях между детьми и родителями. Примечательно, что в этом тексте отсутствуют за редким исключением другие виды изъявительных форм (на =m / =mu / =mü), так как содержание текста требует именно формы на =yu, например: taqil taqibasü sür=tür anu kürteyü [HC, 15 a] "Если [кто] совершает жервоприношение [им], [тогда] доходит до их душ"; açitu eke çinu buyu [ТД 47, F 37 v] "Я ведь твоя благодетельная мать"; tegüber eçige=yü kündülebesü köbegün inu bayasuyu aq=a=yü inu kündülebesü degü bayasuyu [HC, 25 a] "Поэтому когда почитают отца, радуются его новья, когда почитают старших братьев, радуются младшие братья sayin pereben qoyidus=a aldarsiyuluyu [HC, 28 a] "свои добрые имена [они] прославят для потомков".

Действие, обозначенное этой формой, выражает так называемое расширенное настоящее, когда действие присуще лицу, предмету или явлению как таковому: ...teyimün arad... siliyu sayid=ta ülü degü jilegdeyü [HC, 20 a] "...такие люди ... не почитаются уважаемыми и достойными; поyitan tülegen=üge uçirabasu yal ber söneyü [ТД 62, F 51] "Даже огонь гаснет, когда встречается с сырыми дровами".

Как и другие формы präsens imperfecti форма на =yu обозначает и действие, относящееся к будущему времени: ...ene sbodisdv ger=teçe mayad yaruuyu [ТД 31, F 15 r] "...этой ночью Бодисатва определенно уйдет из дома"; qamuy qatud nököd çinu ber yaru pamayu ber ügei=e yaruuyu [ТД 33, F 20 v] "Все твои женщины и другие убьют одного меня"; tegün=i... qamuy jüg jobkis=aça ülü oldayu [ТД F 6 r] "Он не будет найден ни в каком из направлений".

В контексте действие, обозначенное этой формой, могло относиться и к прошедшему времени: ...Sengge ay=a=yün ökin buyu [ТД

1336, с. 54] "...она была дочерью Сэнгэ-ара"; ср. в АТ: erte tere çay=tur jambutiib=un kümün anu qubilju törüyü diyan=u idegen ideyü öber=ün bey=e=eçe gerel badarayu ridi qubilyan=iyaq oytaryui=bar yabuyu çaylasi ügei nasatu buyu [АТ Ф, 8] "В те далекие времена люди переродились, [они] питались пищей созерцания, излучали своими телами свет, благодаря чудесным превращениям ходили по небу, и годы их были бесконечны".

Вариантами формы =yu были формы:

1) =u: ...eden=i бүтүгөн çidabasu yabudal=iyan orusiyulqu=yün eçus inu ene bolu [HC, 3 a] "...если кто сможет эти [две вещи] осуществить, это и будет концом завершения их деяний"; ...qurban buqa jitgü'üljü ayisu=je [Ск.ск., § 195] "...заставил ведь тащить трех быков";

2) =yi: amin ele çinu bü'esü oki qatu oluyi=je çï [Ск.ск., § 55] "Если останешься жив, жену ты наверняка найдешь"; köbegün=ü minu amin=i öggüçei: ken ba ende buyiyu ele kemen [ТД 46, F 37 r] "Кто есть здесь [такой], кто может гарантировать жизнь моему сыну?" (buyiyu < buyi + вопросительная частица yu); edö'e basa dayisun=tur şigan dayisun müti gü boluyi [Ск.ск., § 136] "Сейчас снова возле врагов появился враг";

3) =ai: ...ede ya'ut haran teyin hüldeçü ayisai [Ск.ск., § 195] "...что это за люди так гонятся?";

4) =i: yasalju uyilayad üdegtei]=e [HC, 37 a] "...это ведь сопровождается скорбью и плачем" (üdegtei < üdegdei < üdegde=-passiv от üde= "проводить" + =i); ger=tür=iyeen qariju ayisi ke'ebi [Ск.ск., § 100] "Я возвращаюсь к себе домой, - сказала [она]"; üjemerçin=iyer kegür=ün ya'jar sayin=i songyuju orosiyuldai]=e [HC, 37 a] "Посредством провидцев (прорицателей) выбирается хорошее место для могилы и захоранивается" (orosiyuldai < orosiyulda= < -passiv на =da от orosiyul= "размещать; хоронить").

Как видим, все четыре разновидности Präsens Futurum на =yu / =u / =yi / =i употребляются в качестве финитных предикативных форм в одних и тех же значениях. Что касается форманта =yu, то он, как можно заметить, проявляется в интервокальном положении, из чего можно сделать вывод, что это знак хиагуса между двумя гласными, глагольными суффиксами были =u и =i [Weiers, 1967, с.139]. А когда они следовали за гласными, появлялся интервокальный =yu. Ср. примеры: ayis=i и ayis=u, но ide=yü, olu=yü, boha=yü (Об этом см. также Орловская, 1984, с. 83-87).

Форма на =m. Эта древняя форма в текстах XIII-XIV вв. обозначала действие, относящееся, в зависимости от контекста, к настоящему или будущему времени. Это могло быть и действие, совершающееся обычно, постоянно, регулярно, а также и соотносимое с моментом речи, например: tere ber ülü üjegdem [ТД 40, F 29 v] "Они

[сейчас] не видимы"; kiliigsen=iyer modun qayaram kemen [ТД 61, F 57 г] "деревья расщепляются в результате [от] взгляда на них"; çögeken idegen idegsen=iyer qutuγ=i olum [ТД 47, F 38 г] "Они достигают святости тем, что мало едят".

Отметим, что в древних текстах форма на =m (в отличие от =tu и =tü) употреблялась сравнительно редко, поэтому выявлены отличия в оттенках значения по сравнению с двумя другими вариантами.

Форма на =m впоследствии исчезла из письменного монгольского языка, сохранившись в первоначальном "чистом" виде лишь в баоанском и монгорском языках, где она стала употребляться как показатель будущего времени [Тодаева, 1964, с. 84].

Вероятно, в исконном значении этой формы присутствовала определенная модальность, в связи с чем мы не обнаружили примеров на употребление ее с модальной частицей]=e, тогда как две другие с ней употреблялись.

Форма на =tu / =tü обозначала действия, совершающиеся обычно, постоянно, часто, повседневно, а также в данный момент времени: tngri=yin mör kemebesü ümer=eçe egüsüged tümen jüil ed=i törgöi manduyulumu [Cl., 1346, с. 70] "Что касается небесного пути, то пошедший с севера, он порождает и развивает десятки тысяч существ"; edügeki mongyol irgen biçig erdem es=e ber surbasu... erteg seced sayid/un/ üile=dür toqiyaldun neyilemü [Cl., 1338, с. 54] "Хотя терпеливый монгольский народ и не изучает [китайскую] классику [майя]... он поступает в соответствии с деяниями мудрецов древности"; edü burü man=tur irejü esükäilejü odumu [Ск.ск., § 31] "Каждый день приходит к нам, пьет кумыс и уходит"; Jamuqa nököt=te'en ügüleken=ü kö'üt ene üdür uqulja alaju eyin idemü ke'e'jü'ü [Ск.ск., § 20] "Джамуха сказал своим друзьям: «Чьи это юноши, убив горного барана, так [сейчас] едят мясо?»".

Эта форма обозначала также действие настоящего времени, относящееся к моменту речи в прошлом. Это так называемое "историческое настоящее". Такое значение особенно характерно для диалогов и прямой речи: Temüjin Hö'elün eke=de Jamuqa anda ügüleken a'ula=tur siqan bawuya... ke'en ügülemü [Ск.ск., § 118] "Тэмуджин сказал матушке Оэлун: «Побратим Джамуха и говорит: "Давайте оставимся у горы»"; Çinggis qahan üjejü ügülerün ele ya'un bolumu [Ск.ск., § 145] "Чингис-хан, увидев, спросил: «Что случилось?»"; qar=tur mör ta'uba çaqan bawuba ele sayi üje'ülümü [Ск.ск., § 63] "[Во сне] сон опустился на мою руку, что бы это обозначало (обозначает)?".

Форма на =tu употреблялась и для передачи будущего времени: eyimü söni edüge qamıya odumu [ТД 33, F 19 г] "Куда вы сейчас

пойдете в такую ночь?". Модальная частица]=e добавляла значению действия оттенок вероятности или доли определенности. В зависимости от контекста действие могло относиться как к настоящему, так и к будущему времени: Diwubala ong imayı yeke üi/le Qadaγan çidamu]=e kemen... [Cl., 1338, с. 53] "Дивубала онг сказал: «Он наверняка (определенно) сможет выполнить великие дела»"; hoı=yin irgen=ü yabudal Quduqa medemü]=e [Ск.ск., § 241] "Худага ведь знает поведение лесных народов".

Форма на =tü / =tüi - третья форма настоящего-будущего времени, употреблявшаяся в текстах XIII-XIV вв. По своему значению и употреблению она соответствует форме на =tu / =tü (возможно, представляя собой ее фонетический вариант) и обозначала как и предыдущая, действие в настоящем и будущем.

Действие настоящего времени относилось как к данному моменту, так и к повседневным событиям и состояниям: Köbegün=iyeen tulada γasalamui bi [ТД 47, F 37 v] "Я горюю о своем любимом сыне"; edüge amitan=i getülgeki =yin tulada ükülügei rasiyan=i erin odumu [ТД 33, F 19 г] "Сейчас, чтобы спасти живые существа, [я] иду искать бессмертную rasiyan'yu"; edöe noqan=u dawun idüreküi quçal quçamui [Ск.ск., § 189] "Сейчас собаки тревожно лают"; silta'an ügei amin=tur qor k'iesü ülü joqimui [Ск.ск., § 201] "не годится лишать жизни без причины".

Значение будущего времени выявляется из контекста: paiman=i Tayang qan çinu abura iremüi [Ск.ск., § 190] "Найманский Таян-хан придет, чтобы захватить тебя"; ...ende nökög ügei qarın=u γayçaγar kerkin sayımı çü [ТД 36, F 24 v] "...как ты будешь жить здесь в уединенном месте без друзей?"

После формы на =tüi нередко употреблялась частица]=a /]=e, придающая высказыванию оттенок несомненности выполнения обозначенного действия или в целях особой экспрессии и выразительности: ünep bolumu]=a kemen sedkimü bi [ТД 41, F 30 г] "Я думаю, что это ведь несомненно правда"; mon=a mon=a qoyına sayın per=e tapı eγürde aidarsıγdamui]=e [Cl., 1362, с. 65] "Ваше славное имя обязательно прославится в настоящем и будущем"; yambar bida qoyar=ün tıyulıγan tere mög=i busud=tur tıyulıγa]u bolumu]=a [ТД 42, F 31 v] "Тот путь, который мы преодолели вдвоем, можем ведь передать и другим".

Форма на =nam / =nem в наших текстах не выявлена. Но она зафиксирована в небольшом количестве в словаре "Мукаддимат ал Адаб", отражающем монгольскую речь XIII-XIV вв.: jayınam [с. 200] "плотает"; mülanam [с. 243] "хулит"; üiledünem [с. 376] "делает".

Более известна эта форма в классическом и современном языке [Орловская, 1984, с. 92-93].

Что касается формы на =pai, то она зафиксирована нами в единственном случае, где ее значение соответствует значению других форм настоящего-будущего времени: qabur namur taqir=ul taqir=ur duradunai]=e [НС, 37 б] "Хотя жертвоприношения бывают весной и осенью, об умерших же вспоминают во все времена".

Форма на =t. Об этой форме уже неоднократно упоминалось в литературе. С.А.Козин определял ее как форму будущего времени изъявительного наклонения, возможно, с некоторым оттенком сомнения, так как чаще всего она употреблялась с частицей сомнения]=a, хотя нам представляется, что употребление с данной формой этой частицы свидетельствует как раз об обратном, а именно, что сама форма модального оттенка не содержала. Она употреблялась только в ранних памятниках и полностью исчезла, повидимому, к XVII в., так как уже практически не употреблялась в тексте летописи XVII в. "Алтан тобчи" Лувсанданзана, о чем свидетельствуют параллельные с "Сокровенным сказанием" места хроники, в которых использованная в "Сокровенном сказании" форма на =t, заменялась другими изъявительными и причастными формами [Орловская, 1984, с. 99].

Факт быстрого исчезновения этой формы из монгольского языка дал основание В.Л.Котвичу присоединиться к ранее высказанному С.А.Козиным мнению [Козин, 1939, с. 28-33], что она была заимствована из тюркских языков [Котвич, 1962, с. 272-276].

Существует и иная гипотеза. N.Poppe [1955, с. 262-263] и вслед за ним M.Weiers [1969, с. 137] рассматривают форму на =t как множественную от отглагольной формы на =n. Но форма на =n - это деепричастная форма, а деепричастия, как известно, по числам не изменялись, поэтому более вероятным представляется заимствованный характер этой формы.

Некоторое количество примеров на употребление формы на =pai зафиксировано в тексте "Сокровенного сказания", где глаголы на =pai обозначают действие настоящего и будущего времени: deleme uker ügület ta [§ 21] "почему вы говорите вздор?"; ba ulus irgen ülü teme [§ 64] "мы не завоевываем страны и народы"; ...kei unuju yabut te alalduqui üdür haran=u miqa idet tede [§ 195] "...оседлав ветер, мчась они, в дни сражений людским мясом питаются они"; ...uru'u'u/ mangai ke'ekdet [§ 195] "...[они] называются уруты и мангуты". С частицей]=e действие обычно относилось к будущему времени: qatuq=ul ta bolu'asu qaraçus tende uqat]=e [§ 21] "когда они станут ханами во всеми, простой люд тогда узнает ведь"; basa mono qoyina Bedügün

uqat]=e bida ke'ebe [§ 209] "после этого мы ведь узнаем (поймем), [каким станет] Бэдугун".

Формы прошедшего времени.

Прошедшее время выражалось тремя различными формами: =ba / =bai, =luγ=a / =lüge и =juγui / =çiqui. (Две последние из них имели многие фонетические варианты: =lu'ai / =lü'e / =le'e и др.; =ju'ui / =çu'ui / =j'ai / =j'ai / =j'ei / =j'igi / =çigi и др.; см.: M.Weiers, 1969, с. 155-159).

В отечественном и зарубежном монголоведении эти формы чаще всего называются как: перфектный презент - форма на =luγ=a, перфектный претерит - форма на =ba / =bai и имперфектный претерит - форма на =juγui / =çiqui. В некоторых современных зарубежных исследованиях они называются также как: past I (=ba / =bai), past II (=juγui / =çiqui) и past III (=luγ=a) [Binnick R., 1990, с.47-53] или как direct (=luγ=a) и indirect (=juγui / =çiqui) past [Svantesson, 1991, с.190-194].

Еще со времен Ал. Бобровникова ученые пытались установить основные отличия между этими формами и найти в них дополнительные временные или модальные оттенки.

Поиски различий между ними шли в направлении установления степени завершенности действия в рамках прошедшего времени или выявления их дополнительных модальных или видовых отличий. Но если форме на =juγui/=çiqui, обозначающей давнее и вполне законченное действие, почти всеми исследователями приписывалось наличие особого модального оттенка неожиданности происшедшего в прошлом действия [Бобровников, 1849, с. 356; Котвич, 1902, с. 108; Поппе, 1937, с. 120; Санжеев, 1963, с. 190], что считалось главным ее отличием от двух других, то мнения относительно разницы в употреблении =ba и =luγ=a расходились, а порой были прямо противоположными. Так, Ал.Бобровников эту разницу видел в том, что перфектный презент (=luγ=a) - достоверная форма, употребляемая "при изложении такого обстоятельства, которое предполагается уже известным слушающему, или когда говорящий не рассказывает как новость, а только напоминает уже известное". А перфектный претерит он называл последовательной формой, которая обозначает такое действие, когда "говорящий рассказывает спокойно, смотрит на обстоятельство своего рассказа как на нить действий, последовательно и естественно одно за другим совершающихся, без особенных нечаянностей и как на события, равно не известные слушателю и

делающие на него равные впечатления" [Бобровников, 1849, с. 350-356].

В.Л.Котвич считал, что =ba / =bai употребляются при рассказе о неизвестных (слушающим) событиях, совершающихся при этом вполне нормально и поэтому не представляющих собой ничего выдающегося: irebei или ireba "пришел (приходил)", а luɣa - при рассказе о событиях, известных говорящему и слушающему... или о событиях общеизвестных, о которых, однако, по предположению говорящего, не знает слушающий: irelüge "[помнишь] приходил, пришел и приходит" [Котвич, 1902, с. 107-108].

Н.Поппе полагал, что формы на =ba и =luɣa близки по значению. Но в отличие от =ba форма на =luɣa "может выражать действие несколько более длительное и имеет оттенок достоверности и общеизвестности" [Поппе, 1937, с. 119].

С точки зрения Г.Д.Санжеева перфектный презент (=ba) обозначал действие преимущественно прошедшего времени, законченность которого несомненна или подразумевается сама по себе, обладал, как и имперфектный претерит (=juɣui), модальными оттенками и что в древнем монгольском языке его основным значением было выражать действие, "безусловное совершение которого говорящий считает необходимым особо подчеркнуть". А перфектный претерит (=ba / =bai), лишенный в своем значении каких-либо дополнительных модальных и иных оттенков, обозначает "такое действие которое закончилось в прошлом до момента речи или перед событием, составляющим предмет повествования, а равно действие, совершение которого в момент речи представляется несомненным, действие и настоящего времени, что наблюдается в живой речи в контексте обстановки. Г.Д.Санжеев считал также, что "перфектный претерит в монгольских языках является одной из тех глагольных форм, которые за исторически обозримый период не подверглись никаким-либо существенным семасиологическим и грамматическим изменениям, а поэтому во всех этих языках имеют более или менее равное значение и аналогичное употребление" [Санжеев, 1955, с. 190-195].

Разногласия в оценках значения и употребления этих форм прослеживаются и в работах монгольских лингвистов вплоть до настоящего времени. Так, акад. Ш.Лувсанвандан в одной из своих ранних работ [Ш.Лувсанвандан, 1951, с. 119] форму на =жээ (имперфектный претерит) называл давно прошедшим временем (өнгөрсөн цаг), форму на =лаа (перфектный презент) как недавнее прошедшее или полностью завершённое (саяхан өнгөрсөн цаг), гүйцэд биш өнгөрсөн), а на =в / =б (перфектный претерит) как не-

но полностью закончившееся (саяхан гүйцэд өнгөрсөн цаг). В более поздней же своей монографии [Ш.Лувсанвандан, 1968, с. 73-74] автор дает этим формам уже несколько иное толкование, а именно форму на =жээ / =чээ определяет как заведомо известное (достоверное) прошедшее (мэдэгдэж өнгөрсөн цаг), форму на =лаа как прошедшее продолженное (өнгөрсөн үргэлжилсэн цаг), а на =в / =б как еще неизвестное прошедшее (мэдэгдээгүй өнгөрсөн цаг).

В коллективной грамматике современного монгольского языка [Орчин цагий монгол хэл зүй, 1966] автор раздела о глаголе Б.Базилхан форму на =жээ / =чээ называет прошедшим продолженным (өнгөрсөн үргэлжилсэн цагийн утгыг илрүүлнэ), т.е. так, как Ш.Лувсанванданом была названа форма на =лаа. Форму же на =лаа автор определяет как обозначающую недавно (сейчас) законченное (одоо өнгөрсөн цагийг илрүүлнэ), а на =в / =б как прошедшее законченное (өнгөрсөн төгссөн цагийн утгыг илрүүлнэ) [с. 149].

В сравнительно недавней также коллективной работе [Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт, 1987] автор раздела о глаголе Ж.Санжаа дает еще одно определение этим трем формам. Форма на =жээ / =чээ названа еще неизвестным прошедшим (мэдэгдээгүй өнгөрсөн цаг), т.е. так, как Ш.Лувсанвандан называл форму на =в / =б; форма на =лаа определена как обозначающая недавно прошедшее известное (заведомое) (мэдэгдэж сая өнгөрсөн цаг), а форма на =в / =б - как заведомо известное прошедшее время (мэдэгдэж өнгөрсөн цаг), близко связанное с моментом речи. Автор считает, что данная форма употребляется и для передачи последовательно протекавших в прошлом друг за другом действий [с. 165-166]. Эта форма определена как литературная, почти не употребляемая в разговорном языке, за исключением вопросительных и утвердительных предложений перед частицами уу / үү и даа. Тогда как форма на =лаа, обозначая недавно закончившееся действие, употребляется для передачи слушающему подробностей об уже известных событиях или тогда, когда говорящий в момент возбуждения заранее сообщает о действии, которое неизбежно произойдет в будущем [с. 167].

Монгольский лингвист Г.Бадан попытался проследить разницу в употреблении этих трех форм прошедшего времени, увязывая обозначаемые ими действия с присутствием или отсутствием говорящего при их совершении.

По мнению автора, форма на =juɣui / =ɕuɣui отличается от двух других прежде всего содержанием в себе дополнительного значения "затянутости", т.е. она обозначает такое действие в прошлом, в осуществлении которого повествующий не принимал никакого участия, а

осведомлен о событиях с чужих слов или путем умозаключения, две другие: =luγ=a и =ba "непосредственно связывают говорящего с действием" и тем самым как бы сближают время действия с моментом речи, что отсутствует в форме на =juγui / =zuqi. Наиболее существенное отличие между формами на =лаа и =в / =б автор видит в том, в какой форме - устной или письменной речи они употребляются: =лаа более свойственна устной речи, а =в / =б - письменной, хотя это не носит строго регламентированного характера: =лаа может употребляться и в письменной, особенно "в связи со стремлением как можно точно и полно зафиксировать то, что [автор] говорит"; =в / =б - в устной речи, особенно в вопросительных предложениях, тогда, когда за сказуемым в форме на =в следует какая-л. часть или сопутствующий эмфатический элемент" [Г.Бадан, 1985, с. 79-80].

После краткого экскурса в историю изучения трех форм прошедшего времени разными исследователями, проследим как употреблялись эти формы в древних текстах.

Форма на =ba / =be (перфектный претерит) имела эмфатические варианты: =bai / =bei и =bi, последняя выступала в качестве показателя того, что действие связано с лицом женского пола (об это в разделе "О категории рода").

Действия, обозначенные этой формой, относились к прошлому, при этом временная локализация этого прошлого по отношению к моменту речи выявлялась, как правило, из контекста.

Из ранних памятников эта форма была особенно распространена в тексте "Сокровенного сказания", который характерен тем, что многие события в прошлом излагаются так, будто повествующий сам был их свидетелем (что впрочем характерно и для других текстов).

Что касается временного значения, то форма на =ba обозначала:

1) действия, закончившиеся к моменту речи: tere hon qanai [Ск.ск., § 26] "так прошел тот год"; Qo'aqčün emegen ügüleriñ geroyuğa buyu Temüjin=i bükü=yü ügei ese uqabi qoyınaça bosu'at irebi ke'ebi [Ск.ск., § 100] "Старуха Хоагчин сказала: «Юрта поблизости есть. Там или нет. Тэмуджин, не знаю. Я выехала с северной стороны»";

2) действие, заканчивающееся в момент речи: Mongliik... De sečen=ne ügüleriñ... Temüjin=i abura irebe ke'ejüü [Ск.ск., § 69] "Мунлик сказал Дэй-сэчэну: «Я приехал забрать Тэмуджина»"; bi ed'ö'e irebi ke'et [Ск.ск., § 93] "я только что прибыл"; ...sayuluyad saču gerel dotura gegegen gerel=iyer dügürbei [ТД 29. F 12 v] "...как только я уселся, дом внутри наполнился ярким светом";

3) действие, закончившееся сравнительно давно по отношению к моменту речи. При этом это могли быть действия, совершавшиеся последовательно в определенные отрезки времени: arsi boluysan=

=iyen dala=yin dotog=a=ača qudaldučin=i diyan=u kücün=iyer aburuba [ТД 22, F 4 r] "когда вы стали риши, вы спасли из великого моря купцов силой своей медитации"; Jry=iyar... Ui Suu=yi bii tas=un ayayuz=i Joqiyayulbai [Cl., 1362, с. 62] "По указу [Императора] текст стелы сочинил Уй Суу"; qayan=u Jry=i sayisang=ud=ta kürtegsen=dür=i qayay=a=dur činu bii tas bayiyulbai... Ji Jing qorin qoyaduyar on bars jil arban sara=yin arban qoyar=a bayiyulbai [Cl., 1362, с. 68] "Когда указ Императора был получен министрами, у тех ворот была воздвигнута стела... [Стелу мы] воздвигли двенадцатого десятой луны года тигра, двадцать второго года жи жинг"; Köndelen=e bükü=tür bičibe [УМУДБ, с. 40] "написали, когда находились в Конделене"; mön Indu esen bükü=dür=iyen nasu köbegüd=iyen söyün suryar=un ta köbegüked... nasun öögüken ali be Jobalangud ese üjebei [Cl., 1362, с. 65] "Когда Инду был жив-здоров, он напутствовал своих сыновей: «Вы, сынки, молодцы, ...вы не знали никаких страданий»";

4) иногда форма на =ba / =bai употреблялась для передачи действия настоящего в прошлом, т.е. так называемого расширенного настоящего, вместо формы на =mu / =mui, например: bey=e bilder üsün mariyan bolju [ečige ek]e=eče türügüldebei [HC, 2 a] "[Наши] тела, [которые состоят] из волос и плоти, порождаются родителями";

5) Редким случаем является употребление этой формы не для выражения прошедшего времени, а для передачи значения предупреждения, предостережения от возможности совершения нежелательного действия в будущем: ayurhysan ömörigsen emeged alayaban ebögüben deledcü: aq=a jaq=a minu alaydaba: ai či bosču buruyud kemen [ТД 61, F 56 v, примеч. с. 102] "Сморщенные, усохшие старухи сжимали свои ладони и били себя в грудь, восклицая [каждая приговаривая]: «Мой старший, ты можешь быть убит. О, вставай и спасайся бегством»".

Необычным представляется и употребление этой формы с глагольной связкой, так как со связками, кроме причастных и деепричастных форм, употреблялась только изъявительная форма на =m. Пример: edüge ču köbegün=i kičiyejü sakiqi čay bolbai aqyу [ТД 28, F 11 r] "Настало ли сейчас время охранять мальчика всеми способами?" (bolbai aqyу < bolbai aqy uu, где uu - вопросительная частица).

Форма на =ba / =bai употреблялась и с модально-усилительной частью J=e, придающей высказыванию особую эмоциональность и экспрессию: γayča nigen üdür=ün kičigel qatayujil=iyar güčigsen busu epenegte uidqari tgei üjügülen kücü öggügseber ayin soyrqaydabai J=e [Cl., 1362, с. 67] "[Это] не было тем, что он достиг только ежедневных стараниями и усердием, [он] всегда продолжал служить без усталости [Императору], и только поэтому ему были оказаны милости";

ja'ura qurban qonoju nekeju ayisuqui=tur jolqalduba=je [Ск.ск., § 22] "Мы ведь встретились в пути, когда трое суток, преследуя, гнали побителей".

Итак, форма на =ba / =bai была характерна для повествовательной речи при описании событий, произошедших в прошлом, причем относящихся: 1) к отдаленному прошлому; 2) закончившихся незадолго до момента речи; 3) закончившихся в момент речи, причем повествующий, как правило, был участником или свидетелем происшедших действий или был хорошо о них осведомлен.

В отдельных случаях этой формой могло передаваться утверждение вневременного характера (расширенного настоящего времени), а также предостережение о возможности или необходимости того-л. действия.

Форма на =luya / =lüge имела в древних текстах многочисленные фонетические варианты: =lu'ai < =lu'ai; =lu'a, =lai, =laya; =leg; =lq=a, =lya. Форманты =ligi и =liyi < =ligi, зафиксированные в "Сопровождаемом сказании", употреблялись (хотя и нерегулярно) для обозначения действия, исходящего от лица или относящегося к лицу женского пола.

Эта форма так же, как и перфектный претерит (=ba) передавала абсолютное значение прошедшего времени и имела при этом различную степень соотносительности с моментом речи в прошлом: от действия, закончившегося давно, недавно и заканчивающегося в момент речи. В этом отношении значение степени завершенности действия доминировало над значением времени. Так же, как и при употреблении перфектного претерита, повествующий сам являлся участником описываемых событий и был хорошо о них осведомлен. В описываемых нами текстах перфектный презент употреблялся реже, и вероятно, это связано с тем, что данная форма более свойственна разговорной речи, диалогу, а перфектный претерит - повествовательной речи, как это подтверждается и исследователями современного языка.

Итак, эта форма обозначала:

1) действие, совершившееся в отдаленном прошлом: Yisüge ontudur=un qurban jayud qucin tabun aldas=tur ontudlq=a [УМУДБ, с. 1335, с. 76] "Прежде я думал, что он станет человеком"; türün urin Yeke öiledü=dece Yisügei -ba'atar=a Hö'elün eke=yi buliju abtalai ke [Ск.ск., § 111] "Раньше (давно) [он] отобрал у Ихэ Чилэду Озлуну для Есугэй-баатара"; amin minu nikente a[b]çu qarulu'a ci [Ск.ск., § 111] "Ты уже однажды спас мою жизнь";

2) действие, совершившееся сравнительно недавно: sayui güre-gen güregeien buligi [Ск.ск., § 155] "[Она] недавно вышла замуж"; Cim-bai Säwün qoyar kö'üt inu... söni namayi üjeju buqa'u minu a[b]çu sulajaju qono'a'ululai [Ск.ск., § 84] "[Он подумал]: «Его сыновья Чим-бай и Чулуун... увидели меня ночью, ослабили на мне колодки и позволили переночевать»";

3) действие, заканчивающееся в момент речи: Dei-sečen ügüle-rün Yisügei quda ken=tür joriju ayisula'a ke'eju'ü. Yisügei-ba'atur ügüle-rün... oqunlu'ut irgen=tür öki quyusu ke'en ayisula'a ke'eju'ü [Ск.ск., § 62] "Дей-сэчен спросил: «Свят Есугей, к кому ты едешь?»" Есугей-баатар отвечал: «Я еду просить (сватать) у олхонутов девушку»"; Bo'orci ügülerün näköcesü ke'en irele'e bi [Ск.ск., § 90] "Боорчи сказал: «Я еду (приехал), чтобы стать другом [тебе]»".

Как видим, форма на =luya, как и форма на =ba, передавала те же значения прошедшего времени и имела также различную степень соотносительности с моментом речи. Но по сравнению с формой на =ba эта форма употреблялась значительно реже и была свойственна главным образом диалогу, ответу на прямой вопрос, в собственных рассуждениях автора, подтверждая тем самым свой "разговорный" характер, в отличие от "книжности" формы на =ba.

Следовательно, в отношении временной локализации действия эти две формы практически не отличались. Объединяло их и то, что повествующий, как правило, либо сам участвовал в описываемых событиях, либо был о них хорошо осведомлен. Главное же отличие между ними состояло в том, что перфектный претерит свойственен спокойной повествовательной речи, отсюда и его частое употребление в соответствующих литературных жанрах, тогда как перфектный презент характерен для диалога, прямой речи, личным рассуждениям участников описываемых событий.

Форма на =juui / =juqi / =jüki / =çuqi / =çüküi⁸ противоположна по своему значению первым двум в том плане, что подтверждает общепризнанный сейчас факт, что действие, обозначенное этой формой, содержит в себе дополнительное значение "заглазости", т.е. обозначает такое действие в прошлом, в осуществлении которого повествующий не принимал никакого участия, а осведомлен о событиях с чужих слов, из собранных фактов путем умозаключения. В связи с чем это действие в определенном смысле представляется неожиданным или необычным. Поэтому эта форма крайне редко употребляется по отношению к 1-му и 2-му лицам (немногочисленные примеры на употребление их приведем ниже).

В наших текстах эта форма обозначала:

⁸ Эта форма имела и другие варианты: =ju'ui / =çu'ui, =j'ai / =ç'ai, =jigi / =çigi и др. [см. Weiers, 1969, с. 155-159].

1) действие, которое преподносится как случившееся в далеком прошлом, непрерывное в течение длительного времени, и как новая, неизвестная прежде информация: [Kongvusi ügüler=ün] [Kongvusi boydas qad ayali aburi] törö yosun qoyar=iyar delekei ulus=i ilübetler=jasaysan=u tula irgen oryan [udum]=iyar anu nayiraldujuuyi [НС, 1 а] "Конфуций сказал: «[Знаете ли вы, что] прежние премудрые правители миром (землей и народами) весьма справедливо и по справедливости, и поэтому народы по их примеру, жили в согласии друг с другом?»"; beleg=če uiyud=un qan inu: Bis Balıy=a orusin sayun aju berkesiyel ügei bayatur er=e töröjü: bekiñü ulus=iyar sayitur jarcimlañ [Сл., 1362, с. 67] "С давних времен хан уйгуров постоянно находился в Баш-Балыке, [там] родился доблестный муж, [он] укрепил [город] хорошо правил своим народом";

2) говорящий сообщает новую информацию, как сравнительно недавно совершившийся факт, который представляется неожиданным и непредвиденным для говорящего и для слушающего: ... yek noyan Ongging äingsang Altan qan=a duratqarun... mongqol me güčütey=e irejü ... bidan=u erkit čen'üd=i darıju büreltele kiduñu'ui itegat Čabčiyal=i ber bulıju abču'ui [Ск.ск., § 248] "...великий князь Вангин часан доложил Алтан хану: «Монголы пришли с очень большой силой, подавили и полностью уничтожили наши отборные войска и даже захватили надежно укрепленный Цавчаал»". (Появление противника с большим войском было неожиданным для обоих собеседников); предложении: tatar=un qorqalaqsan Naratu Sitügen=e bawuqsan nuntuq=tur talaqui=tur niken üčügen kö'üken=i ge/k/sen=i bidan=či nuntaq=ača olju'ui [Ск.ск., § 135] "На поляне Нарату Шитуэн, где укрывались татары, наши солдаты нашли маленького брошенного мальчика" - информация о находке на поле брани после недавнего сражения ребенка также преподносится как непредвиденная и новая информация;

3) действие происходило во время описываемых событий и было не только неожиданным, но и в определенной мере загадочным для всех участников данной ситуации: tendeče manggal qayay=ar oduysan noyad čečeg oroysan=i üjeñü egüber oduysan ajuuyi keme činaysida türgen=e odbasu čiyanača nigen tngri=yin köberü oytayui=bar odqui=yi üjeñü ... [ТД 38, F 26 v] "Тогда вельможи, которые отправились через Благословенные ворота, увидели дождь цветов и сказали: «[Принц оказывается] ушел через эти ворота», - и они быстро пошли в том направлении, после чего увидели, что сын Божий уходил в Небо...";

4) действие относится к моменту речи и представляется как простая констатация факта: Yisügen qadun ügüler=un : ...nadača ege

Yisüi noretei nadača de'ere qan gü'ün=e jokiñi aji'ai=je [Ск.ск., § 155] "Есугэн-хатан сказала: «Моя старшая сестра Есуй краше меня и, видимо, более подходит хану»". В этом предложении сама форма на =ji'ai не содержит в себе модального значения предположительности, неуверенности, поэтому после нее употреблена соответствующая данному значению частица je "вероятно", "наверное", "видимо". Интересно, что в переводе "Сокровенного сказания" на современный монгольский язык [Ц.Дамдинсурэн, 1957] форма на =ji'ai в этом предложении заменена на булгээ (бүлгэе).

Что касается употребления формы на =juuyi с 1-м и 2-м лицами, то в данных текстах - это редкое явление. Нами зафиксировано всего несколько предложений, три из которых мы здесь приводим: edüge pamuyi ilam=tur es=e orañuqu kemen maquyulan... [МУДБ, 49] "Сейчас [ты] осуждаешь, что я не совершил омовения (не принял обета)..."; edüge il qan misiq=a=in (вм. yin - MO) nom=tur oratuqai kemeñü ilejüqu äi [МУДБ, 47] "Ныне ты пригласил меня принять христианство (досл. "пригласил, говоря: «Ил хан, вступи в христианство»"); tere metu nökö'e kil[ü]gün činu bi ese'ü aju'u... tere metu nökö'e gürdün činu bi ese'ü aju'u [Ск.ск., § 177] "Подобно тому разве не был я второй твоей отобляй... Подобно тому разве не был я вторым твоим колесом?". Следовательно:

1) форма на =juuyi / =čüqui обозначала абсолютное прошедшее время, независимо от того, совершилось ли оно в далеком прошлом или сравнительно недавно;

2) она действительно содержала в себе значение "заглазности", так как обозначала действия и события в прошлом, прямым участником и свидетелем которых говорящий, как правило, не являлся;

3) только этой формой можно было выразить действия, которые представляются неожиданными, непредвиденными, необычными с точки зрения говорящего, двух собеседников или всех участников описываемых событий;

4) но это модальное значение неожиданности, непредвиденности действия и в древних текстах не являлось доминирующим для данной формы. Она употреблялась и для того, чтобы просто подчеркнуть, особо выделить ту информацию о прошлом, которая достойна вызвать интерес и внимание слушателя. Поэтому этой формой часто обозначались действия, начинающие повествования, особенно исторические;

5) иногда, действие, выраженное этой формой, могло относиться к моменту речи и представлять собой обычную констатацию факта.

Причастные формы.

Характерной особенностью монгольских причастных форм является то, что они совмещают в себе значения глагола и имени. Поэтому в предложении они выполняют как предикативную, так и субстантивную, и атрибутивную функции.

Причастных форм несколько. Степень их предикативности также различна и соответственно различна частота употребления той или иной формы в функции сказуемого или иных членов предложения.

Кроме того, "причастия не только сами выступают в разных синтаксических функциях, но и могут быть составными компонентами как синтаксически свободных словосочетаний, так и неразложимых устойчивых образований и терминов. За счет субстантивации причастных форм может пополняться категория имен существительных" [Ц.Цэдэндамба, 1970, с. 1].

Совмещая в себе признаки глагола, существительного, прилагательного, причастия проявляют все же больше глагольных признаков как в функции атрибута, так и, будучи оформленными различными падежными суффиксами, в других синтаксических функциях.

Кроме того, большая часть монгольских причастий в синтетической форме, т.е. с различными падежными суффиксами, или аналитической (с послелогами и частицами) выполняют функцию срединного сказуемого в так называемых "полипредикативных конструкциях".

По степени вербальности, и даже в случаях субстантивации, наибольшей "глагольностью" обладают формы на =qu / =kü, =ysan / =gsen, =day / =deg.

В современном монгольском языке "в позиции конечного предиката в независимых предложениях они имеют тенденцию даже переходить в собственно глагол изъявительного наклонения" [Ц.Цэдэндамба, 1970, с. 3].

С другой стороны, у формы на =үчи / =гчи в значительной степени проявляется именной характер, иногда до полной субстантивации, например, в современном языке: сурагч "учащийся", удирдагч "руководитель", жолоодогч "вождь" и мн. др.

Здесь нам предстоит рассмотреть причастные формы, зафиксированные в самых ранних монгольских текстах и выявить их значения и употребление.

Причастие будущего времени. В анализируемых письменных памятниках - это одна из наиболее распространенных форм.

В древних текстах, как и в более поздних, классических, формантами будущего причастия служили =qu / =kü, =qui / =küi и =qun / =kün.

Форма на =qu / =kü имела отношение к ед. числу действующих лиц (редко к мн.ч.) и употреблялась в субстантивной, атрибутивной и предикативной функциях.

а) В качестве субстантива она имела значение отлагательного имени и выступала в качестве подлежащего, или главного члена предложения. При этом, как правило, сопровождалась местоименным показателем ину / ану, с одной стороны, субстантивирующим причастие, а с другой - выполняющим свою местоименную функцию - показателя 3-го лица. Например: sedkikü inu erten=ü sayid=tur adali buyu [Cl., 1335, с. 76] "Его помыслы (sedkikü "мыслить, думать, размышлять") были подобны [таким же] прежним достойным людям"; kündülegdekü anu ögen bögetele bayasulçaqun anu olan boluysabar [НС, 25 б] "хотя тех, кто почитаем, мало, зато тех, кто взаимно радуется, много".

б) В качестве определения к следующему за ним имени чаще всего употреблялось в своей основе, сохраняя при этом глагольный (но аневременной) характер: ...qogum=a sayuqu balayasun orosiyluluy-san ајуу [Cl., 1346, с. 69] "Обосновал столицу (досл.: город жить) в Хоруме"; аqu irgen=ü töb uјayur anu edüi kü buyu [НС, 38 а] "[Это] в самом деле есть главный долг живущих людей"; müsiyekü çarai=ban üü edügülen... [НС, 35 б] "[Он] не проявляет (не проявляя) свое улыбающееся лицо..."; еçige eke=dür tabıylaqu күтүн [НС, 22 а] "Человек, который совершает жертвоприношение родителям"; edö'e iregü çay bolba [Ск.ск., § 31] "Сейчас настало время придти".

Иногда причастие на =qu / =kü в функции определения выступало в форме родительного падежа: ...qatayu joriy =tu bayatur jirike=tü bökü=yin siltayabar... [Cl., 1312, с. 63] "...по причине наличия стойкой воли и храброго сердца"; ...eyin kibesü yasalqu sinalqu=yin joriy bolba [НС, 36 а] "...если [он] поступает так, это и есть стремление сокрушаться и оплакивать [мертвых]".

В предикативной функции эта причастная форма употреблялась в своей основе, а также в составе сложных глагольных образований.

При этом соотносительность действия во временном плане зависела как от контекста, так и от наличия тех или иных глагольных связей. Обычно подлежащее, выраженное личными местоимениями, следовало после причастия-сказуемого: 1)...gar=tür aqui sedkil=i edüge ülü egüskekü bi [ТД 34, F 21 r] "Сейчас я не помышляю (не порождаю мысли) остаться дома..."; 2) ülü udan burqan bolqu=yi üjekü çi [ТД 47, F 37 v] "Ты увидишь, что вскоре я стану буддой"; 3) Temüjin namayı

ülü ükü'ülgü [Ск.ск., § 149] "Тэмуджин не позволит убить меня"; 4) Sim uqay=a ü/gei/ qamıy=a uqay [НС. 1 б] "Шима не достигаем, как (где) узнать его?"

Как видим, в этих предложениях формой будущего причастия обозначены действия, относящиеся к разному временному плану: в первом из них оно соотнесено с настоящим, чему в определенной мере способствует и наречие eđige "сейчас, в данный момент"; во втором и третьем предложениях действие адресовано к будущему, а в четвертом - оно скорее всего связано с настоящим расширенным.

По сравнению с более поздними текстами, особенно с классическими, [Орловская, 1984, с. 102] эта причастная форма без глагольных связей употреблялась значительно чаще.

Отрицательными частицами служили ülü "не" и ügei "не", "нет", например: ökin gü'ün=nü jay'an töregsen e'üten=tür ötölgü ügei [Ск.ск., § 66] "Судьба девушки - не состариться у родительского порога"; nögögede ničun ülü üiledkü bi [ТД 49, F 402 г] "Я не вернусь во второй раз". Причем в контексте действие, выраженное этим причастием с отрицанием ügei, могло относиться к плану прошедшего времени: tede irgen Bodončar=i kenü'ei ba ya'unu'ai be ke'en asaqu ügei [Ск.ск., § 29] "Те люди не спрашивали Бодончара кто он и чей".

С глагольными связками будущее причастие получало дополнительные временные и модальные оттенки. Так, в сочетании со связками bui, bölüge ~ büle'e оно могло обозначать действие в прошлом, как вполне возможное для осуществления, но не состоявшееся ввиду сложившихся обстоятельств; или как действие гипотетическое, которое предполагалось реальным или возможным, но при определенных условиях, обозначенных в зависимой части предложения. Ср. примеры: degedüs=e Oron=u čing ünən=iyer kücü ögügsen jerge=yi uqabası urıduş=a inu ong ner=e nemegdekü bui kemen [Cl., 1362, с. 63] "Если учесть способ, которым Орон самым преданным образом оказывал услуги Императору [то можно понять], что титул вана должен быть пожалован его предку"; edeger üges kemebeşü tan=a uqaydaqu bui [Cl., 1362, с. 65] "Что касается этих слов, то они должны быть поняты вами" (модальное значение долженствования); Belgütei nasuda abaldurun bara'un qanču=ban mültüljü ničügün yabuqu büle'e [Ск.ск., § 131] "Так как Бэлгүтэй всегда дрался (был драчлив), он засучил правый рукав и оголил [руку] (досл.: стал ходить оголенным)" - (действие относится к прошлому); Qan eđige minu bi čö'en ber bö'esü olon=ni ülü er'ülgü büle'e. Mawui ber bö'esü sayın=i ülü er'ülgü büle'e bi [Ск.ск., § 177] "Отец-государь мой, хотя я и мал, от многого не отказывался, хотя и плох, хорошего не заставлял [себя] искать" - (действие состоялось в прошлом); ...dan=tur eđüi idürejü irebe bi ke'egü büle'e. Namayı ünən bolqaju qubčasun nada ökjü asaraqu büle'e bi morin

ulu'at üfetele eđüi ja'ura ülü' ä iregü büle'e [Ск.ск., § 145] "Я бы сказал, что только что убежал к вам, [они] бы поверили мне, дали бы мне одежду и приняли бы к себе, а я оседлал бы коня и незаметно, быстро вернулся бы назад" (действие могло бы, по представлению рассказчика, произойти именно таким образом).

С bolun (форма слитного деепричастия от глагола bol= "становиться") причастие на =qu / =kü обозначало такое действие, которое только что наступило, или оказывается невыполненным в связи с непредвиденными обстоятельствами, напр.: Čilger bi qutuqtai sutai čjin=i quriyaju iregü bolun gotola merkit=e huntawu bolba [Ск.ск., § 111] "Я, Чилгер, пришел было отобрать мудрую святую Уджин, но вызвал гнев всех меркитов"; ...urida hula'an=qud=da Senggüm bayıldu-qu bolun morın=u'an guya qağdaju abdaqu bolju büküi=tür... [Ск.ск., § 177] "...прежде Сэнгүм сразился было в местечке Улан-хүд, [но] конь его был ранен в стегно".

Форма на =qui / =küi. В древних текстах наряду с формой =qu / =kü использовалась форма =qui / =küi в аналогичных функциях, но соотношение этих функций было несколько иным. Будучи более "именной", она чаще использовалась субстантивно и в определительной функции, а с падежными окончаниями - в роли различных дополнений и обстоятельств. Именно из-за своего более "именного характера" эта форма в современном языке стала употребляться для обозначения многочисленных абстрактных логико-философских понятий, как например: сэтгэхүй "мышление", ахуй "бытие", мэдрэхүй "восприятие", хүртэхүй "осозание", бодохуй "воображение" [Пюрбеев, 1984, с. 54].

В тех сравнительно немногочисленных примерах, где причастие на =qui / =küi выполняет функцию сказуемого, оно употреблялось в своей основе или с глагольными связками. Причастие в своей основе или со связкой bui обозначало действие, относящееся к будущему времени, при этом нередко с оттенком долженствования, что особенно характерно для текста Hsiao ching, например: taqimdayu köbegün eđige=yügen tabıylag=un nasu aqui=dur kündülemdegü sedkil=iyen erkileg-deküi [НС, 21 б] "Когда почтительный сын совершает обряд жертвоприношения своим родителям в своей обычной жизни, он должен посвящать этому свои лучшие помыслы"; taqıldıbasu sedkil=tü bolju erüküiben erkilegdeküi [НС, 21 б] "Когда [они] больны, [он] должен всю свою душу и мысли сосредоточить [на их здоровье]"; öber=ün eđige eke=yügen kündülebesü busu kümün=i könggeleküiben emigegdeküi [НС 3 б] "Если кто уважает своих родителей, он избежит (должен избежать) презрения других людей". Со связкой bui: Tegüber joqıs ögegü=yi üildür=e kürügsen=dür jalan duradqaydaqı bui [НС, 31 а]

"Поэтому, когда [отцу] случается действовать неподобающим образом, [сын] должен быть корректным и осторожным".

Со связкой *bülüge / büle'e'i* передавалось действие, совершившееся в прошлом: ...*qotala=iyan ökcü qo'osun yabuqui büle'e'i* [Ск.ск., § 254] "[Мать] все свое отдавала [детям], [сама] голодала (досл.: ходила пустая)". Сочетание этого причастия со служебным глаголом *bolba* обозначало наступление времени для совершения того или иного действия, например: ...*tere üile edüge bütüküi bolba* [ТД 51, F 43 r] "...сейчас настало [время] выполнить то дело"; ...*qamuy qatud nököd inu: qayıran qoyar sayid=i qamtu aldaqui bolba* [ТД 39, F 28 v] "...[тогда] все женщины и их спутники сказали, что готовы взаимно потерять своих обоих возлюбленных".

Однако чаще всего форма на *=qui/=küi* использовалась в качестве определения и субстантивно. В роли определения употреблялась как одна причастная форма, так и последовательный их ряд для передачи однородных определительных словосочетаний, например: *nisvanis=a yutuayadaysan=i amurliyulqui çay bolju amui* [ТД 23, F 4 r] "Наступает время успокоить тех, кто был опечален приверженностью мирской *çyete*"; *bodisdv ögüler=ün Çanak a tegünü kü tulada: töröküi ötelküi ebedküi üküküi jobalangtan itegel ibegel ügegün edeger amitan=i aburaqu=yin tulada mayad büged ger=teçegen yarumui bi* [ТД 33, F 20 v] "Бодхисатва сказал: «Чанака, я, несомненно, потому покинул свой дом, чтобы спасти эти создания, страдающие [от] рождения, старения, заболеваний, смерти (умирания) и которые не имеют ни веры, ни покровительства»; *nigülesküi tayalaqui kiçiyeküi kündüleküi eçige eke=yin sedkil=i amuyulqui sain neg=e=yi aldarsiyulqui kiged soyul suryal=i sonusdaluy=a* [НС, 28 б - 29 а] "Слышал я (было услышано мной) поучение [как] быть сострадательным, усердным, почтительным, как облегчить души родителей и прославить их добрые имена".

Об однозначности форм на *=qu / =kü* и *=qui / =küi* свидетельствует одновременное употребление их в определительном сочетании: *ede kemebesü burçıqu buduluqui yeke samayu bolui kemeçügü* [НС, 24 а] "Что касается этих [трех вещей], [то они] вызовут большую разрушительную и бестолковую смуту".

При субстантивном употреблении причастие нередко сопровождалось как личными, так и безличными притяжательными частицами, например: ...*silamdur oratuqai kemeküi çinu job* [УМУДБ, 48] "...то, что призывает (досл.: твое говорение) совершить омовение, правильно"; *bidan=tur yabuqui=yıan berkesiyen aju'u* [Ск.ск., § 278] "Твое хождение при нас (т.е. состоять у нас в свите) затруднительно"; ...*degedüs=e açılan kücü ögküiben erkilen...* [Сл., 1362, с. 65] "...считая важным усердную службу (досл.: свое отдавание силы) Императору"; *ügei bolbasu yasalaqui=ban erkilegdekü* [НС, 22 а] "Когда [родители] умирают,

[он] выражает свою скорбь (свое горевание)"; ...*mön Ataıbuq=a üküküiben ülü talyan...* [Сл., 1362, с. 64] "...этот Атайбуха не считался с тем, что может умереть (свое умирание)".

Как наиболее "именная", форма на *=qui/=küi* чаще, чем причастие на *=qu / =kü* употреблялась с падежными суффиксами, выполняющая функцию различных дополнений и обстоятельств. Причем как и в современном языке при однородных членах падежное оформление получало последнее из причастий, например: *ötelküi ebedküi üküküi=ber tülegdejü...* [ТД 23, F 4 v] "...сжигаются старением, болезнями, смертью (умиранием)"; *tendeçe bodisdv... öçir=ün: ötelküi ebedküi üküküi=eçe tonıjü...* [ТД 30, F 13 v] "Потом Бодхисатва... соизволил произвести: «Избавляясь от старения, болезней, смерти (умирания)...»".

Оформленное винительным, соединительным, дательным-местным, местным падежами, это причастие, равно как и форма на *=qu / =kü*, участвовало в образовании сложных предложений, различного рода полипредикативных конструкций с причинными, временными, целевыми и прочими значениями, например: ...*tergen=dür=iyen irekü=iü'e tende hö'elün=üjin ügülerün...* [Ск.ск., § 55] "...когда подъехала к своей телеге, Озлун-уджин сказала:..."; *biçigmanu... Oromi=ta büküi=tür biçibeı* [УМУДБ, с. 50]. "Письмо мое написано, когда находился в Уруме"; ...*töröleküi=dür müsiyekü çirai=ban ülü edügülen...* [НС, 35 б] "...при совершении обряда [он] не выявлял свое улыбающееся лицо..."; *Mön Indu esen büküi=dür=iyen pasu köbegüd=iyen soyun suryal=un* [Сл., 1362, с. 65] "Когда этот самый Инду был жив, он всегда поучал, наставляя своих сыновей".

При однородных членах каждое из причастий могло оформляться падежным формантом: *bosyui=dur, sayuyı=dur, yada yaryu=dur tedküi söni qonuyı=dur bey=e=yı inu darun barılan...* [Сл., 1335, с. 72] "[Он присматривал за ним], когда [он] вставал и садился, когда выходил наружу и маскировал его тело по ночам".

В местном падеже это причастие, как правило, выражало целевое назначение: *Tendeçe bodisdv sonosqui=a sayıqan üge=ber ögüler=ün* [ТД 35, F 23 v] "После того Бодхисатва ответил прекрасными для слуха (слушания) словами"; *ulus=i bayıyulqui=a joyıstu yajar buyu* [Сл., 1346, с. 70] "Есть подходящее место для создания государства"; *teden=eçe neng ülegüi dayusqui=a berke qatayujıl=iyar teden=ü töro=yı türıdken barabai bi* [ТД 49, F 40 v] "Я преградил их путь лишениями, которые по сравнению с их [собственными] намного труднее для преодоления"; ...*eçin=e ber yabuqui=a ilübte buı* [Ск.ск., § 280] "...а гонцам удобно для передвижения".

С винительным падежом оно образовывало причастные дополнители обороты (или конструкции): ...*amitan=a tusa üiledküi=yı kü daban durad=un sedkin büküi=dür...* [ТД 31, F 16 v] "...когда размышлял,

вспоминал именно дело оказания помощи живым существам"; čisun čuburi'ulju yabuquy=yi Činggis qahan... ..üjeju... [Ск.ск., § 131] "Чингисхан увидел, что течет кровь...".

Форма на =qun / =kün. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, причастие на =qun / =kün представляет собой форму множ.ч. от =qui / =küi. В исследуемых текстах она чаще всего употреблялась в качестве определения перед именами во множ. числе. При этом соотносительность с будущим временем, как правило, утрачивалась, например: ...busu tede bodistv=nar=luy=a degereče irekün bodistv=nar ber: [ТД 56, F 52 v] "...[Это] были бодхисатвы, спустившиеся (пришедшие) сверху вместе с теми бодхисатвами"; tede newüjü ayisuqun irgen=nü dотора... [Ск.ск., § 6] "Среди тех приближающихся людей..."; Börte=üjin tede dürbekün irgen=tür büjü'üi [Ск.ск., § 110] "Бортэ-уджин находилась среди тех убегающих людей".

В качестве субстантива употреблялось в функции подлежащего (причем иногда без особого показателя) и прямого дополнения, например: ülü süsülkün jegün eteged bayiju... [ТД 61, F 56 v] "Те, кто не верил (неверующие) находились на левой стороне..."; kündülegdekü anu čögen bögetele bayasulçaqun anu olan boluysabâr kemebesü... [НС, 25 б] "Хотя почитаемых и мало, взаимно радующихся - много"; ...modun=i gesigüd ködeljü mör=tür yabuqun=i dalalaqu metü [ТД 45, F 35 v] "...раскачивались ветки деревьев, как бы подзывая шедших по тропе".

Так же, как и две предыдущие, форма на =qun / =kün употреблялась в предикативной функции, при этом соотносительность со временем нередко определялась контекстом, особенно если причастие не сопровождалось глагольными связками. Действие, обозначенное этим причастием, могло относиться и к прошедшему времени: ...jarim=ud anu aman=ača silüsün čuburiqun: jarim=ud anu sidün=iyeen qabirqun: jarim=id anu quyur=tur jarugaqun: jarim=ud anu gedergü unaju aljiyaqun [ТД 31-32, F 17 v] "Некоторые из них пускали слюну, некоторые скрежетали зубами, некоторые играли на хуре (род музыкального инструмента - МО), некоторые, лежа на спине, были утомлены".

Конкретное временное значение и модальные оттенки выявлялись при наличии связок и служебных глаголов, сопровождающих причастную форму, например: müт Buyıruq=qan Quduqa qoyar jada medekün aju'ui [Ск.ск., § 143] "Те двое, Буйруг-хан и Худуга знали, оказывается, волшебство"; ...ta ker irekün büle'ei [Ск.ск., § 214] "...как бы вы могли придти?"; qahan ečige=yin Jarlıy=iyar urida ker yabuqun büle'ei [Ск.ск., § 278] "Как и раньше бывало отправлялись по указу хана-государя"; hoi=tur horum=iyar yabuqun bolun qara'ul=a anu

qoyına'un dërmetteju... [Ск.ск., § 240] "Как только начали пробираться через лес, за ними погнались дозорные...".

Согласование в числе и в древних текстах уже строго не соблюдалось, поэтому и при наличии в предложении множества или совокупности действующих лиц, в функции сказуемого употреблялись как форма на =qun / =kün, так и на =qu / =kü. Более того, и при одном действующем лице могла быть употреблена форма на =qun / =kün. Ср., например: Temüjin namayı ülü ükü'ülgü [Ск.ск., § 149] "Тэмуджин меня не умертвит" и Temüjin namayı ülü alaқun [Ск.ск., § 149] "Тэмуджин меня не убьет", или: ken=tü'en üge'er yabuqun ba [Ск.ск., § 258] "Чьим словам мы будем следовать?" и siliyu sayid jici teyin busu üge=yi opuju ügülegdekü [НС, 20 а] "Честные и достойные, однако, не таковы, [они] произносят слова (слова произносятся) только обдумав [их]".

Причастие прошедшего времени. Формантами этого причастия служат =ysan / =gsen и =ysad / =gsed (для множ. числа).

Оно обозначало законченное, завершённое действие по отношению к моменту речи. По сравнению с другими формами эта причастная форма обладает большей предикативностью, ибо независимо от ее функции в предложении всегда обозначает совершённое в прошлом действие.

Однако, несмотря на свое ярко выраженное временное значение, в древних текстах она чаще, чем в современном языке, сопровождалась глагольными связками. Наиболее распространенными из них были ajuу (изъявительная форма прошедшего времени от глагола a="быть") и bölüge ~ büle'e (форма прошедшего времени от глагола bü= / bö="быть").

Сочетания =ysan+ajuу, а также (редко) =ysan+bölüge ~ büle'e обозначали действие, относящееся к далекому прошлому: imada=ča jıyуan köbegüd töregsen ajuу [Cl., 1362, с. 66] "От нее родились шесть сыновей"; ...qoyar qu күтүн bosqayuluysan ajuу [Cl., 1346, с. 71] "...[храмы] воздвигли всего два человека"; mün uridu qad=tur inu taqır=a iregsen ajuу [НС, 14 а] "Также [они] приходили с жертвоприношениями своим прежним правителям"; elinčüg inu Qar=a uıyud=un yajar=a bökü=dür iduy qud=ta qalqanlıy totoy ner=e ögtajü noyalan yabuysan ajuу [Cl., 1362, с. 63] "Когда его прапрадед Хара находился в уйгурских землях, [ему] идуг-худ'ом был пожалован титул qalqanlıy totoy, и он стал [там] управлять"; erte üdür=eče tatar irgen ebüges ečiges=i baraqsan büle'e [Ск.ск., § 154] "С давних времен татары убивали [наших] дедов и отцов".

Без дополнительных глагольных связок это причастие обозначало действие, предшествующее моменту речи: "...jaqa=daki jarbiyal modun=i jayila'aluqsan ta [Ск.ск., § 146] "...вы удалили деревянную колодку на [моей] шее"; bosqui kücün baraysan [ТД 26, F 6 v] "[У него] нет силы встать (исчезла сила)"; ülemjü asuru masi turuysan [ТД 26, F 8 v] "[Он] чрезвычайно истощен".

В функции определения оно характеризовало предмет (лицо) с точки зрения того или иного совершившегося действия: ene bayıyuluysan bii tas [Cl., 1338, с. 56] "Эта воздвигнутая стела"; ёınu ilegsen... bi-çig bidendür kürbe [УМУДБ, с. 58] "Отправленное тобой послание до нас дошло"; qayan=ça si ming ong ner=e soyuqaydaysan İndü [Cl., 1362, с. 68] "Инду, который был благодетельствован ханом, [получив] титул si ning ong; ene kemebesü boydas sayid=un orosiyuluysan yosun buyu [НС, 36 б] "Что касается этого, то это правила (законы), утвержденные мудрецами".

Как любая именная форма, причастие на =ysan оформлялось падежными окончаниями и сочеталось с послелогоми, выражая различные дополнительные и обстоятельственные значения и участвуя в образовании зависимой части в "полипредикативных конструкциях".

Как уже отмечалось выше, в древних текстах существовало (хотя и не регулярное) согласование в числе определения с определяемым и подлежащего со сказуемым. В таких случаях =ysan / =gsen получало форму множ. числа =ysad / =gsed. Если в более поздних, например, классических текстах, во множественном числе это причастие употреблялось главным образом, выступая в качестве определения и дополнений при множ. числе действующих в предложении лиц, то в ранних текстах оно оформлялось суффиксом множ. числа и в качестве сказуемого, представленного как с глагольными связками, так и без них. Например, в качестве сказуемого, согласуемого в числе с подлежащим: tere çay=tur olan irgen sayin üge kemen maqtaldugsad ajuqui [Cl., 1335, с. 72] "В те времена многие люди хвалили друг друга, произнося хорошие слова"; nere qarqaqsat bui [Weiers, 1969, с. 167] "[Имеются люди], которые приобрели известность"; buyadhi sedkil=i ilü umartagsad [Weiers, 1969, с. 169] "Озаренные не забывают душу".

В качестве подлежащего прошедшее причастие во множ. числе обычно в той или иной степени субстантивируется, однако сохраняя при этом значение действия, совершенного в прошлом: ...Qorum=aça iregsed... kemeldübei [Cl., 1346, с. 70] "Прибывшие (те, кто прибыл)... из Хорума, переговаривались друг с другом"; urida bayasqulang=törögül=ün aysad ber: edüge ukilaiduqu=yin nökör bolbai [ТД 40, F 29 v] "Прежде рождающие радость сейчас стали друзьями по плаканию".

В субстантивном значении форма на =ysad употреблялась с различными падежными окончаниями в качестве дополнений и (с родит. падежом) определения, например: dörben mören=dür unaysad=i yayaqui çay inu edüge bolju amui [ТД 22, F 4 r] "Сейчас настало время вытащить упавших в четыре реки"; mungqay=iyar tögöriğsed=i getülge-kül çay inu edüge bolju amui [ТД 23, F 4 v] "Сейчас настало время спастись заблудившихся в неведении (невежестве)"; [nasu]n=dur kürügsed=te beri... öki be yayaqui=dur nemesün üküksed=te yasun bariqu kücün nemejü ögün ajuyu [Cl., 1338, с. 55] "Он оказывал бывало помощь достигшим брачного возраста, когда берут невестку или выдают дочь, и [выделял] средства для похорон умерших"; eçegsed=ün sedkil=i amuyulqui metü [ТД 45, F 35 v] "Как бы желая дать отдых мыслям тех, кто устал" (без окончания род.п. значение было бы иным "уставшие мысли").

В качестве определения форма на =ysad / =gsed согласовывалась с определяемым во множ. числе: qan=iyar qardaqsat haran=i [Ск.ск., § 149] "аратов, подозревающих своего хана"; silam=tur oraysad tanu metüs [УМУДБ, с. 48] "Подобные вам, совершившим омовение"; yeke ner=e=dür kürügsed noyanlıy=un uridus anu degedüs=tür jüg=iyer kücü ögü... [Cl., 1335, с. 75] "Предки княжеского рода, достигшие великого звания, служили Императору наилучшим образом..."; urdu boydas qad=un orusiyuldaysad qubçad [НС, 6 а] "Облачения, установленные прежними мудрыми ханами".

Однократное причастие. Суффиксами данного причастия служили: =yçi / =yçin(=gçi kçin) и =yçid / =gçid для множ. числа.

Эта причастная форма в сущности не содержит в себе значения однократности. Ей в большей мере соответствует название "причастие настоящего времени" [Ковалевский, 1835, с. 29]. Но поскольку в монголоведении под этим названием существует еще одно причастие [Санжеев, 1963, с. 136], мы во избежание недоразумений считаем целесообразным сохранить за формой на =yçi(n) ее традиционное и более распространенное название "однократное".

Причастие на =yçi(n) обозначало процесс действия или способность к его совершению. Во временном отношении оно сближается с действием, выраженным изъявительной формой настояще-будущего времени и с действием, обозначенным многократным причастием на =day.

Будучи глагольно-именной формой, это причастие выполняло те же функции, что и другие причастные формы. Но в отличие от современного языка, где оно крайне редко выступает в качестве сказуемого, а значительно чаще, субстантивируясь, пополняет ряды имен существительных, особенно в терминологии и в названиях уч-

реждений, в древних текстах форма на =үсi(n) чаще всего использовалась именно в роли сказуемого в сочетании с глагольной связкой: *bui: olan qoor=tu jobalang=ud=i törögülügči bui* [ТД 23, F 5 r] "[Они] порождают много опасных (вредных) страданий"; *egüdügen bügüde möngke busu... ödter ebderegči bui* [ТД 24, F 5 v] "Все, что возникло, невечно, ... и вскоре разрушается"; *ede mungqay=ud=i gem=dür ogoyuluyči bui* [ТД 65, F 62 r] "[Это] ведет этих глупцов к пороку"; *edeger jiryalang=ud bügüde namur=un egülen=dür adalı orosil ügei ebderegči bui* [ТД 33, F 20 r] "Все эти радости не постоянны и исчезают (есть ломающиеся) подобно весенним облакам". Как видим, во всех вышеприведенных примерах причастие на =үсi в сочетании с глагольной связкой *bui* обозначает действия или состояния, осуществляемые или присутствующие субъекту - явлению.

Особенно часто употреблялось это причастие в функции определения к различным именам. В таких случаях оно обозначало обладание лицом (предметом), признаком, качеством, способностью к действию, выраженному в производящей глагольной основе, например: *ildun aqyabar saqiyčün aran=i önggeregüjü...* [Cl., 1335, с.73] "Мечом и хитростью [он] умертвил человека-хранителя (охраняющего человека)"; *bujiğči kümün=ü yar metü...* [ТД 23, F 4 v] "...подобно рукам танцующего человека"; *ödter ödter köbegün=iyen tula ukilayči ken bui či* [ТД 47, F 37 v] "Кто ты горько-горько плачущий над своим сыном?"; *...yurban jalan duradqayčün medegčün nökdö...* [НС, 30 а] "...[там было] три знающих помощника, которые давали советы и поправляли [их]"; *köbegün=ü minu amin=i öggüğči ken ba ende buyıyü* [ТД 46, F 37 r] "Есть ли здесь кто, могущий дать (дающий) жизнь моему сыну?".

В качестве подлежащего это причастие характеризовало лица с точки зрения обозначенного в глагольной основе действия, и как глагольно-именная категория управляло винительным падежом имени⁹, например: *čayayan=i tayalayčid anu bodisdv=i maytaju... qara=yi tayalayčid bodisdv=i dayariju...* [ТД 62, F 58 r] "Любящие справедливость (досл.: белое) хвалили Бодхисатву..., любящие зло (черное) оскорбляли Бодхисатву..."; *ene bulqalduqči Jirgin=ü Qadaq ba'atur aju'u* [Ск.ск., § 185] "Этот вояка был джиргинский Хадаг-батар".

В качестве дополнений сама причастная форма получала падежное окончание или управляла послелогом, например: *delekei degereki kümün=ü ečige boluyčün=i күндүлегүлкү yosun bolu* [НС, 26 б]

⁹ В современном монгольском языке форма на =үсi(n), как и другие имена существительные, управляет родительным падежом: *сургуулийн сурагч* "учащийся школы", *сонинь эрхлэгч* "редактор газеты" и т.п. [ОЦМХУЗБ, 1987, с. 103].

"Есть обычай, заставляющий уважать тех из людей, живущих на земле, которые стали отцами"; *tөгүн=ü qoyina idegen ülü idegčid=ün tula...ese idegsen=iyer turabai* [ТД 47, F 38 v] "Потом из-за того, что [он] воздерживался от пищи из-за тех, кто не ел (т.к. были те, кто не ел), отощал".

В целом причастие на =үсi(n) в древнем языке обладало большей глагольностью по сравнению с современным и субстантивации, особенно полной, подтвергалось крайне редко. Встретились лишь единичные примеры типа: *sibegči(n)* "служанки"; *boγol sibegegčid* (вм. *sibegčid*) [НС, 14 б] "рабы и служанки"; *de'ü=ner=iyeu alayči bolba* [Ск.ск., § 177] "Стал убийцей своих младших братьев".

Причастие на =γai / =gei (в "Сокр.ск.": 'ai / ='ei). Эта древняя форма в более поздних текстах известна как форма на =γa / =ge, названная в свое время Ал.Бобровниковым как "прошедшее неоконченное" причастие.

Без отрицательной частицы *edüe ~ edügüi ~ üdügüi* "еще не", т.е. в своем положительном значении это причастие обозначало действие, которое началось в прошлом и длится в настоящем или в каком-то отрезке этого настоящего, например: *Dungčang-balayasun abu'ai* [Ск.ск., § 247] "Взяли город Дунчанг"; *qar=dur=iyan oro'ulju öš=iyeu abu'ai=je bida* [Ск.ск., § 267] "Мы ведь захватили [врага] в свои руки и отомстили".

Значительно чаще употреблялась отрицательная форма, и тогда это причастие обозначало, что действие еще не произошло, но оно ожидается: *Iduy qud öber=ün түsimel=iyer=iyeu iregei=üdügüi üiles=i urida böged uqaju...* [Cl., 1362, с.62] "Идуг худ со своими чиновниками еще заранее предугадал события, которые еще не произошли"; *...Jarim söni ber boluy=a edügüi* [ТД 29, F 13 r] "...полночь еще не наступила"; *basa ber nasun=dur күrtüge edügüi amu* [ТД 33, F 19 v] "А также вы еще не достигли совершеннолетия".

Перед каким-либо именем эта форма определяла предмет с точки зрения того действия, которое еще не произошло: *gü'ün=ne ökte'ei üdü'üi ökin aju'u* [Ск.ск., § 7] "Это была еще не просватанная (еще не отданная человеку) девушка" (см. также пример выше).

Если отрицательная форма причастия оформлялась местным падежом, тогда оно с относящимися к нему словами указывало на обстоятельство, при которых совершалось другое действие: *dayusu-yai=üdügüi=e basa gemčas bičig=iyer duradqar=un* [Cl., 1362, с.63] "Когда еще не закончил [писать], цензоры (*gemčas* - титул в период юаньской династии - МО) напомнили письмом..."; *... Joqiyau egüskeju dayusu-yai=üdügüi=e* [Cl., 1362, с. 63] "Когда, начав сочинять, еще не

закончил..."; Činggis-qa'an basu'ai üdü'üi=e oron dotora бүкүй=tür... [Ск.ск., § 245] "Когда Чингис-хан, еще не вставая, лежал в постели ..."

Причастие многократное (форма на =day / =deg). Название этого причастия как многократного свидетельствует о том, что оно обозначает такое действие, которое является обычным, постоянным для данного лица (предмета) в каком-то отрезке времени. Иначе говоря, само по себе оно не имеет временной соотнесенности, а указывает лишь на характер протекания действия, его постоянность или частоту. Что же касается времени действия, то оно определяется исключительно глагольными связками.¹⁰

Форма на =day использовалась в тех же самых синтаксических функциях, что и прочие причастия, хотя частота ее употребления в наших текстах ограничена небольшим количеством примеров.

В качестве сказуемого она употреблялась с глагольной связкой болу - форма настоящего времени от бол= "становиться, делаться": ...öber-ečegen yekes=tür tabıylabasu joqıday болу [НС, 8 б] "...если [он] служит своим господам (тем, кто выше его), [это значит] быть услужливым (покорным)".

В качестве определения характеризовало лицо (предмет) по действию, совершаемому обычно, постоянно: kökideg Toqto'a bu'urake'er=e bui=je [Ск.ск., § 105] "Всегда пугающийся (удирающий) Тогтога находится, должно быть, в Буура-кээр'е"; Јамуқа убудақ келеті бүле'е [Ск.ск., § 167] "Джамуха всегда был болтлив (досл.: с постоянным двигающимся языком)".

Субстантивирясь, форма на =day обозначала определенное состояние: čing ünep sedkil joqıday qoyar=i ülü enden degedüs=e küü öggün čıdabasu... [НС, 9 а] "Если [он] сможет служить (отдать силу) высшим [начальникам], не теряя чувства полной лояльности (чистосердечия) и послушания ..."

На субстантивное употребление причастия joqıday указывает и числительное qoyar "два", выполняющее в данном случае роль союза "и".

¹⁰ В современном языке форма на =day часто выступает в роли сказуемого без глагольных связок и соответствует индикативной форме глагола настоящего времени [Ц.Цэдэндэмба, 1970, с. 11].

Деепричастные формы.

Деепричастия в монгольских языках занимают первое место среди других глагольных форм (повелительно-желательных, изъявительных, причастных) по разнообразию форм и значений, частоте употребления в предложениях. Они объединяются общим признаком формальной неизменяемости. Образованные от глагольных основ посредством различных формантов, они предстают как законченные, неспрягаемые и далее неизменяемые (за некоторыми исключениями) глагольные формы. По сравнению с причастиями, в которых присутствуют как глагольные, так и именные признаки, в деепричастиях явно преобладают глагольные черты.

В отличие от других глагольных форм они являются формами "незаконченной предикации", ибо время совершения обозначенного ими действия полностью зависит от конечного сказуемого, т.е. заключительной глагольной, собственно предикативной формы. И в этом отношении целиком зависит от управляющего глагола [Санжеев, 1963, с. 221]. Следовательно, деепричастия характеризуются наличием относительного временного значения, т.е. они выражают время не по отношению к моменту речи, а по отношению ко времени заключительного глагольного сказуемого. Наличие в деепричастиях относительного глагольного времени - это их общий признак, на который обращали внимание многие лингвисты.

В отличие от собственно предикативных, изъявительных и некоторых других глагольных форм, где временные значения находятся в прямом отношении с моментом высказывания, в деепричастиях они всегда опосредствованы через значение заключительного глагола-сказуемого.

Но это, однако, не означает, что временные значения деепричастных форм всегда и обязательно совпадают с таковыми заключительного сказуемого. Нередко они бывают и разные. Действие, выраженное деепричастием, может предшествовать заключительному действию, быть синхронным с ним или следовать после него. Это зависит от формы деепричастия, семантики его производящей основы, а также семантики глагола, к которому соответствующее деепричастие относится, а также контекста в целом.

По происхождению, структуре, семантике и употреблению в предложении монгольские деепричастия делятся на две группы: к первой группе относятся всего три деепричастия: соединительное, слитное и разделительное, а ко второй - все остальные: условное, уступительное, продолжительное и др. В монголоведной литературе

первые называются "сопутствующими", а вторые - "обстоятельственными". Мы отказались от термина "сопутствующие", так как это название не соответствует всему многообразию значений и функций этих трех деепричастий и предпочитаем делить на деепричастия I и деепричастия II (Подробнее см. Орловская, 1984, с. 135).

Между этими двумя группами деепричастий существуют различия не только в их значениях и функциях, но и в их происхождении. Первые три - сформировались в далекой древности. Во всяком случае в письменных памятниках XIII-XIV вв. они предстают как сложившиеся формы, дошедшие в таком же виде до наших времен. Что касается второй группы, то эти же памятники свидетельствуют, что многих из современных форм в то время еще не было или они только формировались, как, например, форма на =*ysayag* из окончания причастия прошедшего времени на =*ysan* и показателя орудного падежа =*yaг*. Можно проследить более позднее образование уступительного деепричастия на =*bᠰu* из форманта изъявительной глагольной формы прошедшего времени на =*ba* и усилительной частицы *ᠰu*. И хотя в языковом сознании современных монголов этот суффикс считается неразложимым, а само деепричастие обладает и другими признаками, присущими всем без исключения деепричастиям, а именно невозможностью "сочетаться с полифункциональной глагольной формой гэх "говорить", которая может служить дистрибутивным элементом, определяющим деепричастные формы" [А. Шархуу, 1971, с. 7], это дало основание некоторым исследователям не относить форму на =*вч* к деепричастиям. Основанием для этого послужила прозрачная разложимость этого суффикса на составные элементы: форму прошедшего времени + усилительная частица [Козырев, 1958, с. 182].

Прозрачная разложимость форманта уступительного деепричастия на его составные элементы не дает основания для отрицания существования этого деепричастия в современном монгольском языке (многие составные суффиксы разлагаются на их исходные элементы), но надо признать, что в древних монгольских текстах уступительного деепричастия еще не было, ибо частица *ᠰu* / *ᠰi* с формой на =*ba* употреблялась крайне редко и только в качестве усилительной частицы.

Если разряд первой группы деепричастий стабилен и состоит, как уже отмечалось, из трех деепричастий, то этого нельзя сказать о второй группе, ибо многие из имеющихся в современном языке, отсутствовали не только в древнем, но и в классическом монгольском, как, например, формы на =*нгаа*, =*нгуут*, =*хлаар* и др.

Деепричастия I. Соединительное деепричастие (форма на =*ju* / =*ᠵᠦ*, =*ᠰu* / =*ᠰᠦ*). Это наиболее распространенное в древних текстах деепричастие выявляет различную степень зависимости от заключи-

тельного сказуемого. А кроме того оно и само выполняло роль сказуемого в сочетании со связками и служебными глаголами. В таких случаях деепричастная форма обозначала конкретное действие, а связка или служебный глагол оформляли сказуемое грамматически и придавали ему временное значение, а также видовые или модальные оттенки. Так, со связкой *amu/amui* (форма настоящего-будущего времени от глагола *a* = "быть") соединительное деепричастие обозначало действие настоящего времени со значением продолжительности или длительности в плане этого настоящего, например: *Edüge küi jing ᠔n=ü ᠔nsi bolʻan tüsigdefü amu* [Cl., 1335, с. 75] "Сейчас он назначается в качестве *᠔nsi* у Куй Жинг уна"; *Yadan=a Gün Mören neretü sildegen=dür=i: yayiqamsiy=a bosqaju amu kegür=ün ger=i* [Cl., 1362, с. 68] "Снаружи, у деревушки Гун-Мурэн, воздвигнут великолепный склеп". Здесь действие представлено как настоящее в прошедшем ("есть воздвигнут"). Это предложение интересно и тем, что прямое дополнение (*kegür=ün ger=i* "склеп") стоит после сказуемого, что не характерно для структуры монгольского предложения. Но в данном случае это объясняется необходимостью аллитерации в данном тексте. *Edüge ber bögesü mön kü yosuyar turbiju amui* [УМУДБ, с. 58] "Сейчас именно так согласовывают".

Со связкой *bölüge / bölegei* (форма прошедшего времени от служебного глагола *bō = / bᠦ* "быть") соединительное деепричастие обозначало такое действие в прошлом, участником или свидетелем которого может оказаться и сам повествующий, например, *Bide aqanar degüner maqun qaračus=un tasiy=a üges=iyer dur=a qočarulčaju bölegei* [УМУДБ, с. 70] "Мы, старшие и младшие братья, по лживым словам жалких простолюдинов, утратили [свою] волю".

В качестве служебных глаголов, указывающих на временную отнесенность действия, обозначенного деепричастием, придающих деепричастиям различные видовые оттенки, употреблялись и полнозначные глаголы с той или иной степенью ослабленности своего лексического значения. Их служебная функция проявляется только в деепричастных сочетаниях. Это глаголы: *ög* = "давать", *ab* = "брать", *bayu* = "быть", "находиться", *yabu* = "идти", "ехать", *sayu* = "сидеть", "жить", *ige* = "приходить" и некоторые другие. (Аналогичные сочетания нами уже описаны ранее в других работах: см. Орловская, 1980, с. 3-19; 1984, с. 137-147. Поэтому здесь мы приводим лишь отдельные примеры, употребление и значение которых соответствуют таковым в классическом и современном монгольских языках).

Соединительное деепричастие в сочетании с глаголом *ög* = "давать" передавало значение направленности действия в чьих-либо интересах или значение законченности, завершенности действия, обозначенного в основе деепричастной формы, например: *epe ayun...*

per=e soyurqaǵu ögbei [Cl., 1362, с. 63] "По этому случаю [Император] пожаловал [ей] титул..."; ...per=e nemeǵu ögçügü [Cl., 1362, с. 65] "Добавил титул..."; Bi [çimada] ügüleǵu ögsü [HC, 2 а] "Я [тебе] скажу (позволь мне сказать тебе)". А в сочетании с глаголом ab= "брать" деепричастие обозначало совершение действия в интересах действующего лица; Temüǵin Qasar qoyar=aça... Bekter Belgütei qoyar bulıǵu abuba [Ск.ск., § 76] "Бэктер и Балгутэй отобрали у Тэмуджина и Хасара [рыбку]".

Глагол yabu= "идти", "ехать" придавал деепричастному сочетанию значение действия в движении или его продолжительности: Bi Ma'aliq-baya'udai yadaǵu yabumu [Ск.ск., § 15] "Я Малиг-баяудай [и я] страдаю (страдаю иду); ...hümegei helige ebürütü yabumu [Ск.ск., § 152] "... [А теперь] прячет за пазухой подлость (прячет за пазухой идет)".

Глагол ire= "приходить" передавал значение направленности действия в данную сторону, а также его законченности или приближения к завершению: ödün hüsün anu burqalıq çasun metü batarajı keyisǵu iremü [Ск.ск., § 31] "Перья их летали [на ветру] словно хлопья снега"; Qasar... a'uruq=tur bawıǵu ireba [Ск.ск., § 253] "Хасар остановился во дворце [Чингиса]"; Jelme Burqan-Qaldun=aça bawıǵu ireǵın [Ск.ск., § 211] "Когда Дзэлмэ спустился с [горы] Бурхан-халдун".

Соединительное причастие употреблялось также в качестве однородных членов предложения при перечислении ряда следующих одно за другим действий, а также в качестве организующего центра, средства связи частей сложного предложения в "полипредикативных конструкциях". В таких случаях деепричастия имеют свой субъект (источник) действия, они функционально более свободны и независимы от заключительного сказуемого.

В качестве однородных сказуемых это деепричастие обозначает действия, предшествующие заключительному: üdür büri man=tur ireǵu esükçileǵu odumu [Ск.ск., § 31] "Каждый день приходит к нам, пьет кумыс и уходит"; dörben kö'üt inu Dobum-mergen abaqa=yu'an uruq=a ülü bolqan doromǵıǵu qaqaçaǵu gęǵu newüba [Ск.ск., § 11] "Четыре его сына Добу Мэргэна не считали своим дядей, унижали [его], отделив, оставили и откочевали". Как в первом, так и во втором предложениях соединительными деепричастиями обозначен ряд действий, равных по своей объективной значимости с заключительными действиями, обозначенными изъявительными глагольными формами: настоящего, будущего времени в первом из предложений и прошедшим во втором. Однако в грамматическом плане (время, наклонение) все они зависимы от конечных изъявительных глагольных форм, поскольку сами лишены грамматических средств выражения предикативности. В таких случаях время, обозначенное в изъявительных формах

распространяется и на действия, выраженные деепричастными формами.

Помимо функции однородных сказуемых в распространенных предложениях соединительные деепричастия могут входить в состав обстоятельственных деепричастных конструкций в качестве их составного члена или сами с относящимися к ним словами составлять обстоятельственные обороты: Ede tabun jüil=i tegüsgeǵu yabun çidabasu tendeçe sayı eçige eke=degen tabıǵan çidayçı kemeldüyü [HC, 22 а] "Если [он] сможет действовать так, чтобы осуществить эти пять принципов, тогда сможет называться способным почитать своих родителей". Çinggis qaǵan se'üder=tür sa'ıǵu qurım doraça üjeǵu qarçu ireǵu ügülerin [Ск.ск., § 131] "Чингис-хан, сидя в тени, наблюдал за пиром, [потом] выйдя, подошел и сказал".

Слитное деепричастие (форма на =n). Функции слитного деепричастия в предложении во многом общие с таковыми соединительного, хотя имеются и некоторые отличия (о чем ниже).

Подобно соединительному деепричастию слитное со связками и служебными глаголами выступает в функции заключительного сказуемого в предложении, где само деепричастие определяет значение совершаемого действия, а связка или служебный глагол указывают на время действия, а также на модально-видовые характеристики.

Со связкой aǵu~ aǵıııı оно обозначало действие, совершившееся в прошлом с экспрессивно-модальным оттенком некоторой неожиданности случившегося или категорического утверждения: Belerçe üyud=un qan inu Bis Baliy=a orusin sayun aǵıııı [Cl., 1362, с. 49] "С давних времен уйгурский хан постоянно проживал в Баш-Балыке"; tede tatar tanin aǵıııı [Ск.ск., § 67] "Те татары оказались знакомыми"; boyda sayid... suryan aǵıııı [HC, 18a] "мудрецы ... учили"; çı bidan=i tülesilen aǵıııı [Ск.ск., § 161] "Ты обманул нас"; aqa de'ü=de'en teyin ele naitaqdan aǵıııı [Ск.ск., § 82] "Именно так надо надеяться на своих старших и младших братьев".

Со связкой buyu обозначалось действие, относящееся к настоящему моменту с оттенком его несомненности или категоричности: niken gü'ün ayısın buyu [Ск.ск., § 32] "Приближается какой-то человек"; Ya'un gü'ün=nü eme teyin ayılan buyu [Ск.ск., § 146] "Что это за женщина так плачет?"; ere=yı minı ende çer'üt barıǵu alan buyu [Ск.ск., § 146] "Моего мужа здесь схватили солдаты и убивают".

Со связкой buı выражалось действие так называемого "настоящего расширенного", т.е. обычного, в данной ситуации: Tegünçilen ebeçin jobalang ber amıtan=u öngge çirai=yı bulıǵu singtarayul=un buı [ТД 24, F 5 v] "Точно также переживания, вызванные болезнями и страданиями отнимают и разрушают красоту (цвет) лица живых существ";

...misiq=a=yin nom jrtü busi ülü bolqan bui]=a [УМУДБ, с. 49] "[Это] конечно, не противоречит христианству".

Редкий случай представляет собой пример на употребление в форме слитного деепричастия архаичного глагола а= "быть", "существовать" - an, ибо от этой глагольной основы ранее зафиксированы почти все общеизвестные глагольные формы, кроме an, а именно: ају'у ~ ајуу ~ ајууи, аму ~ амуи, ақсан ~ ақсан, абау, адау, а'ай, абаи, ају, ақу, ақуи, ақун, асуқай, атуқай, атата [Hill, с. 33].

В приводимом ниже предложении эта форма нам встретилась впервые: uridus=un sür sünesün mön tendeken=e ülegü uqaju an bui [HC, 33 а-б] "только тогда величественные духи предков не проявляют [себя]". Видимо, в то время глагол а= имел почти полное спряжение (форма на =луа не зафиксирована; ülegü = üle ~ ülü+gü ~ kü).

Связка бүле'е / бөлүге указывала на действие, происходившее в прошлом: жүркин=еёе Buri-bökö tere qurim jasan бүле'е [Ск.ск., § 131] "От джуркенов тем пиром заправлял Бури-буку".

Слитное деепричастие в сочетании с глаголом уабу= "идти" обозначало действие в процессе движения: Sartayçin ayan ayalan yabuju... [Cl., 1362, с. 62] "Отправляясь (отправляясь идя) в сарчинский поход ...".

Довольно распространенным было употребление слитного деепричастия с модальными глаголами čida= "мочь", yada= "не мочь, не суметь". В таких случаях выражалась возможность или невозможность осуществления обозначенного в глагольной основе действия: ede yurban jüil=i tegüsgen čidabasu tendeče sayi uridus=dayan taqil tabiy=un üile saqin čidamu]=e [HC 7 а-б] "Если можно осуществить эти три вещи, то только тогда можно сохранить дело жертвоприношения предкам"; ečige eke=yügen tejiyegen čidabasu... [HC, 10 а] "Если они смогут прокормить своих родителей..."; Qoyitus uruy inu ede üges=iyer yabun čidabasu... [Cl., 1335, с. 76] "Если последующие поколения смогут следовать этим словам..."; čöle qayaly=a olun yadaju... [ТД 48, F 39 v] "Не смог найти свободную дверь..."; ütü ču kümün=e ünen kü yaqun yadaqu metü bekilegülbei [ТД 30, F 15 r] "[Она] заставила укрепить ворота, так что даже маленькому человеку нельзя было выйти".

Подобно соединительному, слитное деепричастие обозначало и ряд однородных, самостоятельных и как бы "законченных" действий, что дало основание некоторым исследователям считать, что это деепричастие употребляется в качестве verbum finitum [Cl., 1985, прим. 10 с. 243]. Характерным примером является следующее предложение: ...uyilaqui=dur jasadaylaju ülü uyulan töröleküi=dür mösiykü čirai=ban ülü edügülün ügüleküi=dür ügeben nayirayulun ülü ügülen sayin qubçasun

amüsbesü doturaban ülü amun quyur dayun sonusbasu ülü kögjin amta-
tu-yü idebesü amtan inu ülü ayustan eyin kibesü yasulqu sinalqu=yin joriy
bolu [HC, 35 б-36 а] "Если [сын] оплакивая [родителей], не плачет ли-
цемерно, когда совершает обряд, не явит улыбающегося лица, когда
говорит, слов не украшает, когда одевает хорошую одежду, этим не
утешается, слушая звуки своего хуура (музыкальный инструмент -
МО), не восхищается, когда ест вкусное, не находит это приятным,
если он так поступает, это и будет выражение скорби и страдания".

Как видим, в этом тексте каждый из его отрезков заканчивается слитным деепричастием и представляет собой по смыслу как бы вполне законченное предложение. Однако отсутствие в деепричастии грамматически выраженных категорий времени, наклонения, дающих возможность строить законченное предложение, не позволяет рассматривать эти составные части в качестве самостоятельных предложений, а деепричастия в качестве verbum finitum. Эти незаконченные в грамматическом плане однородные "предложения" по грамматическим законам монгольского языка объединяются одной общей глагольной связкой, в данном случае - это связка болу - изъявительная форма настоящего-будущего времени от глагола бол= "становиться" с модальным значением достоверности, убежденности в совершении обозначенного в глагольной (деепричастной) основе действия. Форма на =у / =уу часто употребляется в различного рода поучениях, наставлениях, изречениях, о чем свидетельствует и приведенное выше сложное предложение, когда совершение обозначенных в деепричастиях действий не подлежит сомнению. В данном случае значение глагольной связки болу относится к каждому из деепричастий.

Кроме того слитное деепричастие, как и соединительное, выполняло и роль различных обстоятельств, при которых осуществлялось заключительное или следующее за деепричастием другое действие. Например: ger=teče ülü yaqun siliyurqaqun ger=ün egüden toqoy=a=ača siyayabai [ТД 43, F 32 v] "Не выходя из дома, подсматривали [за ним] через дверные проемы домов"; yosutu sayin=i inu dayan eteged mayu=yü jalan aburaydaq [HC, 34 б] "Исправлять необычное и плохое [в нем], следуя правильному и хорошему [в нем]"; ge'üd=iyen ülü sa'an talbiqsat aju'u [Ск.ск., § 145] "[Они] отправили своих кобылиц недоенными"; Esenbuq=yü mongyolçilan orçiyuluyad uiyurçilan biçigülbei [Cl., 1362, с. 62] "Заставил Эсэнбуха, переведя на монгольский, написать по-уйгурски". ("На монгольский" и "по-уйгурски" обозначено формами слитного деепричастия от соответствующих глагольных основ).

Нередко в обстоятельственной функции употреблялись парные одно- или разнокорневые сочетания слитного деепричастия. В таких

случаях усиливалось, подчеркивалось значение передаваемого действия или указывалось на его ритмичность или продолжительность: ... *šibiltü Simnu ülemji masi yasiyudaŋu ukilan ukilan oron=dur=iyau qaribai* [ТД 49, F 40 v] "... грешный Simnu чрезвычайно опечалился и горько плача (досл.: плача-плача), вернулся в свою страну"; *suu=tu qaŋan soyurqaŋu... aitan ŋirai=dur oran ɣarun yabuŋu asaraɣdayad...* [Cl., 1362, с. 67] "Мудрый хан благоволил к нему... и позволял всегда ходить и выходить (досл.: ходить входя-выходя) в присутствии Императора (досл.: при Золотом Лике)"; ...*nigen tngri asuruqan masi enel=ün sinal=un ɣasa=un nigül odqu metü ukilaŋu ögüler=ün* [ТД 35, F 22 v] "...божество очень сокрушалось, горюя, печалясь и рыдая, словно впадая в грех, сказало".

В современном языке широкое распространение получила еще одна функция слитного деепричастия, его своеобразная "субстантивация". А именно, оно участвует в образовании составных наименований и терминов (слитное деепричастие+слово-имя), например: нягглан бодох (досл.: тонко разбираясь думать) > "бухгалтер", эдлэн газар (досл.: пользуясь земля) > "угодье", "владение"; тойрон аялан (досл.: обходя путешествуя) > "туризм". При этом происходит особого рода эллипсис, когда опорное слово опускается, а все прежнее значение передается одним деепричастием: нягглан бодох > нягглан "бухгалтер", тэнсэн хугацаа (досл.: испытывая срок) > тэнсэн "испытательный срок" и т.д. В языке - это довольно позднее явление, но оно постепенно расширяется и проникает в сферу словообразования как синтаксико-морфологический тип словообразования [А. Шарху, 1971, с. 13; Пюрбеев, М. 1984, с. 95].

Разделительное деепричастие (форма на =ɣad / =ged; в "Ск.ск.": =at / =et).

Отметим, что в древних текстах сфера употребления разделительного деепричастия значительно уже по сравнению с двумя предыдущими - соединительным и слитным.

Основной функцией этого деепричастия в предложениях было обозначение действия, предшествующего другому, законченному или заканчивающемуся к началу другого действия. Причем временной промежуток между действием, обозначенным разделительным деепричастием и следующей за ним глагольной формой могло быть разным: от совсем короткого, когда за одним действием вскоре следует другое, до значительного по времени.

Действие следует непосредственно за предыдущим, выраженным разделительным деепричастием: *Činggis qaŋan ene üge sonosu'at qaraŋaŋu...* [Ск.ск., § 146] "Чингис-хан, услышав эти слова, поскакал..."; *ene kelen sonosu'at Činggis-qaŋan masi kilinglaŋu ögülerün* [Ск.ск., § 136] "Чингис-хан, услышав это донесение, очень рассердившись

сказал". Это могла быть и обычная последовательность действий с более длительным промежутком времени перед завершением основного действия: *bögötür qongqog=i unu'at boro örmüge=ben böktürü'et Belgüte=i=lü'e ireba* [Ск.ск., § 95] "Оседлав горбатого буланого и перекинув через него свою простую бурку (рогожу) прибыл с Бэлгүтэ-ем"; ...*sayin ner=e qoyidus=a aldarsuyuluyad ečige eke=yin sayin=i manduɣulbasu taqimdayu bolqu=yin üfögükü üile* [НС, 2 б] "...если [мы] прославим [свое] доброе имя для потомков, то посредством этого распространим лучшие качества [наших] родителей, это и будет продолжением [их] почитания".

Разделительным деепричастием обозначались также действия в прошлом, следовавшие один за другим с неопределенным интервалом между ними: ... *nögüge=te Wan yang gün gün ner=e öggüged, ɣutuyar=ta Gün Wusin ba Gün tai wušin: Gi gui tai wusin ner=e ögüged... ene ayan basa Si ning ong Wušin ner=e soyurqaŋu ögbe* [Cl., 1362, с. 66] "...во-вторых, [он] пожаловал титул Wan yang gün gün, в-третьих, пожаловал [ее] титулами Gün Wusin Gün tai wušin и Gi gui tai wušin... по этому случаю Император снова почтил титулами Sining ong wušin".

В зависимости от лексического содержания глагольной основы действие, обозначенное разделительным деепричастием, могло быть длительным или неоднократно повторяющимся, особенно если это парные или близкие по значению глагольные основы, в таких случаях обычно - это обстоятельства, при которых совершается заключительное действие: *urida tobčiyau]=e qadaɣalaysan=ača siltaŋan yadaŋu ayuɣad nemiged bii tas=un ayahus=i silüg selte joqiyau* [Cl., 1362, с. 67] "Из-за того, что раньше мне было поручено [бюро] истории, я не был в состоянии найти предлог [для отказа] и поэтому в страхе и тревоге (убоявшись, устрасясь) составил текст (звуки) вместе со стихами"; ...*silgüdüged ayuɣad gün čegel=ün dergede yabuqu metü* [НС, 5 б] "...словно трепеща и дрожа от страха (страшась) идти по краю (возле) бездны (глубокого родника)"; *söni düli boltala bökleksen čisun=i ama'ar dü'üreng jalki'at asqa'at söni düli nököč'esü...* [Ск.ск., § 145] "Всю ночь до рассвета он [отсасывал] ртом [его] запекшуюся кровь, то глотая, то сплевывая, когда он был полон, ... так миновала ночь...".

В монголоведной лингвистической литературе уже отмечалось, что между тремя деепричастиями I-ой группы "нельзя провести такой резкой черты, чтобы одно нельзя было употребить там, где употреблено другое [Бобровников, 1849, с. 306]. "Очень часто соединительное и разделительное деепричастия в речи употребляются одно вместо другого" [Санжеев, 1963, с. 232]. Это подтверждают в своих исследованиях и монгольские языковеды [ОЦМХЗ, 1966, с. 167].

Добавим, что это относится и к слитному деепричастию, которое нередко употреблялось так же, как и соединительное (см. примеры выше). В предложении: Činggis qahan üjeju nidün=eče=en nilbusun čuburi'ulju duran alja'at qal ötür tüle'ülü'et qala'un da'a'ulu'at Öködei=e undän eri'ülju ökke'ülju dayisun ire'esü qatqulduy=a ke'eju büle'ei [Ск.ск., § 173] "Чингис-хан, увидев это, очень опечалился, из глаз полились слезы, [он] велел тотчас же развести огонь, прижечь рану и напоить Огэдэйя, а если появится враг, вступить в сражение" - действия, выраженные соединительными деепричастиями üjeju "увидев", čuburi'ulju "полились", произошли раньше тех, которые обозначены разделительными формами, хотя, исходя из значения этих деепричастных форм предшествующему действию, следовало бы быть обозначенным разделительным деепричастием. Употребление соединительного деепричастия раньше разделительного можно объяснить тем, что первые два действия происходят непосредственно друг за другом "увидев, заплакал", тогда как последующие "велел развести огонь" и "прижечь рану" с соответствующими промежутками. Но с другой стороны, там, где действия следовали одно за другим без большого промежутка времени, они также могли быть выражены разделительным деепричастием: Buqu-qatagi aqa inu üje'et taniju abu'at uduritču Onan müren ö'ede qataraju yorčiju talbiba [Ск.ск., § 32] "Букахатаги, увидев, узнал старшего брата и поскакал вслед за ним вверх по реке Онон".

Взаимозаменяемость трех деепричастных форм I-ой группы часто связана со стилистическими и эвфоническими обстоятельствами во избежание тавтологии в одном и том же предложении. Но такая свободная взаимозаменяемость отсутствовала тогда, когда одно действие служило причиной или противопоставлением другому: edüge tere mög=i bütüküi=e ene bey=e=dür küčün ügei=yin tulada ende bütügen ülü čidayad ene beyeber bodi jirüken=dür ese odbasu... [ГД 49, F 41 г] "Если я теперь не удалюсь [пребывая] в этом теле к Bodhi manda, будучи не в состоянии завершить [здесь] тот путь, так как нет сил завершить это, оставаясь в этом теле...".

Деепричастия II. Характерной особенностью деепричастий этой группы является их семантико-синтаксическая однозначность, так как в большинстве своем они указывают на различные обстоятельства совершения действия: время, условие, цель, образ действия и т.п. Время действия, обозначенного этими формами, как правило, предшествует действию, выраженному в заключительном сказуемом, но и зависит от последнего.

Условное деепричастие (форма на =basu / =besü - реже =yasu / =gesu; в "Ск.ск.": ='asu / ='esü).

Значение условного деепричастия выявляется в сложных предложениях, где оно образует различные обстоятельственные деепричастные конструкции, при этом форму условного деепричастия получает и служебный глагол, сочетающийся с деепричастиями I-ой группы.

Распространенным является значение условий, при которых совершится (или не совершится) действие, заключительного сказуемого: ...eyin kibesü yasulqu sinalqu=yin joriy bolu [HC, 36 a] "...если действует так, значит намеревается горевать и печалиться [о мертвых]"; ...igen=i öber=ün köbegün sibayun metü tayalaju yabubasu ta eregü ...tür ülü ogojad... [Cl., 1362, с. 65] "...если вы любите народ как своих сыновей, вы и на себя не навечете наказания и вреда". Частица ber придавала действию, обозначенному условным деепричастием, усилительно-выделительное значение: ...ödür=tür yurban qatayun aduyusun=u miqabar tabiy labasu ber aci ügei taqimdayu kemogdeyü kemejügü [HC, 23 a] "...даже если [он] будет ежедневно приносить в жертву мясо трех видов скота, это будет называться сыновним почтением без заслуг".

Вторым распространенным значением условного деепричастия было обозначение времени, в момент которого или вслед за которым совершается другое действие. "Значение времени в условной форме - так писал Э.Севортян, - предшествует значению условности" [Севортян, 1960, с. 7], поэтому в более древних текстах временное значение преобладало над условным: Il qan=u čerigüd Misir=un jug (вм. [q - MO] mörilebesü (вм. morilabasu - MO) bide ber endeče mörilejü [УМУДБ, с. 37] "Когда войска Ил-хана направились в сторону Мишира, мы также выехали отсюда"; tede irge abubasu Urislim=i tan=a ogyu=e (вм. öggüy=e - MO) [УМУДБ, с. 38-39] "Когда покорим (захватим) те народы, вам отдадим Иерусалим"; ...ečige eke=yin sayin=i mandulbasu tagimdayu bolqu=yin üjügükü üile buyu [HC 2 б] "Когда прославляют доброту своих родителей, это ведь и будет выражением почитания [их]"; qoyin=a iduy qud deger=e ayuljan yarču irebesü mön Aтайbug=a ayuy=iyan abuyad dayan ireküi=dür ...Yungčang=a nun- turyaysan ajuyu [Cl., 1362, с. 64] "После, когда идук-худ выехал для встречи с Императором, и когда тот самый Атай-буха последовал за ним со своим лагерем..., он расположился в Yungčang=e"; ...ada=tu üile=dür učirabasu ber qatayu joriy=iyan ülü qarjulun aysan ajuyu [Cl., 1362, с. 63-64] "...когда встречался с опасными делами, не утрачивал своей твердой воли"; ...gürju irebesü Bodončar mün aju'u [Ск.ск., § 32] "Когда подъехал, оказалось, что это был Боданчар".

Деепричастие на =basu / =besü имело и уступительное значение, указывая на то, что действие может произойти вопреки какому-то другому действию. В монголоведной литературе высказывалось мнение, что уступительное значение этому деепричастию придает следующая за ним частица *ber* [Санжеев, 1963, с. 240; 1964, с. 124]. Некоторые примеры, действительно, подтверждают этот факт: ...tügem=e dügü reng bolbasu ber ülü bisqariqu metü [НС, 5 а] "...хотя и наполнены через край (полностью), [они] не выливаются"; paragan=a čilgegedebesü ber kei=e keyiskegedebesü ber: simary=a qur=a=da sirbigdebesü ber: simuyul sona=da idegdebesü ber: amuri dalda ülü eriküi=eče yaγ=iyān daldaysan ber ügei [ТД 48, F 39 г] "Хотя был высушен солнцем, хотя был обдуваем ветром, хотя был отхлестан пургой, хотя был съедан комарами и оводами, [он] не искал ни спокойствия, ни укрытия и даже не прятал рук своих".

Однако, как уже отмечалось выше, частица *ber* придает усиленно-выделительное значение и условному содержанию этой деепричастной конструкции (см. примеры на условное значение). Кроме того форма на =basu / =besü передавала уступительное значение и при отсутствии частицы *ber* [Орловская, 1984, с. 167-168], а в сочетании с *ber* имела не только уступительное, но и временное значение: ...silam=tur orabasu ba esebesü ber qačsa möngke tngri mede kemejü... [УМУДБ, с. 48] "... когда совершать или не совершать омовение, знает только Вечное Небо".

В условном деепричастии могло содержаться и целевое значение, например: ...čeriγüdi nemegülbesü yaqu joqıqu [УМУДБ, с. 39] "...что надо, чтобы увеличить войско?". Следовательно, условное деепричастие передавало широкий круг значений: от условно-временных до уступительно-целевых. Что же касается частицы *ber*, то она усиливает любое из них. Многое в содержании этой глагольной формы зависит от контекста, смысла деепричастной основы и основы заключительного глагола.

Если форму условного деепричастия имел глагол *keme*= "говорить", "сказать" (*kemebesü*), то в предложении он обозначал "что касается", например" .. Jigüntei kemebesü ujaγur Sengge ay=a=da injes bolu/n/ ögtejü... [Cl., 1338, с. 53] "...что касается Джигунтэйя, то будучи представлен сначала принцу Сэнгэ как injes..."; Siltayan kemebesü... keme irgen=i soyun suryaγuγu [НС, 36 а-б] "Что касается причины, то поучал народ, говоря...".

Деепричастие предела (форма на =tala / =tele).

Эта форма чаще всего обозначала действие, которое указывало на степень или предел совершения следующего за ним действия, например: degedü bodi qutuy=i ese oltala... qariju... kabaly=tu ülü oγoqu

ТД 35, F 23 v] "Я не вернусь и не вступлю в Kapilavastu до тех пор, пока не найду высшую святость..."; kejju=e=de köbegün=i ese buu iredkün [ТД 38, F 26 v] "Не возвращайтесь до тех пор, пока не найдете мальчика..."; bodisdv kejju=e duran tayalatala... baγa-sar=dur aju [ТД 44, F 34 v] "Бодхисатва находился в городе столько, сколько хотел (досл.: до тех пор, пока нравилось)"; ...irgen=i inu kesesü=er keyistele tala'ulba [Ск.ск., § 265] "...народ его развеял в пепел (развеял до тех пор, пока стал пеплом)".

Иногда деепричастие предела содержало о себе и целевое значение: .. aytas=iyān čattala ene sa'ari=keer=i delgen bawuju... [Ск.ск., § 193] "...остановились в Саари-көөри, чтобы досыта накормить своих детей".

Кроме того это могло быть и действие, вслед за совершением которого наступало другое: ...de'ermē irejü üjetele de'eremetčü yorčiba [Ск.ск., § 90] "... подъехали грабители и как только увидели [коней], уехали и уехали"; Soqtaqu=yi minu sergütele önečit üčiget de'ü=ner=iyen bibisün beri=yen Berüde... asaraqu=yi qahan aqa medetügei ke'e'et [Ск.ск., § 272] "Он сказал: «Брат-хан пусть знает: [я] как только протрезвлю, буду опекать младших братьев- сирот и вдову-невестку Бэрд...»".

Если заключительное сказуемое выражено будущим причастием в сочетании со связкой *büle'e*, то деепричастие предела обозначало действие, до наступления которого должно совершиться конечное действие: Söni=de üdür čayıtala бүлекү бүле'e [Ск.ск., § 85] "Всю ночь до рассвета (пока не рассвело) должны были взбивать кумыс"; bi morin unu'at üjetele edüi ja'ura ülü'ü iregü бүле'e [Ск.ск., § 145] "Я бы осадил коня и, пока [они] увидели бы, быстренько вернулся".

Этим деепричастием могло обозначаться и действие, когда или в процессе которого совершается другое действие: ...Bo'orču Muqali qoyar ja/b/ minu yabutala jiktüjü buru'u=yi minu bayıtala itqaγu ene otol=tur gürgēba [Ск.ск., § 205] "Когда я правильно поступал, Боорчи и Мухали одобряли, когда ошибался, отговаривали, так я достиг этого места".

Деепричастие на =tala обозначало и такое действие, вопреки которому несмотря на которое совершалось другое действие. В таком случае оно имело уступительное значение и обычно переводилось со словом "хотя": bi üčügüken boyol түсимел Üi Suu ülü čidaqu budayū oyitu kältün bögetele... bii tas=un ayaγus=i silüg selte joqiyaγu... [Cl., 1362, с. 67] "Хотя я маленький раб, чиновник Уй Суу, человек без способностей, с недалеким умом, ... я сочинил текст (звуки) стелы вместе со стихами".

Деепричастная форма *atala* (от *a* = "быть", "существовать") одна или в сочетании с *teyim* "так", *tedüi* "так", "тем временем" и с *qorum* ~ *qorumut* "секунда" обозначала "тем временем", "вскоре", "ментально": *atala Alan-qo'a eke anu ügei bolbi* [Ск.ск., § 22] "Тем временем мать их, Алан-гоа, скончалась"; *tedüi atala Duwa-soqor aqa inu ügei boluba* [Ск.ск., § 11] "Тем временем его старший брат Дува-сохор скончался"; *teyin atala Dowun mergen ügei bolba* [Ск.ск., § 17] "Тем временем Довун-мэргэн скончался", *qorum atala tünggeli[k]-qoroqan ö'ede niken gü'ün ayisun buyu* [Ск.ск., § 32] "Вскоре вверх по реке Тунгэлик проехал один человек"; *qorumut atala Mönglik-e'ige dolo'an kö'üt=lü'e=ben irejü...* [Ск.ск., § 245] "Вскоре подъехал Мэнлик со своей семьей сыновьями".

Формы *bolatala* (от *bol* = "становиться") и *kürtele* / *gürtele* (от *kür* = "достигать"), употребляющиеся в современном языке в роли послегогов со значением "до", "вплоть до", и в древних текстах уже выполняли подобную функцию: *...söni düli bolatala böklexen çisun=i ama'ar dü'ü reng jalki'at...* [Ск.ск., § 145] "...всю ночь до рассвета (до наступления рассвета) отсасывал и глотал запекшуюся кровь"; *Hö'elün gürtel eyin ke'ekdeküi bolbi* [Ск.ск., § 71] "[Все] вплоть до Оэлуна стали так оговаривать"; *...qurban ja'ut merkid=i uruq=un uruq=a gürtel hünüsü'=er keyistele ülitgeba* [Ск.ск., § 112] "...триста меркитов развеял в пепел вплоть до потомков его потомков".

В некоторых случаях деепричастие на *=tala* передавало редкое значение "вместо того чтобы": *...mön nasuda ügüler=ün qoyitus uruq=a ed tavar jögejü ögtele sayin ayalı aburi suraydayu bui* [Cl., 1335, с. 72] "...всегда говорил: «Вместо того чтобы накапливать товары и вещи и отдавать их потомкам, должно обучаться хорошим манерам»"; *edd'e paya=daça asaqtala qahan soyurqa'asu... mariyan=naça asaqu'asu ke'en* [Ск.ск., § 197] "Сейчас, вместо того чтобы спрашивать у Наая, если хан соизволит, пусть спросит меня".

Кроме того, типичной для доклассического языка являлось сочетание формы на *=tala* + *yaуu* "что", которое переводилось как "почему", "зачем", "для чего" совершать действие соответственно значению, обозначенному в глагольной основе или "что остается делать?": *çimayi ülü dayayçi: esrua terigüten=i ögületele yaуun: seçen bilig=ten kücü'ten köbegün çinu ber tegün=e bökeyimüi* [ТД 62, F 58 r] "Зачем надо говорить о Браһме и других, кто не следовал за тобой: даже умные, талантливые и сильные сыновья твои поклоняются ему"; *östü sakıliу=tai=yü ese daruju qaritala yaуun kemebesü...* [ТД 62, F 57 v] "Почему мы должны вернуться без покорения ненавистного сакья?"; *...qüçü yadan bö'etele qan bolatala ya'un ke'e'jü...* [Ск.ск., § 256] "...если [тогда как] не будет силы, зачем тогда хан?" Вопросительное местоимение *yaуu(n)* могло иногда и предшествовать деепричастию на *=tala*.

причем значение при этом не менялось: *dayusqui=a berke: ...tede jöbalang=ud... dayaju yabuqu=yü çu yaуun ögületele* [ТД 27, F 10 r] "...что остается сказать о тех страданиях, которые трудно выдержать?"; *tabun jüil yekes pouad=i yaуun ügületele bui* [HC, 14 a] "...зачем говорить о великих чиновниках пяти разрядов (классов)?"

Продолжительное деепричастие. Деепричастие на *=ysabar* / *qsäber* / *=kseyer* / *=qs'a'ar* / *=kse'er*.

Происхождение этой формы довольно прозрачно. Она состоит из окончания причастия прошедшего времени *=ysan* / *=gsen* > *=ysa* / *=gse* и показателя орудного падежа *=bar* / *=ber*, *=jar* / *=jer*, *=yar* / *=ger*. Тем не менее это деепричастие принадлежит к древним образованиям, так как было уже весьма распространенным в текстах XIII-XIV вв.

Круг значений этой формы также широк. Прежде всего она обозначала такое длительное действие, во время или в процессе которого совершалось следующее после него действие или действие заключительного сказуемого: *möngke tngri=yin ibegeliber yeke Mongyol ulus=un qan=i narbai=yü nignedkegülin jayayadaysabar... uiyudun qan Barçuy Ard iduy qud medelün irgen=iyeen abuyad oроju...* [Cl., 1362, с. 62] "Когда под покровительством Вечного Неба властину Великой Монгольской империи было предопределено судьбой объединить обширные владения..., уйгурский хан идук-худ Барцуг Ард, узнав об этом, пришел со своим народом"; *ene gödölügse'er sil'ui=a qaqaçan söni dülin gödölüya bö'et ke'e'eba* [Ск.ск., § 118] "Продолжая двигаться, быстро оторвемся [от Джамухи] и будем идти всю ночь"; *tendeçe Cinggis-qahan gödöljü Eder-Altai=yin belçir=iyer ketüljü tere gödölükseyer gödöljü Sa'ari=ke'er bawuba* [Ск.ск., § 161] "Чингис-хан пошел Эдэр-Алтайскими пастбищами и, продолжая по ним передвигаться, остановился в Сааре-кеере".

Действие, обозначаемое продолжительным деепричастием, могло оказаться и причиной для последующего действия: *ta qouar urida bayiqsa'ar ede bügün=i aqalaju ülü-tü aqun ta ke'e'eba* [Ск.ск., § 125] "Так как вы двое подружились прежде, вы всех их превосходите"; *...egenegte uidqari ügei üjügülen kücü öggügseber ayin soyurqaydabai bi* [Cl., 1362, с. 67] "...я был благодетельствован, так как всегда служил (продолжал служить) без усталости [Императору]"; *bayasqu sedkil=i anu abun çidayasabar e'ige eke=dür inu tabiylan çidayuyui* [HC, 15 a] "...поскольку [он] был в состоянии поддерживать их радостное настроение (радость их сердец), [они] смогли оказывать почести его родителям".

Действие, выраженное продолжительным деепричастием, иногда предопределяло или объясняло действие заключительного сказуемого: *Naçin noyan ügülerün bi urida imayi kümün bolumu j=e kemen*

sedkilege sedkigseber minu bolba kemegsen ajuу [Cl., 1335, с.76] "Начин-нойон сказал: «Прежде я думал, что он станет человеком, и случилось так, как я думал (как я продолжал думать)»; ...uridu aman aldaysayar angq=a urida edür=tür arça=yin niĵiged üre tegün=ü qoyina niĵiged tuturyan tegün=ü qoyina niĵiged künĵid terigüten=i idebei [ТД 47, F 38 г] "...в соответствии с прежними обещаниями он съедал в первый день по одной ягодке можжевельника, после того по одному зернышку риса, после того по одному [зернышку] кунжута и т.д."

Обозначая длительное, продолжительное действие, эта деепричастная форма выступала и в качестве определения к следующему за ним слову: tere dayijĵu qarugsa'ar čö'en gü'ün merkid=ün Toqto'a... [Ск.ск., § 198] "Продолжающий убежать с немногими людьми меркитский Тогтоа..."; tere nököcekse'er nököčeküi yosun teyimü [Ск.ск., § 95] "Такова причина (традиция) той продолжающейся дружбы [Боорчи и Тэмуджина]".

С глагольными связками (в редких случаях и без них) продолжительное деепричастие выполняло функцию заключительного сказуемого: tere asaragsa[n]'ar aju [Ск.ск., § 111] "Ее продолжали опекать"; ...tngri=yin joriĵi=ı dayan yabuysabar bolbai [Cl., 1362, с. 62] "...и продолжал действовать, следуя воле Неба".

Следовательно, это значение не является чем-то новым в современном монгольском языке [Санжеев, 1963, с. 244], а существовало уже в самых ранних письменных памятниках.

Целевое деепричастие (форма на =г=а/г=е). В древних текстах, как в современном и классическом монгольских языках, это деепричастие употреблялось с единственным значением: выражало действие, которое служит целью для совершения последующего или заключительного действия: Temüĵin abura ireba [Ск.ск., § 69] "Прибыл, чтобы забрать Тэмуджина"; ...uridu qad=tur inu taqir=a iregsen ajuу [HC, 14 а] "...пришли, чтобы совершить жертвоприношение прежним ханам"; Činggis-qahan..Qasar=i barira odua'su Güčü Kökөčü qoyar Qasar=i barira odba [Ск.ск., § 244] "Когда Чингис-хан отправился, чтобы изловить Хасара, Хучу и Хохочу также отправились ловить его"; ...bida beyes=iyen Činggis-qahan=a güčü ögüre ireba [Ск.ск., § 149] "...мы прибыли, чтобы отдать себя на службу Чингис-хану".

Деепричастие на =гун / =гүн. Эта форма в монгольском языке занимает особое место. Во-первых, она употреблялась только в письменных монгольских текстах, как ранних, так и классических и совершенно не известна живой, разговорной речи, а в современном языке лишь изредка встречается в произведениях эпистолярного жанра, где она образована от основ некоторых речевых глаголов и всегда предворяет прямую речь. Во-вторых, не совсем ясно ее про-

исхождение. Она то отождествляется с формой родительного падежа имен на =г, то с деепричастием на =п от тех же имен на =г.

Мы придерживаемся мнения, что эта деепричастная форма только внешне совпадает с формой родительного падежа на =ун, но генетически, скорее всего, связана с формой слитного деепричастия на =п, ибо родительный падеж, как известно, осуществляет грамматические связи между именами. Деепричастная же форма на =гун употребляется не однозначно: от предворения прямой речи до выражения временных, причинных и прочих синтаксических отношений в сложных предложениях.

В древних текстах, как и в классическом монгольском языке, эта форма употреблялась довольно часто и образовывалась не только от речевых, но и от многих других глагольных основ [Орловская, 1985, с. 80-86].

Одной из распространенных функций этого деепричастия является предворение прямой речи, откуда она и получила свое название "цитатное деепричастие", например: ...ilcin=iyer öĵiу iler=ün ll qan=ı berigüd Misir=un Juу mörilabası bide ber endeče mörilaju qamsay=a kemel... [УМУДБ, с. 37-38] "...через посла отправил донесение: «Если войска Ил-хана отправятся в сторону Мишира, и мы отправимся отсюда и присоединимся»; ... köbegüd=iyen iregüĵü geriyes üge talbir=un, ta nasuda uruysi... uridus=un sayin ner=e=yı buu yutuıadqun... [Cl., 1362, с. 64] "... [он] призвал своих сыновей и дал наставление (завещание): «Никогда не позорьте добрые имена своих предков»; mön Indu... köbegüd=iyen söyün surıar=un ta köbegüd nasun üčüken ali be ĵobalangud=i ee=e üĵebeı [Cl., 1362, с. 65] "Этот самый Инду наставлял своих сыновей: «Вы, сыновья, в детстве не видели никаких страданий»; Kongvusi ügüler=ün ene taqimdayu törü kemebesü... [HC, 11a] "Конфуций сказал: «Что касается этих правил почитания, то...»; Činggis qahan Jarliq bolurun Ong-qan=nu de'ü jaqa Qambu ĵirin ökit aju'u [Ск.ск., § 186] "Чингис-хан издал указ (произнес): «У младшего брата Ван-хана Джаха-хамбу есть две дочери»".

Однако, это не главная и не единственная функция этого деепричастия в ранних текстах. Пожалуй, самой распространенной оказалась употребление этой формы для обозначения сказуемого части сложного предложения с временным значением, например: tende Jamuq=a Ong-qan=lu'a qamtu gödölüĵü yaburun Ong-qan=a Jamuq=a ügülerün [Ск.ск., § 160] "Там, когда Джамуха и Ван-хан ехали вместе, Джамуха сказал Ван-хану"; teĵigen tabıylar=un bayasqayulqu=yı erkilegdekü [HC, 21 б] "Когда [сын] служит своим родителям, кормя [их], [он] должен доставлять [им] радость"; ečige=yügen kündüler=ün tngri=dür tenggeben taqiqui=ača degedü ügeı [HC, 17 а] "Когда почитают своего отца, ничего нет выше жертвоприношения [ему], наравне с Небом";

...aduγun=i eyin Joqis=iyar öskegülür=ün mōn nasu büri ügüler=ün [Cl, 1338, с. 53] "...когда таким образом заставлял увеличить число табунов, он также говорил каждый год..."; Yisüngke ondutur=un qurban jaqud qučin tabun aldaz=tur ondutiq=a [УМУДБ, с. 4] "В то время, когда Есунке стрелял из лука, [он] выстрелил на триста тридцать пять сажень"; Bodistv ögüler=ün: törg=ün γaγcaγar töroyü: ükür=ün γaγcaγar üküyü [ТД 36, F 24 v] "Бодхисатва сказал: «Когда рождаются, рождаются ведь в уединении, когда умирают, умирают ведь наедине»"; ja'ura odurun ba irerün ba gü'ün=ne es=e üjekdeba [Ск.ск., § 145] "По пути, ни когда отправлялся, ни когда возвращался, не был замечен людьми".

Кроме того, этой деепричастной формой обозначалось действие, которое могло служить целью или причиной другого действия: ay=a köbegül=iyen amin=i aburar=un ken=dür jalbarin öčisügei bi [ТД 46, F 37 r] "О, кому мне поклониться, чтобы спасти жизнь своему сыну"; epe ayain imayı wungsinglar=un... ner=e soyrqaju öggüged... [Cl, 1362, с. 63] "По этому случаю [Император], чтобы посмертно отблагодарить его..., пожаловал титул ...".

Довольно часто форма на =γun употреблялась в качестве сказуемого и не только части сложного предложения, но и всего предложения в целом: egečimet inu lbaqa-beki=yi Činggis-qahan ö'esün aburun döyimet Sorqaqtani-beki-yi Tolai=ya ökba [Ск.ск., § 186] "Старшую Ибага-беки Чингис-хан взял себе, младшую Сорхагтани-беки отдал Тулу"; ...aman qabar čikin=ü nüked=eče ber ayur yabuqu usadču: degere tolayai=ber γarurun [ТД 46, F 36 v] "...дыхание перестало идти через рот, нос, ушные раковины, [вместо этого] пошло через верх головы"; ...buluqat keremün qudalduγu abura ayisurun Baljuna usulan ogoqi=tur učiraba [Ск.ск., § 182] "...отправилась, чтобы закупить соболей и белок и встретились когда поили коней [в озере] Балджун".

Форма на =γun от глагола bū= "быть" передавала значение "что касается": Jigüntei бүрүн [Cl., 1338, с. 54] "Что касается Джигунтей'я..."; Qorum бүрүн [Cl., 1346, с. 27] "Что касается Хорума"; Kereyid=ün Ong-qahan бүрүн... urida Yisügei qan=lu'a anda ke'eldüksen aju'u [Ск.ск., § 150] "Что касается керейтского Ван-хана..., то прежде он назывался побратимом с Есугэй-ханом". В таком употреблении эту форму можно сравнить с функцией bolbasu (форма условного деепричастия от глагола bol= "становиться"), когда она употребляется в качестве показателя подлежащего или выделяет тот или иной член предложения.

Несколько необычным представляется употребление форм на =γun в начале предложения, когда она определяет стоящее после него слово: qarurun naran sara=yin kili=yer sira noqai metü šičabaljaγu qarqu büle'e [Ск.ск., § 21] "[Тот человек] выходил бывало, заискивая

точно желтый пес, на рассвете (досл.: на границе восходящего солнца и луны)". Ср. в переводе этого текста на совр. монг. язык: гарах нар сарны хилээр... "на границе восходящего солнца-луны" [ИИТ, 57, § 21]. Само по себе употребление этой формы в начале предложения не представляет ничего особенного, когда она указывает на время действия. Определительная же функция деепричастия не свойственна. Это говорит о том, что эта форма по своим функциям отличается как от деепричастий I, так и деепричастий II не только своим происхождением, так и употреблением.

Поскольку она не известна живым монгольским языкам, правомерно предположить ее заимствованный характер. Заимствование ее произошло, видимо, под тюркским влиянием и скорее всего одновременно с введением уйгурского письма. Поэтому и сферой применения этой формы был письменный язык, а в живом разговорном языке она заменялась другими глагольными формами, обыкновенно формами окончательными [Котвич, 1902, с. 115].

По мнению В.Л.Котвича форма на =γ - это особая глагольная форма, возникшая в тюркских и тунгусских языках. "Первоначальное значение этого суффикса стерлось, и в разных языках он служит для образования разных форм, которые только более или менее точно определяют время или какую-нибудь другую категорию глагола. Чаще всего суффикс =γ образует формы настоящего, ближайшего будущего или же недавнего прошлого времени. Они имеют характер причастий, но могут выступать и в качестве изъявительного наклонения глагола" [Котвич, 1962, с. 276-277]. В монгольских языках этот суффикс =γ обнаруживается двояко: в форме деепричастия на =γ=a и в форме на =γ=un.

В заключение отметим, что количество деепричастий II в древних монгольских текстах было значительно меньше, чем в современном и даже в классическом. В классическом монгольском уже существовало уступительное деепричастие на =bči, а в современном языке авторы насчитывают до семнадцати различных деепричастных форм [А.Шарху, 1970, с. 19-20].

Наречия

В монгольских языках, как и во многих других, наречие является весьма сложной для описания частью речи. По мнению многих лингвистов наречия по сравнению с другими частями речи - категория более позднего образования, весьма разнообразная по происхождению и составу, в то же время подвижная и изменчивая, лишенная собственных словоизменительных и в большинстве случаев словообразо-

вательных средств. Кроме того, выражая признак признака, они семантически сближаются с обстоятельственными формами других частей речи.

За исключением небольшого количества собственных словообразовательных суффиксов единственным формальным признаком наречий в монгольских языках остается их неизменяемость. Однако этот признак служил и основанием для включения в состав наречий других неизменяемых классов слов, либо самих наречий в состав этих классов. Поэтому, начиная с самых ранних грамматических исследований по монгольским языкам, наречия получили разноречивую характеристику. Они то выделялись в самостоятельную часть речи, однако с чрезвычайно широкими рамками, куда включались и все прочие разряды слов, не относящиеся к именам и глаголам, то сами включались в разряды частиц.

Сейчас можно считать, что проблема наречий как самостоятельной части речи снята, хотя в грамматических и специальных монографических описаниях этой части речи еще имеются расхождения как в их определении, так и в составе.

Несмотря на то, что наречия рассматриваются ныне как самостоятельная лексико-грамматическая категория, наделенная своими семантическими, морфологическими и синтаксическими признаками в их разряды нередко включаются звукоподражательные слова, качественные прилагательные, деепричастные формы, падежные формы имен.

Конечно, в живом языке существует непрерывный с исторической точки зрения процесс перехода одних частей речи в другие: изменяемых в неизменяемые, знаменательных в служебные. И он особенно наглядно проявляется в образовании наречий, так как многие из них возникли и продолжают возникать на базе слов других разрядов и поэтому в ряде случаев они формально (внешне) совпадают со словами других частей речи, особенно с некоторыми падежными формами имен существительных. Однако падежные формы наречий представляют собой парадигматически неполноценные, обособившиеся и изолированные формы, закрепившиеся в значении и функции наречий. В данном случае происходит качественный сдвиг в значении словоформы. Она выпадает из словоизменительной парадигмы, наполняется новым содержанием и становится грамматическим омонимом по отношению к соответствующей именной форме. Это же касается и некоторых глагольных форм, превратившихся в наречия.

Непроизводные наречия

Хотя наречия и считаются категорией позднего образования, однако это относится лишь к производным на базе других частей речи наречиям, сравнительно недавнего образования. Что же касается непроизводных, то их происхождение относится к далекому прошлому и уходит в историческую глубину, о чем свидетельствуют и самые ранние памятники монгольской письменности.

К древнейшим наречиям, многие из которых известны и современным языкам, относятся те, которые состоят из морфологически неразложимого корня, а также те, которые с точки зрения современного языка неразложимы, но исторически в них можно выделить корни и словообразовательные морфемы.

К числу морфологически неразложимых относятся: *sayi* "недавно", *masi* "очень": *masi turubai* [ТД 47, F 38 v] "очень похудел", *sača* "одновременно, немедленно, сразу": *...tegün=i sonosuyad sača... tngri=ner=ün ökid=iyer kürüyelegüfju irefju...* [ТД 46, F 37 r] "...услышав его, немедленно пришла, окруженная дочерьми божеств"; *ödter* "быстро, немедленно": *ödter ödter qayalyas=iyan qayalaju...* [ТД 38, F 26 v] "Приказал быстро-быстро закрыть свои ворота..."; *basa* "снова, опять": *qoyina basa iydurıyulju...* [Cl., 1338, с. 54] "Потом снова повысил [его] по службе ...".

В доклассических текстах использовалось наречие *munda* "сейчас, теперь"; "поэтому" [Ск.ск., §§ 147, 149, 201; Cl., 1362, с. 65], не употребляемое в современном языке и не разложимое на его основе.¹¹

Оно же, как отмечал В.Л.Котвич со ссылкой на Г.И.Рамстедта, зарегистрировано и в языке моголов Афганистана в парном употреблении со словом *ende* "здесь" [Котвич, 1962, с. 156-157]. Наречие *munda* со значением "тут" зафиксировано и в тюркских памятниках XIV в. [Файзуллаева, 1969, с. 17].

В.Л.Котвич возводит его к тюркскому указательному местоимению *bu* "этот", варианты которого *bun=* / *mun=* / *mına* проникли в монгольский язык и получили распространение в ряде словарных форм [Котвич, 1962, с. 156].

¹¹ Наречие *munda* зафиксировано и в тексте "Двенадцать деяний Будды" [ТД 48, F 40 r]. Н.Поппе перевел его как "однако", "тем не менее", "но", "сверх того" [с. 98].

В "Сокровенном сказании", в китайско-монгольских надписях 1335 и 1362 г. встречаются сочетания *mön-e(mön) qoyina*, *mona qoyina*, переводимые "в будущем" и "навсегда" или, как предлагал В.Л.Котвич, "теперь и в будущем": *mon mon=a qoyina sayin ner=e tanu egürede aldarsiyuldami* [Cl., 1362, с. 65] "Навечно (досл.: сейчас и потом) и навсегда прославит ваше доброе имя". Сопоставление параллельных с "Сокровенным сказанием" мест текста "Алтан тобчи" дает основание считать, что *mön* в АТ употреблялось и в значении *mun* [Орловская, 1984, с. 185], т.е. *mön* / *mün* имело широкий круг значений, в том числе и значение "именно", "собственно". В связи с этим отметим, что в современном калмыцком языке сочетание *мин / минь ода* обозначает "именно теперь, сейчас, только что" [PKC, 1964, с. 638; KPC, 1977, с. 393]. А в бурятском языке имеются наречия *мунөө* "сегодня; сейчас, теперь", *мунөөдэр* "сегодня" [БРС, 1951, с. 324].

Производные наречия

В прочих наречиях можно выделить характерные для них словообразовательные морфемы, нередко восходящие к падежным окончаниям.

Суффикс =yar / =ger / =bar по происхождению - древний вариант окончания орудного падежа **=yar / =bar / =iyar < *=iyar*. Наречия с этим суффиксом довольно многочисленны и обозначают место: *qotolayar* "повсюду" < *qotola* "весь, все; везде"; *köbegüd uruу ёипи qotolayar kereglegdejü...* [Cl., 1362, с. 68] "Сыновья и внуки твои повсюду будут использованы на службе..."; время: *manayar* "завтра" < *manap* "туман", ср. *mana=qu* "восходить (о солнце)". Значение "завтра", вероятно, связано с утренним туманом и восходом солнца: *...üde manayar... opan yarun yabuju asaraydayad...* [Cl., 1362, с. 67] "...[ему] было разрешено входить утром и вечером" (в данном случае *manayar* мы переводим "утром", т.е. "завтра с наступлением утра" üde более точно "полдень").

Наибольшее количество таких наречий употребляется со значением образа действия: *yaусауаг* "одиноко, в одиночестве" < *yaуса* "одинокий, единственный": *yaусауаг саују sedkisügei kemen* [ТД 26, F 8 v] "Сказал: «Я останусь, живя в одиночестве»"; *аһуцааг* "медленно, тихо" < *аһуца*, ср. *таһуца* "плохо", *таһу* "плохой, плохо": *аһуцааг еrdini тоог=i ergijü...* [ТД 32, F 18 v] "медленно поднимал

драгоценную решетку (сеть)"; *qalayar* "неизбежно" < *qala* (возможно, "жизненный опыт"): *qayiran sayid=aса qalayar erke ügei qayaçayuldaju...* [ТД 24, F 5 v] "...будучи непременно и неизбежно отлучен от любимых..."; *jergeber* "по-порядку" < *jerge* "ряд, степень, чин": *edüge... uridus=un ijayur barilduju iregsen=i jergeber ügüley=e* [Cl., 1362, с. 62] "сейчас я расскажу по-порядку, как поколения предков следовали друг за другом".

В ранних текстах немало наречий, образованных посредством варианта суффикса орудного п. *=iyar/=iyer*: *joqis=iyar* "соответствующим (надлежащим) образом" < *joqis* "подходящий, подобающий": *üle=yi joqis=iyar bolun qadayalayad...* [Cl., 1338, с. 54] "...соответствующим (надлежащим) образом хранил дела..."; *delger=iyer* "повсюду" < *delger* "обширный, широкий, пространный" ...*delger=iyer irgen=ü jorü=dayan çidayci ken j=a aqu* [HC, 27 a] "кто сможет повсюду следовать чаяниям своего народа?"; *jugiyer*¹² "наилучшим (честным) образом" < *jüg* "обычный, приемлемый"; ...*Sartaycin ayap ayalan yabuju jub jugiyer kücü öggün...* [Cl., 1362, с. 62] "отправившись в поход против сартагчинов, служил самым честным образом".

Отметим, что такой способ образования наречий продуктивен и в современном языке и, как видим, здесь это не новое явление, а заимствовано из древнего языка.

Суффикс =si / =ysi. Наречия с этим суффиксом, как правило, указывают на направление, место, реже - время действия: *uruysi* "вперед, впереди" < **uru=* ср. *urudu* "передний"; *çinaysi* "дальше, назад; в ту сторону"; < **çina=*, ср. *çinadu* "находящийся по ту сторону"; *dotoysi* "внутри" < **doto=*, ср. *dotoru* "внутренность, внутри"; *emünegsi* "в южном направлении" < *emüne* "юг, южное направление"; *ümetgsi* "в северном направлении": *ümetgsi odbasu...* [Cl., 1335, с. 75] "когда отправился в северном направлении..."; < **üme=*, ср. *umar* "север"; *degegsi* "вверх" < **dege=*, ср. *degere* "на; наверху"; *manayarsi* "завтра" < *manayar* "завтра"; *üdesi* "поздно, вечером" < *üde* "полдень".

К многим наречиям на *=si / ysi* присоединяется дополнительный суффикс *=da*: *dotoysida* "во внутрь": *ebesün=ü üjügür=i dotoysida qanduyul=un debisçü...* [ТД 56, F 51 r] "[Он] расстелил траву, повернув верхушки ее во внутрь..."; *emünegsida* "в южном направлении": *ülemji masi ayuju emünegsida buruyudbai* [ТД 63, F 58 v] "[Он] очень испугался и бежал в южном направлении"; *çinaysida* "дальше, в том направлении": ... *çinaysida türgen=e odbasu...* [ТД 38, F 27 r] "...когда быстро от-

¹² *Jug* в м. *jüg* - обычная орфография в текстах XIV в.

правился дальше (в том направлении)"; *urguysida* "впредь; в будущем"; ...*urguysida düri dürsü bolуауу*... [Cl., 1362, с. 67] "...сделав впредь образом".

Суффикс =da / =de кроме вышеуказанных наречий присоединяется и к другим основам, например: *urida* "прежде, раньше" < **uri*; *Qorum büriin urida* *Ön çang luu neretü çölge bülege* [Cl., 1346, с. 71] "Что касается Хорума, то прежде это была пустыня под названием *Ön çang luu*"; *masida* "очень": < *masi* "id"; ...*kümün=ü duran=i masida sorууci*... [ТД 25, F 7 v] "...очень притягивающие симпатии людей"; *pasuda* "навечно, навсегда" < *nasu* "возраст"; *tegünçilen pasuda poyalaqu pereber ayu* [НС, 5 а] "...поэтому навсегда сохраняет княжеское звание"; *yekede* "очень" < *yеке* "большой; много; очень"; *yekede ÷imejü*... [ТД 25, F 8 г] "очень украсил"; *anggida* "отдельно" < *anggi* "часть; отдельный"; ...*anggida öber=e qamiу=a odbai ÷i* [ТД 39, F 28 г] "...ты куда сам отдельно отправился?"; *nögögede* "в другой, во второй раз" < *nögöge* "другой"; ...*nögögede niçun ülü üiledkü bi* [ТД 49, F 40 г] "...я не вернусь в другой раз"; *qatayuda* "твердо, строго, прочно" < *qatay* "крепкий, твердый; жесткий"; *ulus=un üile=yi qatayuda es=e urуuilbasu*... [НС, 18 б] "...если твердо не укреплять государственные дела..."; *egüride* "навечно, навсегда" < **egüri*=: *sayin ner=e tap=u egüride aldarsiyuldami* [Cl., 1362, с. 65] "Прославит навечно славное имя ваше"; *urtuda* "долго; навсегда" < *urtu* "долгий"; *urtuda üiledügsen=iyer*... [Cl., 1362, с. 68] "в результате того, что долго исполняли ...".

В таких широко распространенных как в древнем, так и в современном языке наречиях, как *ende* "здесь" < **en+de*, *tende* "там" < **ten+de* (*tende* в древних текстах нередко употреблялось и в значении "тогда": *tende Çanaka qayan=a öçirün*: [ТД 38, F 27 г] "тогда *Çanaka* почтительно сказал хану..."); *urida* "раньше, прежде" < **uri+da*; *egüride* "навечно, навсегда" < **egüri+de* также можно выделить корневые морфемы и суффикс =da/=de. Среди них интерес представляет лексема *jilda* "поздно, вечером; вечер". Она не известна в современном языке, но зафиксирована в древнем: *erte jilda ülü osuldan* [НС, 7 б] "Не допуская оплошности утром и вечером". Ср. в "Сокровенном сказании": *jilda boldaju mapayag qatqulduya* [§ 142] "Уже поздно, сразимся завтра". При переводе этого предложения на современный монгольский язык Ц.Дамдинсурэн заменил *jilda* словом удэш "вечером" [МНТ, 1957, § 142].

Многие из подобных наречий употребляются с суффиксом исходного падежа =ça/=çe и представляют собой застывшие, изолированные в качестве наречий словоформы: *uridaça* "издавна, с древних времен" ... *basa uridaça jug=iyer kücü ögügsed*... [Cl., 1335, с. 71]

"...также с древних времен служил наилучшим образом"; *endeçe* "отсюда": *endeçe mörelejü* (вм. *morilaju* - МО) [УМУДБ, с. 37-38] "Отправились отсюда"; *tendeçe* "оттуда"; нередко и "тогда", "после того": *tendeçe bodisdv sonosqui=a sayiqan üge=ber ögüler=ün* [ТД 35, F 23 г] "Тогда Бодхисатва ответил прекрасными на слух словами"; *tendeçe basa nigen çay=tur tegünçilen örone=dü qayaly=a=bar yarçu odqui=dur*... [ТД 27, F 9 г] "После того еще однажды точно также, когда он вышел через западные ворота ...".

От уменьшительной формы *tende* - *tendeken* посредством суффикса местного падежа =a/=e образованы наречия: *tendeken=e*, которое в наших примерах имеет временное значение "только тогда"; ...*tendeken=e büged bodisdv çanak=i uriju ögüler=ün* [ТД 32, F 19 г] "...только тогда Бодхисатва пригласил Чанак и сказал"; ...*uridas=un sür sünesün mön tendeken=e ilegü uqaju ene bui* [НС, 33 б] "...только тогда также лучше понимают величие души предков"; *tügem=e* "полностью, вполне" < *tügem* - отглагольное имя на =m < *tüge*= зд. "заканчиваться, завершаться": *tügem=e dügüeng bolju*... [НС, 5 а] "будучи полностью наполненным ...".

Посредством этого древнего окончания местного падежа образован ряд наречий образа действия от имен на =tai / =tei: *temdegtei=e* "замечательно, превосходно" < *temdegtei* "замечательный"; ...*temdegtei=e kücü öggügsen=i siltayabar*... [Cl., 1362, с. 64] "...по причине того, что превосходно служил"; *belgetei=e* (иногда *belgetüi=e*) "многозначительно, заметно" < *belgetei* / *belgetüi* "приметный"; ...*qayan efen manu Oron=i ene metü belgetüi=e soyurqan kücü öggügsen jerge=yi inu*... *biçigüjü* [Cl., 1362, с. 67] "... наш хан-государь велел сделать надпись в честь Орона, [так как он] замечательно и с почтением служил..."; *Jigüntei degedüs=e жүg=iyer belgetei=e kücü öggügsen=ü tula*... [Cl., 1338, с. 55] "...так как Джигунтэй надлежащим образом и замечательно служил Императору". Изредка основой служили прилагательные на =msiy: *yaуiqamsiy=a* "великолепно, величественно" < *yaуiqamsiy* "удивительный, великолепный"; ...*sildegen=dür=i yaуiqamsiy=a bosqayу amu* [Cl., 1362, с. 68] досл.: "...в селении великолепно воздвиг".

Суффикс =ta / =te присутствует в ряде наречий, причем у некоторых из них основа (корень) не сохранили самостоятельного значения, как например: *erte* "рано", которое можно разложить на *er* [ср. чув. *ir* "утро" - Рамстедт, 1957, с. 43] + *te* формант, как правило, присутствовавший в наречиях, обозначающих время и образ действия: ...*erte bosqui=dur üdesi untaqui=dur* [НС, 9 б] "когда рано встаешь и поздно ложишься спать"; *ilete* "ясно, отчетливо" < *ile* "ясный, явный, отчетливый"; *ta ilete meden bögötele*... [ТД 32, F 18 v] "хотя вы ясно

сознаете..."; genedte "вдруг, неожиданно" < gened+te: genedte serijü bosçu... [ТД 37, F 26 г] "вдруг пробудился и встал".

Интерес представляет наречие egegegte, ср. e'enekče [Ск.ск., § 165]. Оно несколько раз встречается в [Сл., 1362, сс. 63, 65, 67], зарегистрировано в словарях О.Ковалевского [1, 229 б] и К.Ф.Голстунского [1, 139] со значением "точно, совершенно, действительно, на самом деле". Эти же значения приведены и Б.Я.Владимирцовым в его Грамматике [с. 205]. Ф.В.Кливиц считает, что значение egegegte в надписях XIV в. "синонимично значению e'enekče в "Сокровенном сказании", которое переведено С.А.Козиным как "только, исключительно" [Козин, 1941, с. 445]. В своем переводе текста на английский язык Cleaves предпочел перевести egegegte как "особенно" [especially]: ...egegegte uidqari ügei üjügülen kücü öggügseber ayin soyrqaydabai]=e [Сл., 1362, с. 67] "...особенно, когда он без усталости служил [Императору] и был таким образом отблагодарен"; ...egegegte degedüs=e açilan kücü ögkü=yi... masi sayisiyaydaysan ajuyu [Сл., 1362, с. 63] "...особенно за то, что с благодеянием служил Императору, был весьма поощрен".

Это наречие имеет и значение "всегда", "постоянно", "вечно". Поэтому в вышеприведенных примерах перевод мог быть несколько иным, а именно: в первом предложении: "В результате того, что он всегда без усталости служил [Императору], был хорошо отблагодарен", а во втором: "за то, что всегда с благодеянием служил Императору, был весьма поощрен". Отметим, что акад. Ц.Дамдинсурэн в переводе "Сокровенного сказания" на современный язык вместо e'enekče употребил наречие ямагт "всегда, постоянно", также принадлежащее к древним наречиям: ...amitan=i imayta... jokiyabai çi [ТД 22, F 4 г] "...ты всегда сотворял живые существа". Наречие egegegte (в современной орфографии эггэгт) существует и в современном монгольском языке в значении "навсегда, навеки, вечно; всегда" [МРС, с. 665].

Посредством суффикса =ta / =te образуются наречия и от некоторых числительных: nigen / niken "один" > nigente / nikente "однажды": amin minu nikente a/b/çu qarulu'a çi [Ск.ск., § 145] "Ты однажды вернул мне жизнь"; ulus minu nikente aburaju ökba [Ск.ск., § 164] "[ты] однажды уже спас мое государство".

Посредством суффикса =de образовано наречие nögögede "вторично", "в другой раз" < nögöde "другой, иной": nögögede niçun üüü üiledkü bi [ТД 49, F 40 г] "Вернувшись в другой раз, я не поступлю (сделаю) так".

Суффикс =ra / =re. К наречиям с этим суффиксом относятся: deger=e "наверху, вверху" < *dege=, ср. degesgi "вверх", door=a / doug=a "внизу" < *doo=/dou= ср. douyusi "вниз"; dotora "внутри" < *doto=, ср. dotoysi "внутри"; jaγur=a "по пути"; "в промежутке" < jaγur=

со значением "промежуток"; ödter=e "быстро, сразу, немедленно" < *ödter=. Однако по происхождению подобные наречия могли быть и именами на =r в местном падеже на =a/=e [Poppe, 1964, с. 59]. Примеры: deger=e bolju erkeben jaγabasu bürelüyü. door=a bolju samayü tüile egüsgebesü aldaldur oγuyü [НС, 22 б] "Если будучи наверху (т.е. занимая высокий пост) будешь возносить свои права, погибнешь. Если будучи внизу, будешь устраивать смуты, владешь в оплошность"; ...ödter=e odumui uruyü türgen=e urusqui usun metü [ТД 23, F 4 v] "...это проходит сразу, как быстро текущая вниз вода"; jaγur=a berke çöl=nuyud=i¹³ tuγuluyad... [Сл., 1362, с. 64] "По пути преодолевали трудные пустыни...".

Суффикс =na / =ne образует, как правило, локальные наречия: emün=e "вперед, впереди" < *emü=: emün=e irejü... [ТД 55, F 49 v] "прошел вперед"; qoyin=a "позади", "потом, после" < *qoyi=, ср. qoyitu "сзади, на севере": qoyina basa iyuriyulju ... [Сл., 1338, с. 54] "Потом он снова повысил [его] по службе..."; γadan=a "снаружи" < *γada=, ср. γadayadu "наружный, внешний"; γadan=a Gün Mören neretü sildegen=dür=i yaγiqamsiy=a bosqaju amu [Сл., 1362, с. 68] "Снаружи (вне) селения под названием Гун Мурэн возвели величественную гробницу"; çiyar=a "сзади, на дальней стороне" < *çiya=, ср. в современном языке цаана "дальше, по ту сторону". От çiyar=a существует форма исходного п.: çiyanaça "оттуда": ...çinaysida türgen=e odbasu çiyanaça nigen tngri=yin köbegün ... oγtaryui=bar odqui=yi üjejü ... [ТД 38, F 27 г] "Когда они быстро отправились дальше, то увидели сына божества, входящим оттуда в Небо...".

Суффикс =γun / =gün присоединялся к наречиям со значением места: dergedegün "рядом" < dergede "ид"; dergedegün бүкүн ирген [ТД 48, F 38 v] "люди, находящиеся рядом"; γadayun "снаружи" < *γada=, ср. γadan=a: oγiraγun "вблизи, поблизости" < oγir=a "близко"; oγiraγun orçin bayiqun sakiliγud... [ТД 39, F 28 г] "...säkyas, которые находились поблизости и рядом".

Суффикс =ru / =rü встречается в немногочисленных наречиях типа asuru "весьма, очень" < *asu=: asuru ayuliqan olan çiyulbasu ber... [ТД 59, F 55 г] "хотя собралось много очень напуганных..."; это же наречие встретилось и в уменьшительной форме asuruqan: nigen tngri asuruqan mani enel=ün sinal=un γasul=un ögüler=ün... [ТД 35, F 22 v, 23 г] "Божество очень сокрушалось и, жалуясь и плача, сказало: ...". Н.Поппе отмечал наречие tedrü "напротив, наоборот" < *ted= [Poppe, 1964, с. 50].

¹³ =nuyud вм. nügüd - особенности орфографии.

Суффикс =tur также зафиксирован в единичных случаях: sayitur "хорошо, хорошенько" < sayi=, ср. sayin "хороший": ulus=iyan sayitur jarčimlaŋuу [Cl., 1362, с. 67] "[Он] хорошо управлял своим народом". От sayi образовано наречие и посредством суффикса =bar: sayibar "хорошо, прекрасно, наилучшим образом, изящно, грациозно": suu=tu Činggis gayan=и er=e=yi ülü jöbayan, aŋta=yi ülü kölörgeŋ sayibar ogoŋju küčü öggügseber... [Cl., 1362, с. 63] "Продолжал служить [Чингис-хану]... наилучшим образом, не заставлял людей Чингис-хана страдать и не вгонял в пот его коней".

Суффикс =ya / =ge образует наречия места и времени: edüge "сейчас, теперь" < *edü=, ср. edüi; keŋiye < *kedige "когда" < *kedi=, ср. kedüi; ɣadaɣa "снаружи вне" < *ɣada=, ср. ɣadan=a; qamiɣa "где, куда" < *qami=. Некоторые примеры: ...aldar čab=iyan qamiɣa ülü uqaydayu [HC, 33 б] досл.: "где может быть не понятой его слава и известность?"; Контекстуально qamiɣa могло иметь значение и "как?", "откуда?": šim uqay=a ügei qamiɣa uqay [HC, 1 б] "Откуда (как) лишенный смысленности (непонятливый) Шима может знать?". Частица ba придавала этому наречию усилительное значение: üges=iyeŋ delekei deger=e qamiɣa ba ügülebesü ber gem ügei boluyad... [HC 7a] "Где бы в мире не произносили [их] слова, вины [их] не будет"; edüge... Oron=и uridus=un uŋayur bariduŋu iregsen=i jergeber ügüleye [Cl., 1362, с. 62] 'Сейчас я расскажу по порядку, как [разные] поколения Орона... наследовали друг друга'; ...umartaqu üdür keŋiye=e bolqu [HC, 35 а] "...когда наступает день забвения".

Суффикс =gü можно выделить в наречиях esergü "навстречу, напротив" < *ese=r=, gedergü "навзничь, назад; обратно" < *geder=, ср. gede=yi= "выгибаться назад"; jarim=ud anu gedergü unaŋu aljiyaqun [ТД 31-32, F 17 v] "Некоторые из них лежали навзничь (упав навзничь) и были утомлены"; ...uru'ut mangyut esergü dobtolŋu jirgin=i darubai [Ск.ск., § 171] "...уруты и мангуты выступили навстречу и подавили джиргинов"; ülegü / ilegü "слишком, свыше; лучше" < *üle= / ile=: ...uridus=un sür sünesün mon tendeken=e ülegü uqaŋu ene bui [HC, 33 б] "...тогда также лучше понимают величие и души предков"; ta qoyar pama tebčijü ile'ü'ü gësü ke'e'le'e'i ta [Ск.ск., § 179] "Говорят: «Вы двое меня избегаете и слишком отворачиваетесь»".

Суффикс =ŋi присутствует в наречиях степени и образа действия: ülemŋi "очень, значительно, более" < *ülem=: ülemŋi masi turabai [ТД 47, F 38 v] "Чрезвычайно отощал"; ...ülemŋi masi ayuŋu emünegside buruyudbai [ТД 63, F 58 v] "...весьма и очень испугался и бежал в южном направлении"; ürgelŋi "постоянно, непрерывно, всегда" < *ürgel=: eldeb quyur dayun=i ürgelŋi tasural ügei üiledkebei [ТД 25, F 7 v]

"приказал постоянно и непрерывно играть на хуре (музыкальный инструмент - MO) различные мелодии".

Незначительное число наречий соотносительно с глагольными формами. Это - bayin "постоянно, время от времени" - форма слитного деепричастия на =n от глагола bayi= "быть, находиться": ...batu qatayū mod ber bayin minu kiligsen=iyer qayagan bögetele ... [ТД 61, F 57 г] "...в то время как даже крепкие и твердые деревья постоянно расщепляются от моего взгляда". В современном языке эта форма употребляется преимущественно в парном сочетании: байн байн "периодически, то и дело, время от времени" и, как видим, утратило лексическую связь со значением маркирующего глагола. Другим подобным наречием является orčip "вокруг, около, поблизости" < orči= "вращаться, кружиться": ...orčip inu qoriyan pödüŋü qoyar dabqur jergeber yurbayad qayayta=tu boŋayūyū [Cl., 1346, с. 69] "...соорудив вокруг огороженное место, [они] заставили построить (создать) по трое ворот в два параллельных яруса (возможно, и "двойную ограду" - MO); udayagan "немедленно, безотлагательно" < udayaga= "следовать"¹⁴: ...udayagan basa kü ... ner=e nemeŋü... [Cl., 1362, с. 64] "...немедленно снова добавил звание ...".

Глагольное происхождение имеет и наречие daɣui "тотчас, сразу, немедленно" < daɣu= "давить, жать, прижимать". Устаревшая глагольно-именная форма на =ui сохранилась только в данном слове, да еще в архаичном глаголе ayisui "приближается"; ... daɣui ... ner=e nemeŋü ... [Cl., 1362, с. 65] "...тотчас добавил звание...". В текстах XIV в. это наречие встречается и в усеченной форме daɣu: ɣal ɣarbasu daɣu deger=e türidčü oduyu [ТД 24, F 6 г] "Хотя огонь появляется, но немедленно (тотчас, вскоре) прекращается (досл.: уходит вверх)". На глагольно-именное происхождение наречия daɣui указывает и его форма daɣui=dur, где =dur - формант дательного-местного падежа: ülü udan daɣui=dur ner=e souyraqaŋu öggüged ... [Cl., 1362, с. 65] "Не откладывая, сразу пожаловал звание ...".

¹⁴ По поводу этого глагола В.Ф.Клиев сделал особое примечание, что его не следует смешивать с однозвучным глаголом, зарегистрированным в словаре О.Ковалевского [I, 381 б] со значением "замедляться, задерживаться". Глагол udayaga= со значением "следовать" имеется в тексте "Сокровенного сказания", где он употреблен дважды [См. Cl., 1362, с. 114 прим. 113].

Парные наречные сочетания и повторы

Одним из способов аналитического словообразования в монгольских языках являются парные слова - сочетания двух (реже - трех) слов, выражающих единое лексическое значение. Такие пары представляют собой неразрывное смысловое целое, значение которого либо вытекает из значения составных компонентов, либо им не адекватно. Не будучи цельноформленными, они рассматриваются как устойчивые лексические сочетания, представляющие как бы переходную ступень между синтаксической конструкцией - словосочетанием и лексической - сложным словом. Наиболее распространены парные сочетания имен существительных, но имеются они и среди наречий.

1) Сочетания однородных или близких по значению слов: *ödür ödür=eče* "изо дня в день, ежедневно": ...*ödür ödür=eče öbesün nemegdeyü* [НС, 18 а] "...изо дня в день сами увеличиваются"; *ödter ödter* "быстро-быстро": ...*ödter ödter qayahas=iyan qayajü*... [ТД 38, F 26v] "...приказал немедленно (быстро-быстро) закрыть свои ворота"; *qamtu neyite* "совместно", "вместе, сообща": *bi]=e Üi Suu bingjang* *Oron=luy=a nigen yamun=dur egüri od qamtu neyite soyurqaydaju üile qadayalan tüsigdegsen=e bohyabasu*... [Cl., 1362, с. 67] "Если я, Уй Суу, исхожу из того факта, что я был благодетельствован и долгое время совместно служил с Ороном и был посвящен в те же самые дела..."; *egüri / igüri urtuda* "навечно, навсегда". Ср. выше *egüri od* "долгие годы" +*urtda* "долго": *qoyitus uruy inu ede üges=iyer yabun ödabasu barasi ügei egüri urtuda öl]ei qutuy bolumu]=a* [Cl., 1335, с. 76] "Если его последующие поколения будут в состоянии следовать этим словам, они будут навечно нескончаемо в счастье процветать..."; *epe bayiyuluysan bii tas igüri urtu=da esi boluyad*... [Cl., 1338, с. 56] "Эта воздвигнутая [Императором] стела навечно стала поучением..."; *nasu ürgül]i* "всегда, постоянно" < *nasu*: ср. *nasuda* "вечно, всегда" + *ürgül]i* "постоянно": ...*nasu ürgül]i sayin üile üiledküi ber*... [Cl., 1335, с. 72] "... в результате того, что всегда делал добрые дела"; *angqa urida* "в самом начале, прежде всего" < *angqa* "сперва, вначале" + *urida* "прежде": *angqa urida... tüsigdejü gü* [Cl., 1335, с. 75] "Был назначен в самом начале"; *ang türün*¹⁵ "прежде всего" (*ang*: ср. *angqa* "впервые"

¹⁵ У Х.Лувсанбалдана [1961, 2 б] *eng türün*. Однако представляется правильным замечание Cleaves'a, что в данном случае вместо *eng* должно быть *ang*, которое он сравнивает с *angqa türün* в начале надписи 1335 г. и *ang urida* в Hua=i iyü [Cleaves, 1982, с. 86, примеч. 60].

türün "прежде, раньше"): *taqimdayu kemebesü ang türün eçige eke=degen tabiyalaqu* [НС, 2 б] "Что касается сыновьяго почтения, то [это] относится прежде всего к родителям"; *derge oyir=a* "рядом" < *derge* "рядом" + *oyir=a* "вблизи": *Naçin noyan imayi derge oyir=a keşig=tür yabuluyad*... [Cl., 1335, с. 72] "Начин-ноян позволил ему служить рядом...".

Синонимом *derge oyir=a* является *derge çayada: derge çayada yabu*... [Cl., 1335, с. 75] "быть поблизости (досл.: рядом и в отдалении)"; *esergü tesergü* "напротив друг друга" < *esergü* "напротив, на встречу" + *tesergü* "ид": *bayasuysan jang=iyar esergü tesergü bayasqulang=tu üges=i ögüeldübei* [ТД 43, F 32v] "В радостном настроении они говорили прекрасные слова друг другу (досл.: напротив навстречу)".

Сочетание противоположных по значению компонентов *ende ende* "повсюду, везде" < *ende* "здесь" + *tende* "там"; *edüi tedüi* "много, большое количество" < *edüi* "сколько-нибудь" + *tedüi* "столько, так": *ende tende ülü butaran*... [Cl., 1338, с. 53] "не рассеиваясь повсюду (не рассыпаясь повсюду); *ker-be oron debüsker=tür edüi tedüi burтай bolbasu* ... [Cl., 1335, с. 72] "Если и было много грязи на постельных принадлежностях...".

Служебные части речи

Послелогои

Послелогоми принято считать служебные слова, при помощи которых осуществляется управление именными формами для выражения пространственных, временных и ряда других отношений.

Большая часть монгольских послелогов исторически восходит к знаменательным словам с реальной семантикой, а многие из них и ныне являются омонимами по отношению к полнозначному знаменательному слову. И лишь некоторые не возводятся и не соотносятся со знаменательными словами.

Важным критерием для отнесения послелогов к разряду служебных слов является несамостоятельность исходного знаменательного слова как члена предложения в результате его грамматикализации в определенных синтаксических конструкциях. Вместе с тем степень абстрагирования знаменательного слова от своего лексического значения бывает различной, и послелог, будучи служебным словом, сохраняет ту или иную степень соотнесенности с реалиями

через посредство соответствующего знаменательного слова. Иначе говоря, послелого имеют опосредованную соотнесенность с реалиями [Орловская, 1984, с. 192].

Особенно интенсивно категория послелогов пополняется за счет наречий, в результате чего в языке существуют пары лексико-грамматических омонимов. Но при этом изменяется не только синтаксическая функция или синтаксические связи знаменательного слова, каковым является наречие, но и семантика, которая приобретает при этом абстрактный характер. Если наречия обозначают денотаты реальной действительности, послелого лишены конкретного вещественного значения, а в предложении выражают лишь отвлеченные субъектно-объектные отношения в сочетании со знаменательными словами.

Утрата наречием вещественного значения и изменение при этом его синтаксической функции переводит его в разряд послелогов. Это явление распространено во многих языках мира и монгольские языки не представляют в этом отношении исключения.

По степени грамматикализации знаменательных слов послелого мы делим на: 1) собственно послелого, т.е. те, которые семантически не соотносимы с реальными предметами, признаками или действиями и выполняют в предложении только роль грамматических показателей и 2) послелого изолированные (грамматикализованные в той или иной степени) формы знаменательных слов. Это послелого, выделившиеся главным образом из разряда наречий, имен, реже глагольных форм. Они управляют той или иной падежной формой имени, сохраняя при этом определенную степень соотнесенности со значением полнозначных лексических единиц.

1) Собственно послелого. В монгольских языках число послелогов, не соотносимых по значению с реальными предметами, признаками или действиями, ограничено как в современных, так и в древнем языке. Самыми распространенными в ранних письменных памятниках были следующие: *tula / tulada* "так как", "потому что", "для того, чтобы", "за", "ради". Этимология его не ясна, можно только предположить его именное происхождение, так как форма *tulada* отождествляется с дательным падежом формы *tula*. Та и другая употреблялись в прошлом однозначно, управляли родительным падежом и обозначали при этом, чаще всего, как причину, так и цель действия, например: *ayali aburi yabudal inu sayin=u tula=da olan qari=yin irgen imayi ecige /me/tü kündülen ajuу [Cl., 1338, с. 53]* "Так как его характер и поведение были хорошими, народы многих чужих [княжеств] почитали его как отца"; *...köbegün=iyen tula ukilayai ken bui ci [ТД 47, F 37 v]* "...кто ты есть плачущая над [для] своим сыном?"; *erdem=tü бүкүи=yin tula... [Cl., 1338, с. 53]* "...так как был образован"

ayin ber bügesü busud=i orolçayulqu=yin tulada bisiyasuyai bi [ТД 42, F 31 v] "...если так, то для того, чтобы заставить других участвовать, я буду размышлять"; *yeke bodisdv burqan=u qamuy nom=i tegüsekü=yin tulada... [ТД 53, F 47 r]* "Для того, чтобы исполнить все dharmas Будды..."; *...ecige eke=yügen ülü umartaqu=yin tula buyu [НС, 33 a]* "[Это] чтобы не забывать своих родителей"; *yeke Mongyol ulus=un zay=tur... uridus=yuyan tula: jrlу =iyar bayiyuldaysan bii tas buyu [Cl., 1335, с. 71]* "Это стела, которая была воздвигнута... во времена Великой Монгольской империи по [Императорскому] указу в честь [для] своих предков".

В тексте "Сокровенного сказания" в некоторых примерах этот послелог следовал после основы слова, передавая причинное значение. Например: *noyamsik aburitu tula noyakin obuqtan bolba [Ск.ск., § 46]* "Так как имел княжеский нрав, образовался род Нойяхин"; *aca de'ü ja'ura adaruqi tula adargin obuqtan bolba [Ск.ск., § 46]* "Так как среди старших братьев был и забияка (задира), образовался род Адаргин". Но таких примеров немного. В основном же как и в доклассическом монгольском, так и в классическом раннего периода этот послелог управлял родительным падежом, обозначая как причину, так и цель действия. В более же поздних классических текстах, начиная с XIX в., и в современном монгольском языке *tula / tulada* передает причинное значение, управляя основой, а целевое - родительным падежом: ср. примеры: *ene yajar ayula qada elbeg tula lab böglekü baylaqu gem bui [Хөх. 734]* "Так как в этой местности много гор и скал, можно попасть в окружение" и *bi bey=e=ben aburaqu=yin tula busu baylaqu yeke üyil=yi bütügekü=yin tula bolai [Хөх. с. 907]* "Я был не для того, чтобы спастись свою жизнь (тело), а только для того, чтобы осуществить великое дело". В современном языке: *үнэн худлыг мэдэхийн тул [МРС, с. 422]* "чтобы узнать правду"; *орой болсон тул [МРС, с. 422]* "так как стало поздно" (см. также Санжеев, 1953, с. 214).

Metü обозначает уподобление чему-либо, "как", "подобно", "словно" употреблялся после основы слова: *...irgen=i öbeg=ün köbegün sibayun metü tayalaжу yabubasu... [Cl., 1362, с. 65]* "...если вы будете любить людей словно своих сыновей"; *ene metü... [НС, 17 a]* "подобно этому...".

Синонимом *metü* являлся послелог *sitü*, который зафиксирован только в нескольких случаях в древних и некоторых ранних классических текстах и в отличие от *metü* не употребляется в современном языке. На его семантическую связь с *metü* указывал Л. Лигети [Орловская, 1984, с. 194]. Об этом свидетельствуют и примеры, в которых *metü* и *sitü* употреблены в одинаковых значениях: *...gün ce-*

gel=ün dergede yabuqu metü nimgen mölsün deger=e geögikü sitü emi-
*gegdeküi kemejügü [HC, 6 a] "...Словно идет рядом с глубоким
прудом, словно ступает по тонкому льду"; anu ordu dotur=a aq=a
degü=yügen aldayсан metü medel=ün irgen inu ečige eke=yügen
keküdeglečegsen sitü emgenin aяау [Cl., 1338, с. 54] "В их дворце
горевали словно они потеряли своих старших и младших братьев,
словно люди в их округах утратили своих родителей"; ...qaqča kö'ün
minu ügei sitü Senggün qaqča büyü [Ск.ск., § 164] "...единственным
сыном моим является только один Сэнгум (досл.: единственный сын
мой Сэнгум подобно тому, что нет)".

Büri "каждый", "всякий" употреблялся после основ: ödür büri
üfeldüjü... [HC, 25 a] "встречаясь каждый день..."; on büri [Cl., 1338,
с. 55] "каждый год"; mon nasu büri ügüleg=ün [Cl., 1338, с. 53] "Когда
тоже самое говорил каждый год (каждый возраст)"; dolo'on büri
oroju... [Ск.ск., § 245] "Вошли все (каждый) семь [сыновей]..."; üdür buri
man=tur irejü... [Ск.ск., § 31] "Каждый день приходил к нам...".

Dutum / tutum "каждый", "всякий раз", "как только": keyid du-
tum=dur kürčü [HC, 26 a] "заходя в каждое жилище¹⁶..."; ...ene čimeg=i
üjekü tutum setkil=dür yasiyun törömtüi [ТД 42, F '30 v]. "...всякий раз,
когда видел эти украшения, в душе рождалась печаль"; öljige tutum
ökir qara'u tutum qatut bui [Ск.ск., § 55] "в каждой крытой повозке есть
девушки, в каждом экипаже - знатные дамы (ханши)".

К собственно послелогам мы отнесем и selte "совместно", "с",
"вместе с", употреблявшийся также после основ: ...ayaһus=i silüg selte
joqiyaју... [Cl., 1362, с. 67] "...составил текст (звуки) вместе со стиха-
ми..."; ...manglai=yin bičig selte bičijü joqiyaју... [Cl., 1338, с. 5] "...закон-
чил написание совместно с текстом в верхней части [стелы]"; ...ündü-
sün selte=yi oytalju yaһaqu [ТД 37, F 25 v] "...отрезал и выбросил
вместе с корнями".

Sača "равно", "подобно", "одинаково" употреблялся после
основ: Batu sača bö'et bolju urida ker u'uqun büle'e [Ск.ск., § 275] "[Мы]
ведь подобны (равны) Бату, но почему [он] выпил [вино] раньше?";
Inanča-Bilge-qaп ečige činu sača nökör=e ere=yin aru ... ese üje'ülüle'e
[Ск.ск., § 194] "Подобно отцу твоему Инанча Билгэ-хану ты не пока-
зывал спину друзьям [перед врагами]". Кроме того, sača управлял
совместным падежом: oytarui=luγ=a sača... [ТД 48, F 39 r-v] "[Тот кто]
подобен Небу".

¹⁶ keyid (в совр. языке "монастырь", "скит") в древнем языке имело значе-
ние "жилище, дом" [Rachewiltz, 1982, с. 78].

2) Послелого - грамматикализованные формы знаменательных
частей речи. Среди послелогов, соотносительных с другими частями
речи, употреблялись следующие: adali - имел сравнительно-уподо-
бительное значение "как", "подобно", "одинаково с". По происхож-
дению - именная форма со значением "похожий, подобный, аналогич-
ный". В качестве послелога в доклассическом монгольском управ-
лял, как правило, дательном-местным и соединительным падежами,
реже основой, например: edeger jiyalanyud bügüde namur=un
egülen=dür adali orosil ügei ebderegči bui: qiuru=yin nabčün=dur adali
jobalang-i törögülügči bui: yelvi=dür adali aradači bui: qujir=tu usun=dur
adali ülü qanaһaүči buyu [ТД 33, F 20 r] "Все эти радости подобно осен-
ним облакам легко разлетаются, подобно листьям ползучего расте-
ния рождают страдания, подобно иллюзиям обманчивы, подобно во-
де соленых болот не утоляют жажду"; Yisügen qatun=u üge=dür adali
boldaју [Ск.ск., § 155] "[Есуй] соответствовала словам Есугэн-хатун
(досл.: была подобно словам)"; ср. Naya'a=yin üges adali boldaју
[Ск.ск., § 97] "Соответствовала (была подобно) словам Наяа", где в
аналогичной ситуации adali управляет не дательном-местным паде-
жом, а следует за основой. ...erten=ü sayid=tur adali buyu [Cl., 1335,
с. 76] "...[Его помыслы] были подобно достойным [людям] древнос-
ти"; tegün=lüge adali... kemen sedkimü bi [ТД 41, F 30 r] "Я думаю, что
[вы] равны (одинаковы) с ним".

Qamtu - "совместно с", "одновременно с". Этот послелог соот-
носительен с наречием qamtu "вместе, совместно" и состоит из кор-
невой морфемы qa(m)=, обозначающей совместность, общность и
присутствующей во многих других монгольских словах, и суффикса
-tu, выражающего совместность или обладание чем-либо. В древних
текстах управлял в основном соединительным падежом, в более
поздних еще и совместным, в классическом и современном также ро-
дительным, что, по мнению Г.Д.Санжеева, является не исконным, а
новым явлением в этих языках [Санжеев, 1959, с. 212]. Примеры:
Tande Jamuqa Ong qan=lu'a qamtu gödölülčejü yaburun [Ск.ск., § 160]
"Там Джамуха вместе с Ван-ханом двинулись [в поход]..."; ...jasa'ul
kebte'ül=lu'e qamtu jasatuqai [Ск.ск., § 278] "...пусть несут службу вмес-
те с кебтеулами"; Bi]=e Ui Suu...Oron=luγ=a nigen yasan=dur egüri od
qamtu neyite soyurqaydaју üile qadayalan tüsigdegsen=če boһabasu...
[Cl., 1362, с. 67] "Я, Уй Суу, был в милости [и мне было дозволено]
служить вместе с Ороном долгие годы в одном учреждении";
regegen=lü'e qamtu hoyilaју yabuqu ... [Ск.ск., § 155] "Она убежала в
лес с зятем...".

Deger=e. Один из самых распространенных послелогов во всех
монгольских языках с широким кругом значения, основные из

которых: "на", "над", "к", "в", "около", "рядом", "при". Он восходит к наречию *deger=e* "вверх", "наверху", которое состоит из омертвелоного ныне корня *dege=* + суффикс *=r* *=e*, входящий в состав ряда других наречий. В доклассическом языке управлял родительным падежом, встречался и после основ: ...*kereyit bügüde'er Senggüm=ün de'ere eke'erü bayiba* [Ск.ск., § 171] "Все керемиты ожидали у Сенгума"; *kebte'ül=ün sa'urin=u de'ere ken ber bü sa'utuqai* [Ск.ск., § 278] "Никто не должен сидеть на месте кебтеула"; ...*nimgen mösün deger=e geçgikü sitü* ... [НС, 6 а] "...точно скользит по тонкому льду..."; *iren odun yabuqu mör deger=e bayıulgu*... [Сл., 1362, с. 67] "Создать на пути, по которому приходят и уходят ...".

Dege'ün образован от того же корня *dege=* и суффикса *=ün*. Зафиксирован в тексте "Сокровенного сказания" со значением "рядом с", "около", соответствует современному *dэргэдүүр* с тем же значением; управлял родительным падежом: *kebte'ül=ün dege'ün yabuqun haran=i kebte'ül barıtuqai* [Ск.ск., § 229] "Пусть кебтеулы задерживают людей, ходящих рядом с кебтеулами"; *kebte'ül=ün sa'urin dege'ün bu yabutuqai* [Ск.ск., § 278] "Не ходить около размещения кебтеулов".

Посредством суффикса *=un* образован и послелог *jaq'un* со значением "между", "среди" от *jaq=a* "край", "окраина", также зафиксированный в "Сокровенном сказании": *kebte'ül=ün dege'ün yabuqun jaqa'un yabuqun haran=i kebte'ül abtuqai* [Ск.ск., § 278] "Кебтеулам задерживать людей, ходящих рядом и между кебтеулами"; *kebte'ül=ün jaqa'un bu yabutuqai* [Ск.ск., § 278] "Не ходить между кебтеулами".

De'erece - застывшая форма исходного падежа от *de'ere* со значением "с чего-либо", управлял основой, например: *morin de'erece naruyitü abqui=lu'a*... [Ск.ск., § 55] "[Он] наклонился с коня и взял..."; *Duwa-soqor Burqan-qaldun de'erece qaraju*... [Ск.ск., § 5] "Дува - сохор посмотрел с горы Бурхан-халдун..."; *a'ula de'erece bi qarbul'a* [Ск.ск., § 147] "С горы выстрелил я".

Door=a / dooro является антонимом к послелогу *de'ere*. Восходит к наречию, образованному от корня *dou=* ~ *do=* и суффикса *=re* со значением "внизу". В качестве послелога имел значение "под чем-либо", управлял родительным падежом: ...*modun tutum=un door=a*... *sayıusan=i üjegdegüljü*... [ТД 55, F 50 v] "...показал (заставил быть видимым), что сидел под каждым деревом"; *mön modun=u door=a sayıju degel=iyeen oyobai* [ТД 50, F 42 v] "Сидя под тем самым деревом, он шил свою мантию"; *tere üge=tür Tayang-qan=nu döro medegü yeke noyan Qorisu beci ügüleriün*... [Ск.ск., § 194] "Услышав эти слова (при этих словах) после Таян-хана, великий князь Хорису-бэчи сказал..."; *Joçi=yin döro tümen=ü noyan boltuqai* [Ск.ск., § 210] "Пусть будет у Джучи (под Джучи) князем-десятитысячником".

Застывшая форма исходного падежа *door=a=aça* "из-за", "из-под" употреблялась после основ: ...*tende бүкү луу=yin ökin yaĵar door=a=aça yarču irejü*... [ТД 51, F 44 v] "...из-под земли появилась находящаяся там дочь дракона ...".

Dergede соотносителен с наречием со значением "к", "рядом", "около", "возле". В качестве послелога управлял родительным падежом: ...*modun=u dergede күртүгсен=dür*... [ТД 55, F 50 v] "...когда подошел к дереву..."; *gün čegel=ün dergede*... [НС, 6 а] "...около глубокого источника"; *erten=ü qad=un dergede*... [НС 29 б] "...в присутствии (досл.: возле, около) древних ханов..."; *niken üdür sirqa aqta=tan palman mori(t) ger=ün dergede bayıju bukui=yi*... [Ск.ск., § 90] "Однажды восемь соловых мерингов находились возле дома (юрты)..."; ...*bidan=u dergede yabuqun metüs=i* [Ск.ск., § 224] "...всех, кто ходит возле нес ...".

Dotura / dotora соотносителен с наречием со значением "внутри", которое в свою очередь восходит к имени, обозначающему "внутренность", "желудок". В качестве послелога имеет значение "в", "внутри", "среди" и употребляется с основой и родительным падежом: ...*bidan=u ordu dotur=a*... [Сл., 1338, с. 53] "Внутри нашего дворца..."; *qamuy amitan=u dotor=a*... [НС, 16 б] "Среди всех живых существ..."; *nidün=ü ečin=e naruy=un dotor=a oroshiylbai* [ТД 42, F 30 v] "[Он] поместили их вне поля зрения, в пруду"; *ger dotora ĵarju aqu bde'e* [Ск.ск., § 16] "Стал прислуживать в юрте"; *hoi dotora uriangqadai qüün ĵaiqaju*... [Ск.ск., § 12] "В лесу встретился урианхаец...". Этот послелог известен и в других монгольских языках и диалектах за исключением бурятских, где вместо него употребляется чисто бурятский послелог соо "в", "внутри" [Санжеев, 1953, с. 231]. Не зарегистрирован он и в баоанском языке, в дунсянском ему соответствует *sotoro*, а в монгорском *туро* с тем же значением, что и *dotur=a*.

Dumda "между", "среди", соотносителен с наречием *dumda* "средне", "неполно", образованным от аналогичного имени со значением "середина", "средний". В качестве послелога управлял родительным падежом, реже - употреблялся после основы: *em=e mangrus=un dumda*... [ТД 32, F 17 v] "Среди женщин-мангусов..."; *ikedel=ün dumda sanvar=un bayasqulang kerkin törömüi* [ТД 31, F 17 г] "Как может среди [этого] кладбища рождаться радость *sanvara* ?"... *Yadi qadun Yisügen qadun ĵirin=ü dumda sa'uju*... [Ск.ск., § 156] "[Он] сидел между Исуй-хатун и Исугэн-хатун..."; *Duwa-soqor manglai dumda qaqča nidütü*... [Ск.ск., § 4] "Дува-сохор имел во лбу (среди лба) единственный глаз...". Ср. в современном монгольском языке: *шөно гүнд хашгирах дуулдав* [ОМСТ, с. 360] "Среди ночи раздался крик". Распространен во всех монгольских языках, за исключением монгорского, где он употребляется реже, так как в этом языке имеется

собственно монгольский послелог иджиде с тем же значением [Тодаева, 1973, с. 148].

Yosu'yar / yosubar (в "Ск. ск.": yosu'ar) "согласно с", "в соответствии с", "в результате". Образован посредством формы орудного падежа от имени yosu "обычай", "традиция", "закон". Употреблялся после основы и родительного падежа: kemeksen yosu'ar erin odudqun [ТД 38, F 26 v] "Отправляйтесь и ищите согласно сказанному"; Jëgü-dün=ü yosubar Jëgüdüün üjer=ün... [ТД 29, F 12 v] "В результате сновидения увидел..."; ... qadum eke inu Tayai qunčui=da soyaqqa'ju öggügsen ner=e=yin yosu'yar ... [Cl., 1362, с. 64] "... в соответствии с титулом, который [он] пожаловал ее свекрови Tayai qunčui"; uridu Jarliq=un yosu'ar qurban ber'ies süyütügei [Ск.ск., § 278] "Согласно прежнему указу ударять тремя посохами (досл.: сломать три посоха)".

Emün=e "перед", "пред", "до", "к", иногда "для". Происходит от наречия emün=e "впереди", "раньше", восходящего к имени со значением "юг", "южный", "передний". В качестве послелога управлял родительным падежом: ...yeke törü=yin emün=e kücü öggün yabu'ad... [Cl., 1362, с. 64] "[Тот же самый Атайбуха] отдавал силу для Великого закона (т.е. служил Императору)..."; ulus=un emün=e kücü öggügsen [Cl., 1362, с. 62] "Отдавал силу для империи [служил империи]"; tal=a modud=un emün=e talbi'ju... [ТД 53, F 46 v] "Поставили перед каждым пальмовым деревом..."; ...ken=ü emün=e qur'iyaju ögün jobomui [Ск.ск., § 164] "...для кого я старался (заботился), собирая [все это]?" В переводе этого текста на современный язык послелог emün=e заменен на төлөө "для", "ради", "за" [МНТ, с. 116]; qay'ar e'ige=yin emün=e odču öčig=ün [ТД 29, F 13r] "Подошел к отцу-государю и произнес...". Этот послелог известен в классическом, халхаском, бурятском и калмыцком языках. В баоанском ему соответствует мэлэз, управляющий также родительным падежом [Тодаева, 1964, с. 55]. В дунсянском в том же значении употребляется мэлэз (шы), следующий после основ или исходного падежа [Тодаева, 1961, с. 55], а в монгольском с таким же значением используется послелог меше, управляющий исходным падежом [Тодаева, 1973, с. 149]; дагурский эмэл управляет родительным и исходным падежами [Тодаева, 1986, с. 84].

Qoyin=a этот послелог соотносителен с наречием qoyina "позади", "сзади", состоящим из корня koui=/qoyi=/qoe= и наречного суффикса =па (ср. qoyi=si, qoyi=tu). В качестве послелога имеет значение "после", "после того, как", "вслед за"; управлял родительным падежом: ...job es=e bolu'usan=u qoyin=a ... [Cl., 1362, с. 66] "...после смерти..."; ...yeke or=e sayu'usan=u qoyin=a... [Cl., 1338, с. 54] "...после того, как сел на великий [ханский] престол"; mön Ataibug=a job es=e bolu'usan=u qoyin=a angqa urida... ner=e neme'ju öggüged... [Cl., 1362, с. 64]

"После того, как тот самый Атайбуха скончался [Император] прежде всего пожаловал (добавил) ему титул..."; ... kümün bügüde umtaysan=u qoyin=a... qarisi=dur odču... [ТД 29, F 12 v] "...после того, как все люди уснули, отправился во дворец..."; ey=e bara'asu ötök üqsan=u qoyin=a Belgütei Da'aritai qoyar tende orotuqai ke'en Jarliq bolba [Ск.ск., § 154] "Когда совет закончится и после того, как будут выпиты напитки, пусть туда войдут Бэльтүтэй и Даритай". В аналогичных значениях этот послелог известен во всех монгольских языках.

Производным от qoyin=a является послелог qoyina'un со значением "сзади", "за", "позади чего-либо": naran singgekseen=ü qoyin=a ordo=yin qoyina'un urida'un ketügel'fen yabuqu gü'ün=i bari'ju... [Ск.ск., § 229] "Задерживать людей, проходящих за и перед дворцом после захода солнца..."; ordo=yin qoyina'un urida'un kebbe'ül muqurituqai [Ск.ск., § 278] "За и перед дворцом располагается стража". Эта форма соответствует современной монгольской хойгуур с тем же значением. Ср. вышеприведенные формы dege'ün, jaqu'un и в этом предложении urida'un. В классическом монгольском суффиксу =un соответствует =yur.

Застывшая форма исходного падежа qoyina=ača имела значение "сзади, позади", "после, вслед за": Bodončar Buqu-qatagi aqa=yu'an qoyina=ača daqaju [Ск.ск., § 33] "Боданчар следовал вслед за своим старшим братом Буху-хатаги"; e'jen=iyeu qoyina=ača eyin=kü qo'ogqu bültüge bi [ТД 40, F 29 r] "Я не должен был оставаться таким после своего господина".

Gadan=a соотносителен с наречием yadan=a, образованным от основы *yada= и суффикса =па (ср. yada=r, yada=ur) со значением "снаружи", "на улице". В качестве послелога обозначал "за", "кроме"; "вне", управлял родительным падежом: kedün ödür=ün qoyina anu bal-yasan=u yadana... buyu'usan a'juu [Cl., 1338, с. 54] "Через несколько дней [его] похоронили... вне (за пределами) их города"; Ср. в классическом монгольском: genetde basa ene barayun emün=e qayaly=a=yin yadan=a tngri delberetel=e nigen buu dayurisu... [Хөх, с. 744] "Вдруг опять за этими юго-западными воротами раздались выстрелы, так что небо загрохотало...".

Из современных языков известен в халхаском и бурятском.

Ugu'u (в "Ск.ск.": huru'u) "вниз по", "в", "к" соотносителен с наречием, обозначающим направление вниз. В качестве послелога стал обозначать не только направление движения предмета вниз, но и направление движения вообще, что характерно для современного языка [Санжеев, 1953, с. 226]. Употреблялся после основы, редко - дат. мест. п.: Tünggelik-qoroqan huru'u niken bölok irgen newü'ju... [Ск.ск., § 5] "Вниз по реке Тунгэлик двигалась группа людей..."; ...Qalqa huru'u ne-

würün... [Ск.ск., § 208] "...продвигались в (сторону) р. Халхи..."; Tamir huru'u yabu'at... [Ск.ск., § 195] "Ушли к Тамиру (по направлению к Тамиру)..."; ...yaĵar=tur uruуu unасun=dur... [ТД 39, F 28 v] "...когда [она] упала на землю...".

Из современных языков употребляется в халхаском, бурятском, дагурском (хоро). В халхаском из послелого уруу образовался формант направительного падежа =руу / =руу, после основ на =р - =луу / =луу. Подчинение гармонии гласных и фонетическое преобразование являются важным и характерным признаком грамматикализации послелого в падежный формант.

Ulam соотносителен с усилительным наречием со значением "еще", "еще более". В качестве послелого обозначал "в следствие", "кроме того", "из-за", управлял исходным падежом: neyite taqiqui=aĵa ulam [НС, 17 б] "Кроме того, что вместе поклоняемся..."; eĵige=ĵe ulam köbegün inu... [СІ, 1338, с. 55] "Сын из-за отца своего..."; qatuуuĵil=aĵa ulam... [НС, 18 а] "Вследствие осмотрительности..."; taqimtaуu bol-qui=aĵa ulam... [НС, 18 а] "Вследствие того, что [последние] были сыновнепочитаемы...".

Esergü "против", "навстречу", "к". Употреблялся после основ и родительного падежа: nagan esergü büse=ben güĵü'ün=dür=iyeu erigeleĵü... [Ск.ск., § 103] "[Повернувшись] к солнцу, повесил свой пояс себе на шею"; ...Jamuqa=yin esergü inu morilaĵu... [Ск.ск., § 129] "...поехал навстречу Джамухе"; ...Ķinggis qa'an=u esergü morilaĵu'ui [Ск.ск., § 257] "...выступили против Чингис-хана".

Кроме доклассического и классического этот послелог употребляется в халхаском. В других монгольских языках в качестве послелого не зарегистрирован.

Ümere ~ ümereĵe "за", "позади" соотносителен с именем ümere (халх. умар) "север". Управлял родительным падежом: ger=ün ümere Jetei Jelme qoyar tuquular qara hūker ĵemlen alaĵu бүкүй=tür ... [Ск.ск., § 214] "Когда за юртой Джидей и Дзелмэ резали черного комолого быка..."; ...ger=ün ümereĵe kebte'ül=lü'e qamtu bayıĵu kelele'ültügei ke'eba [Ск.ск., § 229] "...[Должны находиться] вместе со стражей за юртой и [оттуда] докладывать".

Јаууg=a (в "Ск. ск.": ја'уга) образован от самостоятельно не употребляемого =јаууg со значением "промежуток" посредством окончания местного падежа на =а. Управлял основой и родительным падежом. Широко использовался в тексте "Сокровенного сказания" со значением "между", "среди", "в то время как": ...tere uqalĵa=yin maqaiden бүкүй ја'ура tabun nököt inu Јamuqa=yi qardaĵu barıĵu... [Ск.ск., § 200] "В то время, когда ели мясо горного барана, пять его друзей

схватили Джамуху..."; aqa de'ü ја'ура adaruqĵi tula adargin oboqtan bolba [Ск.ск., § 46] "Так как среди старших и младших братьев был буйн-забияка (adaruqĵi), род назвали Адархин"; Buуur-na'ur Kölen-na'ur qoyar ја'ура Ursi'un müren=ne бүкүй... [Ск.ск., § 53] "Находились на реке Уршуун, между озерами Буйр и Хулун..."; ...Ķekĵer Ķiqurgu qoyar=un ја'ура onggiradaı Deı-seĵen=ni Јolqaba [Ск.ск., § 61] "...встретили Хонхиридского Дэй-сэцэна между [урочищами] Цэгцэр и Чихургу". Этот послелог известен и в других современных монгольских языках.

Urıda соотносителен с наречием "раньше", "прежде". В качестве послелого обозначал "до", "перед чем-либо", управлял родительным падежом: nagan urququ=yin urıda sirqa aqtatan naiman morı[t] e'über hı[ĵ]deĵü yorĵiba [Ск.ск., § 90] "До восхода прошли [люди] и гнали перед собой восемь соловых мерингов"; Dalan-Nemürges bayılduĵu qatquıduqui=yin urıda Ķinggis qahan Јasaq ügüeldürün [Ск.ск., § 153] "Перед сражением в Далан-Нэмурге Чингис-хан повелевал..."; Temüĵin Јamuqa qoyar qamtu terged=ün urıda yabaĵu ayısurun... [Ск.ск., § 118] "Когда Тэмуджин и Джамуха шли перед повозками..."; Јırĵede[ĵ]=yi dongqotqu=yin urıda mangqud=un Quуıldar-seĵen ügülerün [Ск.ск., § 171] "До того, как Джурчидей ответил, Мангудын Хуйлдар сэчэн сказал...".

Наречие urıda и соотносительный с ним послелог произошли от общего корня үри=, что подробно обсуждается в [Санжеев, 1953, с. 228-230]. Послелог известен в халхаском, бурятском, калмыцком языках.

От послелого urıda образована форма urıda'un "перед чем-либо": ...ordo=yin qoyına'un urıda'un ketügelĵü yabuqu gü'ün=i barıĵu... [Ск.ск., § 229] "...задерживать людей, ходящих за и перед дворцом". (См. также примеры на употребление послелого qoyına'un).

Ilegüü ~ ilegü "более", "свыше", "кроме". В качестве послелого управлял исходным падежом, употреблялся иногда и после основы: arb[ĵ]n ilegü od... [СІ, 1338, с. 54] "свыше десяти лет..."; ср. в ПМ.: ...tabun Јayun ĵil=eĵe ilegüü doluyan Јayun ĵil sayıĵu bayınam [Санжеев, 1953, с. 207] "...пребываю здесь свыше пятисот лет, семьсот лет"; ...tshen ilegüü qoqıraĵu... [Хөх., 959] "...потерял более десяти тысяч". Этот послелог известен в халхаском, бурятском, калмыцком, дагурском, монгорском языках.

Şıqan ~ şıqam "около", "почти", "до", "у". Образован от глагольной основы şıqa= "жать", "прижимать", "подходить вплотную" посредством суффикса =n/ =m. В "Сокровенном сказании" употреблялся после дательного-местного падежа, в классическом и современном языках - после основы: a'ula=tur şıqan bawуya... qol=tur şıqan

bawuуа [Ск.ск., § 118] "Остановимся около горы, остановимся у реки", edö'e basa dayisun=tur šiqaп dayisun müт gü bolууи [Ск.ск., § 136] "Сейчас и около врага стал врагом"; ср. в ПМ. Төмүчин anda ауула сиқам баууу=a... үоол сиқам баууу=a [АТФ, 965-966] "Побратим Тэмучин, остановимся возле горы..., остановимся у реки". Ср.: в современном монгольском: зуу шахам [МРС, с. 648] "почти сто". Известен в бурятском, калмыцком, дагурском языках.

Kürtele (в "Ск.ск.": gürtеле) "до", "вплоть до". По происхождению - деепричастная форма глагола күр= "доходить", "достигать". В древних текстах еще сохраняется управление местным и дательным местными падежами, но лексическое значение глагола уже ослаблено. В более поздних классических текстах и современных языках чаще всего употребляется после основы слова. Ср. примеры: үјаууг=са үјүгүр=түр күртеle... [Cl., 1362, с. 67] "С начала до конца ..."; öрүн=eče дөрүн=e күртеle... [НС, 33 б] "С запада до востока..."; [deger=e=eče] dorudus=tur күртеle čimalıqai ügei=yi uqamuyu [НС, 1 б] "Понимаешь, что [от верхов] вплоть до низов не было вражды"; ejeу=e күртеle ber alayan=u наууг kemen nereyidümüi [ТД 50, F 42 г] "[Озеро] до сих пор называется "озеро с ладонь"; qurban ja'ut merkid=i uruq=un uruq=a gürtеле хүнесү=eг keyistele ülitgeba [Ск.ск., § 112] "Уничтожил триста меркитов, развеял в пепел до потомков [их] потомков".

Boltala "до", "вплоть до", так же, как и күртеle - деепричастная форма, образованная от глагола бол= "становиться", "делаться", "наступать": ...söni дүли boltala бөклексен čisun=i ama'ar дү'үрeнг jaiki'at asqa'at... [Ск.ск., § 105] "...до ночи отсасывал ртом и заглатывал свертывающуюся кровь"; ...qotola ulus=i inu qo'osun boltala bawuluyu [Ск.ск., § 145] "Все государство его разорю дотла (до пепла). Употребляется в бурятском: болотор, калмыцком: болтл с тем же значением.

Частицы

Частицы - это разряд служебных единиц, объединяемых общей для них функцией выражения различных смысловых оттенков отдельного слова или целого предложения. Они обозначают то или иное отношение действующих лиц или автора к сообщаемому. Их назначение - сообщать дополнительную, эксплицитно не выраженную окраску в смысловом значении тех или иных лексических единиц, организованных в предложения. Сами же они в большинстве своем обладают весьма "размытой семантикой", неясным и неопределен-

ным значением, которое выявляется и определяется контекстом. Это мир дополнительной скрытой семантики [Николаева, 1985, с. 14, 29].

Присоединяясь к знаменательному слову, частицы конкретизируют его значение, выделяют из ряда других членов предложения, своим специфическим значением подчеркивают и актуализируют его. В речи они выражают отношение между говорящим и слушающим, отношение к обсуждаемой ситуации, намерения, предпосылки и эмоции, стремление обратить внимание слушателя или читателя на то или иное явление или высказывание.

Характер и значения монгольских частиц не одинаковы. Но всех их (за исключением некоторых отрицательных) объединяет одно свойство - расположение в постпозиции по отношению к обслуживаемому слову. Большая часть из них - односложные архаичные формы, не возводимые на синхронном уровне к какой-либо части речи.

В доклассических монгольских текстах зафиксированы следующие разряды частиц:

- 1) выделительные, 2) вопросительные,
- 3) отрицательные, 4) притяжательные.

Выделительные частицы

Частица бер. Среди выделительных частиц это частица занимает особое место. Распространенная в доклассических и классических текстах она абсолютно не известна современным монгольским языкам, тогда как многие другие частицы являются для этих языков общими.

Этимология и происхождение этой частицы не ясны, как впрочем и большинства других частиц, которые будучи первообразными, этимологизации почти не поддаются [Подробнее, Орловская, 1984, с. 209].

В текстах XIII-XIV вв. частица бер была распространенной, употреблялась она после любой части речи и любого члена предложения (за исключением, пожалуй, финитного сказуемого, выраженного изъявительными глагольными формами). Как правило, она имела усилительно-выделительное значение, в основе чего лежит стремление обратить внимание слушателя или читателя на то или иное слово или часть высказывания. Конкретизируя значение отдельного слова в предложении, бер сообщает ему большую определенность, выделяет его из ряда других знаменательных слов.

Будучи показателем подлежащего, бер в то же время подчеркивала, усиливала выделяла именно его значение: Köbegün inu ber iliq=a бүкүи=degen... öhöčün qočorbasu... [Cl., 1338, с. 55] "Когда сын ее

в раннем возрасте... остался сиротой..."; *bi ber ende aju* [ТД 45, F 35 v] "Именно я нахожусь здесь". Это относится также к прямому дополнению и к любому другому члену предложения: *...irgen=i ber ülü aljıyaıulun ajuıu* [Cl., 1338, с. 54] "...народ до разорения не доводил"; *qamıı=a ber qamıı=a ber odbasu qutuı=tu čımayı=yuıyan bi ču daıyan odumı* [ТД 35, F 23 г] "Куда бы и куда бы [ты] ни пошел, и я последую за тобой, своим святым"; *darqan ber=e ber öggügsen* [Cl., 1338, с. 54] "[Он] пожаловал ему даже титул дархана"; *...qamıı qatud nököd čınu ber yaıča namayı ber ügeı=e yaıyaıu* [ТД 33, F 20 v] "...все твои женщины и сподвижники убьют ведь меня". Эта частица передавала также значения "тоже", "также", "и", "ни": *ünen sayıtur ögülebeı čı, bi ber egün=i küsemü* [ТД 28, F 10 v] "Ты сказал правильно, я тоже желаю этого"; *edüge biden=tür ba tandur ber ülü joqılduqun* [УМУДБ, с. 72] "Сейчас ни нам, ни вам (нам и также вам) взаимно не подходит."

Вопросительным местоимениям частица *ber* наряду с усилением его значения придавала и значение неопределенности, а в отрицательных предложениях - неопределенно-отрицательное значение: *...kedün ber pouyalaqu ber=e olbasu...* [НС, 20 а] "...сколько бы ни старались получить дворянские звания..."; *qurban müred=ün teri'ün ken ber bu bawılutqun* [Ск.ск., § 179] "У истоков трех рек никому не останавливаться!"; *ya'un ber jolı'a ögüye* [Ск.ск., § 272] "Отдам любой выкуп"; *Činggis qa'an=a ya'u ber ese ökba* [Ск.ск., § 157] "Чингис-хану ничего не дал".

После причастных форм, в том или ином их синтаксическом употреблении, *ber* наряду с усилительно-выделительной функцией выполняла и субстантивирующую функцию: *sereküi ber tanu jöb* [Ск.ск., § 20] "Подозрения-то твои верны"; *...küseküi jıryalang=i küseküi ber ügeı tayalaquı ber ügeı sedkiküi ber ügeı=ıyer, jobalang=i jobalang ülü kemeı qataııjııu* [ТД 45, F 35 г] "...те, кто не желает радости наслаждения и не любят [их], не думая [о них] терпят лишения, не называя страдания страданиями".

Выделяя значение деепричастных форм, частица *ber* придавала им иногда уступительно-условную окраску. Прежде всего это касалось условного и соединительного деепричастий, ср. например: *sılam=tur orabası ba esebesü ber yaıča mongke* (вм. *Möngke* - МО) *mede kemeıjü...* [УМУДБ, с. 48] "Когда совершать или не совершать омовение, знает только Вечное Небо..."; *üges=ıyen delekeı deger=e qamıı=a ba ügülebesü ber gem ügeı bolııyad...* [НС 7 а] "Хотя свои слова [они] распространяют повсюду на земле, проступка (греха) [для них] в этом нет..."; *Činggis qaıyan ügülerün Öködei=lü'e itegelten Bo'orču Boroqıl goıar gočorču'u. Aju ber üküjü ber ya'u qaqaıaqun tede ke'eba* [Ск.ск., § 172] "Чингис-хан сказал: «У Огэдэй'я остались два надежных [дру-

га]; Боорчи и Борохул. И в жизни, и в смерти (хотя жив или умер) они не расстанутся с ним». Ср. этот текст в переводе на современный монгольский язык, где вместо соединительного деепричастия с *ber* употреблено уступительное: Амьдравч үхэвч тэр хоёр түүнээс харацахгүй [МНТ, § 172] досл.: "хотя жив, хотя умрет, те двое не расстаются с ним".

В отрицательных конструкциях частица *ber* могла занимать соподчинительную позицию по отношению к отрицательной частице, предшествующей деепричастной форме, тем самым усиливая отрицательное значение предложения: *...bičig=erdem es=e ber surbasu...* [Cl., 1338, с. 54] "...хотя и не изучал науки..."; *soıol surıyal=i es=e ber jarčımlabası öbesüben bütügeıü ulus=un üile es=e ber ıryıılabası öbesüben tübsigeridüıü* [НС, II б] "Если даже [кто] не будет строго придерживаться поучений [мудрецов], [они] будут сами осуществляться; если даже [кто] не будет строг в государственных делах, [они] будут сами разрешаться".

В отдельных случаях частица *ber* приобретала и словообразовательное значение, сохранившись в современном языке в некоторых словоформах: *ünen ber > üneker* (совр. орфография - *үнэхээр*) "действительно, поистине, в самом деле". Ср. предложения: *ünen ber daıhan aqa mınu jö[b] ese bolı'asu olon mongqol ulus önečırekün* [Ск.ск., § 272] "Поистине, если хан - брат мой ослабнет (лишится чувств), монгольское государство осиротеет"; ср. в совр. языке: *үнэхээр сайн хүн* [МРС с. 484] "действительно (поистине, в самом деле) хороший человек"; *kerbe < ker be[r] > kerber* (в совр. орфографии *хэрэв=хэрвэ* союз "если", "в случае"): *ker ber bariqda'asu bi dan=tur oroqu duratu üile'e* [Ск.ск., § 145] "Если бы меня схватили, я [сказал бы], что хотел бежать к вам". Ср.: *хэрэв эс хийвэл хоосон хононо* [Цэв., с. 765] "Если не сделаешь, ляжешь спать без ужина (пустой)"; *alı ber > alı be > alıba* (в совр. орфографии: *аливаа*) "всякий, каждый, любой": *alı ber ber=e ben ügülele'e bi* [Ск.ск., § 272] "Каждое свое слово сказал я". Ср.: *аливаа хэрэг* [Цэв., с. 32] "любое дело". Впрочем *kerbe* и *alıba* могли образоваться и при сращении с *ker* и *alı* частицы *ba*, также усилительно-выделительной. См. ниже.

Частица *kü* (в "Ск.ск.": *gü*) также принадлежала к числу широко распространенных. Как и *ber*, она употреблялась после любого члена предложения, но в отличие от последней могла стоять и после сказуемого, выраженного изъявительными глагольными формами. В позиции после того или иного слова или предложения в целом, эта частица акцентировала на них внимание, указывала на важность, выделительность данного члена предложения по отношению к другим членам всего высказывания. Особенно широко она использовалась в тексте "Сокровенного сказания", придавая ему особую эмоциональность и выразительность: *ni'ur qo'a niru'un urtu bi=gü buı=je* [Ск.ск.,

§ 272] "[Это] ведь (именно) я высок ростом и хорош собой"; teyin ber bügesü tngri=lüge nigen=e qamuy yirtinčü=dekin=ü üliгер ger=e inu či kü ülü gü bui [ТД 64, F 60 г] "Если это так, не являешься ли (именно) ты примером и свидетельством всего живущего в мире, включая богов?"; Dayir usun=u=gü ebertü ünügün čaqa'an=i Temüjin=e unu'ulba [Ск.ск., § 117] "Усадил Тэмуджина на белого с челкой коня того самого Дайр-усуна"; Jelme ö'esün=gü usun erjü abčiraju... [Ск.ск., § 145] "Эзмэ сам нашел и принес воду"; ayaqa saba kebte'ül=gü asaratuqai [Ск.ск., § 232] "Посудой пусть ведают кэбтэулы (стража - МО)". Tere=gü üdür=ün unuqsan aqta... [Ск.ск., § 229] "В тот же день оседланный конь..."

Числительным частица кү / гү придавала как ограничительное значение "всего лишь", так и усилительно-выделительное: ...qoyar kü kümün bosуayuluуsan ажуу [Cl., 1346, с. 71] "...всего лишь два человека соорудили [это]"; qurban=gü tümet bolju... [Ск.ск., § 129] "Составили всего три тумэна...". В других случаях этой частицей выражалось желание сконцентрировать, усилить внимание на количестве лиц (предметов): Senggüm anda qoyar=gü elčün ile Jamuqa anda qoyar=gü elčün ile Altan qoyar=gü elčün ile Qučar qoyar=gü elčün ile Ačiq-širun qoyar=gü elčün ile Qač'i'un qoyar=gü elčün ile ke'en... [Ск.ск., § 181] "Сказал: «Пусть побратим Сэнгум отправит два посла, побратим Джамуха отправит два посла, Хучар отправит два посла, Ачиг-Ширун отправит два посла, Хачигун отправит два посла»".

В своем усилительно-выделительном значении частица кү / гү нередко соответствовала значению таких русских частиц, как "же", "также": Tegündilen kü üiledbei [ТД 42, F 32 v] "[Они] действовали точно так же"; ...tende=gü oroba [Ск.ск., § 196] "...там же и присоединились [к Чингис-хану]"; ...merkid=i söni=de=gü daručaju... [Ск.ск., § 110] "...меркидов разбили той же ночью"; Hö'elün eke öter=gü bosbi [Ск.ск., § 99] "Матушка Оэлун тотчас же встала".

Как уже выше сказано, эта частица употреблялась после любой глагольной формы, в том числе и после изъявительных. Важность, значимость, утверждение в законченности действия особенно наглядно выражено в следующих однородных предложениях: besüd=eče Degei Kүүгүр aqa de'ü qoyar ireba=gü suldus=ača Čilgütei Taki Tayičiudai aqa=nar deü=ner ireba=gü jalayir=un Seče Domoq Arqai-Qasar Bala qoyar kö'üd=iyer=en ireba=gü qongqotan=ača Süyiketü=čerbi ireba=gü sükeken=ü Jegeri qongdaqor=un kö'ün Sükegei=Je'ün ireba=gü [Ск.ск., § 120] "От бесудов прибыли братья Дэгэй и Хучугур. От сулдусов прибыли братья Чилгутэй -Тахи и Тайчиудай. От джалаириров прибыли Сэцэ Домог и Архай Хасар-Бала [в сопровождении] своих сыновей. От хонхотанов прибыл Суйхэту-чэрби. От сухэгэнов прибыл сын Джэгэй-хондагара Сухэгэй-Джаун".

Негативное значение действия усиливалось наличием частицы кү/гү после отрицательной частицы: ...samayu üiles es=e kü edüfügü [НС, 15 б] "...смутных дел не возникало"; či qan bol ke'esü ese=gü bolba=je [Ск.ск., § 179] "Стань ханом, - сказали мы, - [но ты] ведь не стал".

Подобно частице ber, кү / гү сохранилась в современном языке в некоторых словах в качестве словообразовательной морфемы: ünenkü < ünen kü (в современной орфографии үнэнхүү) "совершенно верно, истинная правда" < ünen "правда", γayčaqи < γayča kü (в современной орфографии гагцхуу) "только", "всего навсего" < γayča ~ γапča "один, единственный", terekü < tere kü (в современной орфографии тэрхүү) "тот самый" < tere "тот"; enekü < ene kü (в современной орфографии энэхүү) "этот самый" < ene "этот".

Частица ču / či. Эта частица называется также противопоставительной или уступительной, но она выполняла и усилительно-выделительную функцию с оттенком противопоставления. Сфера употребления ее в древних текстах была сравнительно узкой, что, видимо, связано с активным употреблением двух предыдущих частиц. Причем исчезновение частицы ber из современных языков активизировало употребление ču, которая широко применяется в современном монгольском языке как "усилительная частица со значением "даже", "и" [РМС, с. 624].

Подобно ber и кү частица ču относилась к разным членам предложения, подчеркивая и выделяя их значение среди других его членов, например: bi ču dayan odumui [ТД 35, F 23 г] "И я последую [за тобой]"; ...Canak a edüge ču čay bolju amui [ТД 34, F 21 v] "...Чанака, сейчас уже наступило время".

В "Сокровенном сказании" употреблялся вариант ču - či с тем же усилительно-выделительным значением, напр.: Qo'aqčün emegen ügülerün ger=či oyira buyu Temüjin бүкүи=yi ügei ese uqabi [Ск.ск., § 100] "Старуха Хоагчин сказала: «Юрта-то близко, а здесь или нет Тэмуджин, не знаю»; olang=či boltuqai kömüldürge basa ker mültüregü büle'e [Ск.ск., § 80] "Пусть сползла подпруга. Но как еще и подгрудный ремень упал?"; ...tede qortan emeged=i ebče'üt anu jorqaldaya=či [Ск.ск., § 275] "...поломаем-таки ребра тем коварным женщинам".

Частица ele. В отличие от других, не поддающихся этимологизации частиц, ele возводится к указательному местоимению ele "этот", "самый", "данный", что и определяет ее усилительно-выделительный характер, подчеркивающий интонацию утверждения, а также оттеняющий и усиливающий значение предшествующего ей слова: ...sedkil=dür ele ayulbasu umartaqu ödür kejiу=e bolqu [НС, 35 а] "...если [я] призываю [его] быть [именно] в [моем] сердце, то когда наступит

день, что я забуду его?"; ejen minu či odbasu ele: qayan ečige činu... amin=ačayan ber qayačayad... [ТД 33, F 20 г] "Господин мой, если ты удалишься, хан-отец твой уйдет из жизни...". Особенно часто частица употреблялась в тексте "Сокровенного сказания", придавая (как и другие выделительные частицы) особую эмоциональность, выразительность и образность описываемых событий: ene jewüdüin minu čimayi ele kö'ü=be'en uduritču iregüi=e üjeksen aju'u [Ск.ск., § 63] "Этот мой сон предсказал, что именно ты придешь со своими сыновьями"; ...kesi'üdün ötögüs aqalaqdaba ele [Ск.ск., § 227] "...было же доложено старшинам хишигтэнов"; amitu ele gü'ün tutam ere=yin tabun anggida qal=nu'ut tülejü... [Ск.ск., § 193] "Каждый живой человек, [каждый] мужчина [пусть] зажгут по пять отдельных огней..."; qahan соуурqа'асу egeči=yen ele üje'esü [Ск.ск., § 155] "Если хан соизволит, покажу свою старшую сестру"; yambar ele sayi üje'ülemü ke'jü [Ск.ск., § 63] "Что бы это предвещало?".

Частица *ele*, как и все предыдущие, употреблялась и после отрицательных частиц *ese* и *ülü*, усиливая значение отрицания в обозначенном глагольной формой действи: ...beyes=ečegen ese ele ang-gijigaulbasu... [НС, 5 б] "...если [они] не заставляют себя освободиться от своих тел"; *ülü* ele uyidun baribasus... [Cl., 1362, с. 68] "...если [они], не уставая, поддерживают".

Эта частица является наиболее распространенной в современных монгольских языках, где имеет три основных значения: подтвердительные, настойчивого утверждения и выделительные [Бертагаев, 1964, с. 52].

Частица *ba*. Особенностью этой усилительно-выделительной частицы является то, что в древних текстах она графически совпадала с еще двумя грамматическими единицами: древним личным местоимением 1-го л. множ.ч. *ba* "мы" и соединительным союзом *ba* "и".

Местоимение *ba* к концу XIV в. было заменено другой формой *bidan/biden* "мы".

Что же касается двух других омоформ, то в трудах по классическому монгольскому языку частица *ba* отождествлялась с союзом *ba*, точнее: считалось, что она может употребляться и для разделения одинаковых членов предложения [Бобровников, 1849, с. 179; Котвич, 1902, с. 133, 163].

Однако, если союзы - это служебные единицы, выражающие связь между отдельными словами, словосочетаниями и предложениями (соединяя или разъединяя их), то функция у частиц принципиально иная. В отличие от союзов они служат для выражения в речи различных смысловых и модальных оттенков.

Частица *ba* в монгольском языке относилась в разряде усилительно-выделительных частиц, таких как *ber*, *ču*, *kü*, *ele*, которые за

исключением только *ber* и *kü* активно используются и в современном языке. Она употреблялась после любого члена предложения, концентрируя внимание читателя на предшествующем ей слове, выделяя и подчеркивая его особое значение среди других слов. В этом своем употреблении она, как правило, соответствовала смыслу таких русских частиц, как "даже", "также", "и", "ни, ни", например: ...niyur=tur yiguyai burtay=l sačubasu ba bodisdv sümir ayula metü ülü ködel=ün aju...

[ТД 48, F 39 г] "...и даже когда [они] бросали землю и грязь ему в лицо, Бодхисатва подобно горе Сумэр не двинулся с места"; ene ba köd=ün aqa=yi ayala'ulqu yosun Ča'adai aqa=ača bol'ju'u=je [Ск.ск., § 270] "И [даже] это [предложение] отправить старших сыновей в поход исходило ведь от Чагадай'я"; ...bodisdv=tača asura ba qola busu ja'ar=ača... [ТД 64, F 60 г] "...с места даже весьма недалекого от Бодхисатвы..."; ja'ura odurun ba irerün ba gü'ün=ne ese üjekdebe [Ск.ск., § 145] "По пути ни когда отправлялся, ни когда возвращался не был замечен людьми".

В отдельных случаях *ba* / *be* придавала предшествующему слову значение некой неопределенности; öki be ya'yaqui=dur... [Cl., 1338, с. 55] "Когда заставляют чью-либо дочь выйти [замуж]...", а также передавала значение "что касается..."; "что до...": ...ulus ba joba'amu [Ск.ск., § 152] "...что касается народа, [то он] страдает (= "что до народа"... = "а народ")".

В других случаях "*ba*" как бы изолирует предшествующее ей слово от других, выделяя его тем самым как главное в предложении: qagan ba ünemsige'üjei [Ск.ск., § 169] "Люди как бы не приняли [это] за истину".

Местоимениям частица "*ba*" придавала значение неопределенности в отрицательных предложениях: ...qagi'u inu ya'u ba ese ügüleba [Ск.ск., § 118] "...в ответ я ничего не сказал"; ...ya'un ba ülü bo'yan... [Ск.ск., § 131] "...ни на что не обращая внимания...".

При отсутствии отрицательного значения в предложении "*ba*" придавала местоимению "усилительно-словообразовательное" значение: basa ya'u ba keleleksen=i ... sonos ke'eba [Ск.ск., § 121] "А также слушай... все сказанное"; ...üges=iyen delekei deger=e qamiy=a ba ügülebesü ber... [НС, 7 а] "...если свои слова произносить повсюду в мире...".

Числительные с "*ba*" получали усилительно-ограничительное значение: nigeken ba sidi=yi öggün соуурqабасу ele... [ТД 30, F 13 в] "Если только [вы] соизволите пожаловать всего лишь только одно волшебство..."; ...qučün ba eme=tü bo'ya [Ск.ск., § 121] "и [всех] тридцать сделать женами".

Следует отметить и еще один факт: частица "*ba*" употреблялась иногда с мягкой огласовкой, т.е. "*be*" вместо "*ba*". Некоторые

частицы этого разряда также употреблялись с мягкой и твердой огласовкой, например, *qu / kü*. Думается, что употребление "be" вместо "ba" было своего рода приемом разграничения ее с омоничным ей союзом, особенно, если они употреблялись в одном и том же предложении, так например: *tede irgen Bodončar=i ken=ü=ei ba ya'un'ai be ke'en asaqu ügei. Bodončar be tede irgen=i ya'un irgen ke'en asa'ulčaqu ügei yabulduba* [Ск.ск., § 29] "Те люди не спрашивали Бодончара, кто (кого) и чей он. И Бодончар не спрашивал тех людей, что они за люди". Как видим, в первом предложении употреблены "ba" и "be". Можно предположить, что "ba" является здесь соединительным союзом "и" ("кого и чей"), а "be" - усилительно-выделительной частицей, относящейся к двум вопросительным местоимениям "именно кого и чей". Во втором предложении "be" относится к имени собственному Бодончар, эмоционально усиливая, выделяя его значение.

Усилительно-выделительное значение этой частицы в переводе на русский язык могло и не передаваться, а выявлялось лишь логическим ударением, например: *ökin=i yen be öksü kö'ü=i yen be güreget=te talbiju o[t] ke'e'ba* [Ск.ск., § 66] "[Я] дочь свою отдам, [а ты] сына своего оставь (в качестве) зятя и уезжай".

Частица "ba" неизвестна в современном монгольском языке. Она сохранилась лишь в таких древних словоформах, как аливаа "всякий", "каждый", "любой", "какой бы ни был" при аль "какой", "какой"; ямарваа "любой", "всякий" при ямар "какой". Вместо *ba* стала широко употребляться частица "ч" с аналогичным значением, тогда как в ранних текстах она имела сравнительно узкую сферу употребления. Союз же "ба" сохранился в современном языке как наследие старописьменного. Он выполняет разделительно-объединительную функцию и особенно характерен для книжного и канцелярского языка [А.Лувсандэндэв, 1975, с. 33].

Частица ja / je. Конкретное значение этой частицы определяется контекстом, позицией в предложении и глагольной формой, за которой она следует. С одной стороны, это - модальная частица, придающая какому-либо действию или всему предложению оттенок сомнительности, неуверенности, ненадежности, что можно передать такими словами, как "возможно", "видимо", "вероятно", "пожалуй": *...siltayan ene kü bui je* [Cl., 1338, с. 54] "...причина, видимо, именно эта"; *...olan qari=yi orayulu yad nigedkekü siltayan ene kü bui je* [Cl., 1338, с. 54] "...именно это является, видимо, причиной покорения и объединения многих княжеств"; *siltayan inu yaun kemebesü ngrı=yin jayayabar törögßen kü bui je* [Cl., 1338, с. 54] "Если говорить: "В чем причина?", [то это], по-видимому, то, что [они] родились именно судьбой Неба".

С другой стороны, *je* выражала утверждение, твердую уверенность и особую экспрессию, что в значительной степени определялось контекстом: *sayin gü'ün=ü kö'ün aju'u=je* [Ск.ск., § 135] "Он определенно сын хороших людей"; *Tede irgen inu qatqaldumui=je* [Ск.ск., § 170] "Те люди, наверняка, сражаются"; *taqil tabiy=un uile saqin čidamui je* [НС, 7 б] "Только тогда смогут сохранить дело жертвоприношения".

После глагольной формы на *=уи*, которая сама содержит в себе модальные значения несомненности производимого действия, частица *je* придавала высказыванию оттенок потенциальной возможности или правдоподобности: *qan ber bügesü qalayar degejilegdekü inu buyu je* [НС, 32 б] "Даже если [он] и действительно правитель (хан), то, конечно, должен [кто-то] быть почитаем и им"; *e[n]de oyira buyu=je* [Ск.ск., § 31] "[Они], видимо, здесь недалеко".

В древних текстах частица *je* употреблялась не только в конце предложения, но и после любого из его членов, придавая слову такую большую степень правдоподобности, которую можно передать словами: "именно", "несомненно", "определенно": *bi je soyraqaydu...* [Cl., 1362, с. 67] "Именно я был пожалован службой..."; *...urida tobčiyen je qadayałaysan=ača...* [Cl., 1362, с. 67] "...из-за того, что прежде [мне] было поручено именно бюро..."; *...taqimdayu bolquı=ača deger=e basa yaun je aqı* [НС, 17-18 а] "...что же еще [что именно] может быть выше почитания родителей!".

В целях особой экспрессии *je* употреблялась и после деепричастных форм, непосредственно предшествующих заключительной изъявительной форме: *...qurdun ayan=tur güyyičen=je yadamui=je qurča bulqa=tur bulqaldun=je yadamui=je* [Ск.ск., § 249] "В быстром походе ведь не сможем догнать, в немедленное сражение не успеем ведь отправиться".

Кроме того частица *ja / je* употреблялась и в начале предложения со значением согласия с чем-л. "ладно", "хорошо", "пусть будет так": *je teyin bš'esü ger=tür=i yen gü'ü...* [Ск.ск., § 36] "Ладно, если так, доедем до юрты..."; *je deli ke'en sayin ečige=yı setkičü...* [Ск.ск., § 242] "Ладно, пусть будет так, подумаем о своем добром отце..."; *je ke'en eye baraldıju ča'ur=beki=yı ögüye* [Ск.ск., § 168] "Хорошо, - скажи они, - придем в согласие и отдадим Чаур-бэки". В таких случаях *ja / je* могла сочетаться с усилительно-выделительной частицей *kü / gü*: *je=gü ke'eldüba* [Ск.ск., § 82] "Можно (хорошо), конечно, - сказали все".

Частицы отрицания

Эти частицы подразделяются на: I - препозитивные: а) запрети-тельные, употребляемые только при повелительно-желательных формах; б) собственно отрицательные, используемые при различных глагольных формах (изъявительных, причастных, деепричастных) и II - постпозитивные, относящиеся к именам и причастным формам.

I - что касается запретительных частиц, то в древнемонгольском языке, в отличие от современного (где их две), употреблялась только одна *bu/buu* "не", обозначающая прямой запрет или намерение не совершать какое-л. действие, например: *uridus=un sayin neg=e=yi buu yutuyadqun* [Cl., 1362, с. 64] "Не позорьте добрые имена предков!"; *...mayui üile buu böged üiledüdkün* [Cl., 1362, с. 65] "...не совершайте в таком случае плохих дел"; *bida bu bawuya* [Ск.ск., § 118] "Мы не остановимся!" *quda kö'ü minu noqai=yuаса bu soči'ul* [Ск.ск., § 66] "Сват, не позволяй моему сыну бояться собак"; *manaqar bu megüdesü qonoq=tur bu qojidasu* [Ск.ск., § 124] "Днем не растеряюсь, ночами не задержусь"; *yeke eye=tür Belgütei bu orotuyai* [Ск.ск., § 154] "Пусть Бэлгутэй не приходит на Великий Совет".

В сложных предложениях *bu(u)*, как и другие отрицательные частицы, могла находиться перед срединным сказуемым, выраженным деепричастными формами при условии, если заключительное сказуемое - повелительно-желательная форма: *...aq=a degü kü-mün=lüge boduraldubasu erke omuy=iyan ülü jıyan öber=eče, dorodas üdüged=i buu basumjılan öber=ečegen erdem=tü sayid=luya aq=a degü barıldu* [Cl., 1362, с. 65] "Если вы общаетесь с людьми, ставшими для вас братьями, не показывайте свою власть и гордость, не унижайте тех, кто ниже и беднее вас, станьте побратимами с теми, кто более талантлив и лучше, чем вы сами".

Единственный зафиксированный нами случай употребления *bu* / *buu* перед формой будущего причастия можно объяснить тем, что в данном примере выражено повелительное значение: *buu boldaqı* [ТД 32, F 18 v] "не должно быть дозволено".

Перед прочими глагольными формами отрицаниями служили *ese* и *ülü* "не".

Частица *ese* употреблялась практически со всеми глагольными формами: изъявительными, причастными, деепричастными, например:

1) с изъявительными формами прошедшего времени: *...alı be joblangud=i es=e üjebei* [Cl., 1362, с. 65] "не видел никаких страданий"; *...ese gü üjebei či* [ТД 63, F 58 v] "разве ты не видел?"; *tede irgen*

Bodončar=un qarčiqai quyu'asu ese ökba [Ск.ск., § 29] "Когда те люди попросили у Бодончара ястреба, [он] не дал"; *tedüi erjü ese oldalāi* [Ск.ск., § 112] "Искали, [но] не нашли"; *...aqta=yin qarqam ese üje'ülü-e'e* [Ск.ск., § 194] "Задний ход (отступление) коней не показывал"; *Činggis-qa'an=a qubi ese qarqaju'u* [Ск.ск., § 260] "Чингис-хану доли не выделили"; *...güre'elekset qajar=ača ese gödöjü'üi* [Ск.ск., § 146] "...с достигнутого места, (с места, где расположились обозом) не сдвинулись";

2) с причастием прошедшего времени: *oyıra es=e qalyaysan* [Cl., 1362, с. 67] "близко не подпускал"; *...urid=ača ese sonosuysan, ese qaysan* [ТД 45, F 34 v] "...прежде не были услышаны или осознаны"; *...ulus irgen=i masi ese qairalaqsan=u tula...* [H III, II a, 25 v, 5] "... так очень не жаловал народ...";

3) с деепричастными формами: *...čimayi ese taniju ögülegsen* [ТД 44, F 33 v] "...сказал, не узнавая тебя"; *...ese itegejü ...* [H III, II б, 23 г, 1] "...не доверяя..."; *...tenggeride ese ta'alaqdaju...* [Ск.ск., § 246] "...не соответствовало желанию Неба..."; *ken=e ber ese dutatala... üge'eldüba* [Ск.ск., § 187] "Никому не было недостатка..."; *...elčin=luwa ese üjeldü'et...* [H III, II a, 20 v, 4] "... с послем не встретились..."; *Čölölüren ki'et qajar usun=ača'an ejiye ese qaqacaqsabar...* [H III, II б, 5 г, 5-6 v, 1] "От реки Цол и водных мест продолжали не отходить (не отставать)..."; *emigejü qayiralaju es=e [ebdere]gülbesü taqımdayu bolqu=yin angq=a uridu üile buyu* [HC, 2 a] "Если проявляя осторожность и любовь, [мы] не позволяем [им] расстраиваться, это и будет самым первым делом сыновнего почтения"; *...ötör güyüjü gürcü ese qa'asu Altani eme gü'ün yekin büle'e* [Ск.ск., § 214] "... если бы [мы] не одбежали и не убили [его], что бы делала Алтани?"

Частица *ülü* употреблялась перед следующими глагольными формами:

1) деепричастиями, причем чаще всего перед формой слитного деепричастия, что особенно характерно для языка "Сокровенного сказания", например: *...uruq=a ülü to'an qubi ese ökba* [Ск.ск., § 23] "...не посчитав за родного, доли не выделили"; *Yesügei ba'atur=un qe=yi busi ülü bolqan Mönglik otçu...* [Ск.ск., § 69] "Следуя словам посл.: слова не делая другими) Есугэй-батара, Мунлик отправил..."; *...ülü toqtan tayčji'ud=un qoyınača newüjü'üi* [Ск.ск., § 73] "...не становливаясь, двинулись вслед за тайджиудами"; *...ende tende ülü bulıran...* [Cl., 1338, с. 53] "...не рассыпаясь повсюду...". Реже *ülü* встречалась с соединительным и разделительным деепричастиями, например: *qayıla'asu qarayıju ülü üjejü ...* [Ск.ск., § 56] "Если в плакать

будешь, поскачу [вслед и] не увижу (не видя)..."; teyin ülü uqayad mungqay=ud ta [ТД 66, F 62 v] "Итак, вы не понимаете, глупые вы?"

2) с причастиями: главным образом перед причастием будущего времени на =qu/=quii/=qun: či ülü čidaqu bi nekesü ke'e]ü [Ск.ск., § 89] "ты не сможешь, погоняюсь я"; ülü ja'au bi [Ск.ск., § 82] "Я не выдам тебя"; amiban ülü sögegdeküi [НС, 36 б] "Жизнь свою не подвергают уничтожению"; ülü singgeküi ide'e ideldü]ü [Ск.ск., § 201] "Вместе ели несъедобную (неперевариваемую) пищу..."; tenggeride ülü ta'alaqdaqun [Ск.ск., § 167] "Небо не будет благоволить [нам] (не будем покровительствованы Небом)"; bidan=a ülü taniqdaqun olon=i mün tende bō'et... [Ск.ск., § 199] "Нам незнакомых людей [оставьте] там же..."; ulus ba ülü medekün kö'üt... [Ск.ск., § 270] "Сыновья, не управляющие государством...".

Кроме того ülü использовалась и перед формой однократного причастия на =γči(=qči,=kči) / =γčün / =qčün: ...ulus=un iregen=i ülü qairlaqči qahan=ni bügüde=yi tübš'eridü'et... [Н III, II а, 25 г, 1] "...умиротворив всех правителей (ханов), не жалующих свой народ..." tenggeri=yi ülü күндүлекči ügei bügü silta'an... [Н III, II а, 1 v, 2] "...причина в том, что нет непочитающих Небо..."; jarliq jasaq=i inu ülü daqaqčün ügei a]u'u je [Н III, II а, 17 v, 4] "... не было ведь [таких], кто не следовал [не следовавших] порядку и закону".

3) перед изъявительными формами настоящего времени на mi/=müi и =yu: ...olon amitan kedün bügü=yi ülü medekdemü [Н III, II а, 1ч, 2] "Неизвестно, сколько находится живых существ..."; yakin teyin tatayal]aju ülü bolümü či [ТД 34, F 20 г] "Почему ты так возражаешь и не соглашаешься?"; basa čöl qa]ar=a görö'esün=eče busu ülü amui [Ск.ск., § 279] "Кроме того в пустыне нет других [животных] кроме антилоп"; kebt'e'ül=ün čerik ker ülü qarqaqdamui [Ск.ск., § 293] "Почему не будут отправлены кэбтэулы...?" edö'e nököčeyu ke'esü ülü boluyu [Ск.ск., § 271] "Сейчас предлагаю дружбу, но [ты] ведь не соглашаешься"; ülü sirgiyü ali=be čay=tur [Сл., 1362, с. 68] "не высыхает в любое время"; ...qatud=ta ülü erkesigdeyü [ТД 66, F 62 v] "Не могут находиться во власти женщин".

4) перед формой на =run: kitad irgen=ü Altan-qan tatar=un Me-gü]jin-seü]tü=ten eye=dür=iyeu ülü oroqdarun [Ск.ск., § 132] "Китайский Алтан-хан и татарский Мэгуджин-суулт на Совет не были допущены".

Редким случаем является употребление отрицания ülü перед формой опасения на =yujai (в "Ск. ск." - 'ujai), так как значение самой формы предопределяет предостережение или опасение как бы не совершилось нежелательное действие. Поэтому при наличии перед этой формой ülü передается двойное отрицание "как бы не... не", например: olon adu'un anu joqsajü ülü qočoru'ujai, ordo ger inu e'tre]ü

ülü qočora'ujai, olon ulus anu üндүр etüget=tür qorura ülü qar'u]jai [Ск.ск., § 190] "Как бы не остались позади многочисленные табуны; как бы не остались не погруженными юрты, как бы не убежал в леса народ". Ср. в АТ: ...qamuy ulus=i ülü medegü]ei [АТФ, 408] "как бы это не осталось неизвестным всем народам (досл.: как бы не узнали, т.е. не оказались неосведомленными)".

Нередко ülü и ese употреблялись в одном предложении: ...ülü tanin ese büsire]ü tende ala]u'u [Ск.ск., § 188] "[Он] не узнав его и не поверив [ему], там [его] и убил".

II - Отрицание ügei "не", "нет", "без" является постпозитивным и употребляется при именах и причастных формах со значением отсутствия чего-либо" uidqari ügei [Сл., 1362, с. 67] "без устали"; күмүн ügei oi=dur yarumui bi [ТД 35, F 22 v] "Я уйду в безлюдные (где нет людей) леса"; tede irgen Bodončar=i ken=i'e ba ya'an=u'ai be ke'en assaqu ügei Bodončar be tede irgen=i ya'un irgen ke'en asa'ulčaqu ügei yabulduba [Ск. ск., § 29] "Те люди не спрашивали Бодончара кто он и чей. И Бодончар не спрашивал тех людей кто они".

В позиции перед глаголами bu= "быть", bolu= "становиться", ügei передавало значение "исчезнуть", "умереть", "скончаться": tedüi atala Duwa Soqor aqa inu ügei bol[u]ba [Ск.ск., § 11] "Тем временем старший брат его Дува-Сохор скончался"; gem ügei boluyad... [НС, 7 а] "Исчезли пороки..."; qoog ada... ügei bui]=a [НС, 10 б] "Исчезли... несчастья и пороки ...".

Отрицательная частица busu / busi - именного происхождения со значением "иной", "другой". В качестве отрицания обозначала "не..., а", но иногда указывала и на обычное отсутствие чего-либо: egüdügen bügüde möngke busu [ТД 24, F 6 v] "Все возникшее не вечно"; ...üdür büri ü]feldü]ü surya]u ögkü busu bui [НС, 26 а] "...каждый день не надо видаться и поучать (давать наставления)".

Притяжательные частицы

Они подразделяются на две группы: 1) лично-притяжательные и 2) безлично-притяжательные, или возвратные.

1) Лично-притяжательные восходят к формам родительного падежа личных местоимений. Но если личные местоимения являются лексически и синтаксически самостоятельными словами и употребляются в форме родительного падежа в качестве определений к именам и в таких случаях именно на местоименное определение падает логическое ударение: тапу ger=tü "в нашей юрте", то лично-притяжа-

тельные частицы теряют свою самостоятельность, что обусловлено их иной синтаксической позицией. Находясь в слабой синтаксической позиции, - после соответствующего имени, они утрачивают и свое атрибутивное значение (ибо в монгольских языках определение всегда предшествует определяемому).

Ослабление лексического и грамматического значения лично-притяжательных частиц привело к тому, что они ослабили свою смысловую нагрузку и самостоятельное ударение. Как частицы они входят в состав соответствующих слов, придавая им различные экспрессивно-стилистические оттенки и логическое ударение при этом будет падать на предшествующее частице имя: *ger=tü manu* "в юрте нашей".

В древнем письменном монгольском языке лично-притяжательные частицы 1-го и 2-го л. ед. и мн. чисел формально совпадали с родительным падежом соответствующих личных местоимений: *minu* "мой", *manu* "наш", *činu* "твой", *tanu* "ваш", *inu* "его, ее", *ану* "их". Формы с некоторыми фонетическими изменениями, возникшие под влиянием устной речи: *mini*, *čini* зафиксированы только в качестве местоименных определений к именам: *mini altan* [МА, с. 236] "мои деньги", *čini kekse*n=i [МА, 134] "тобой сделанное".

В наших текстах коммуникативно наиболее активными частицами предстают *činu* и *minu*, а также *inu* и *ану* (о чем ниже), наименее *manu* и *tanu*.

В данной работе мы не ставили целью описать все многообразие эмоционально-экспрессивных и других смысловых оттенков, придаваемых высказыванию этими частицами (это - цель особого исследования), а даем лишь отдельные примеры их употребления.

Minu: *köbegün minu čimada ger=teče yarqu=yin kereg inu yaγun bui ögületügei* [ТД 30, F 13 v] "Сын мой, скажи какая у тебя необходимость покинуть дом?"; *jegün ber minu maγui bolba* [ТД 58, F 55 r] "Сон мой плохим стал"; *ta tabun kö'üt minu qačča ke'eli=eče töreba* [Ск.ск., § 22] "Вы пять сыновей моих родились из одного чрева".

Činu: *köbegüd uruγ činu qotolayar: kereglegdeju*... [Cl., 1362, с. 68] "Сыновья и внуки твои все использовали [на государственной службе]..."; *...qayay=a=dur činu bii tas bayiyulbai* [Cl., 1362, с. 68] "...у ворот твоих воздвигли камень"; *ene kö'ün činu nidün=tür=iyen qaltu*... [Ск.ск., § 62] "У этого сына твоего в глазах огонь...".

Manu: *Qayan ejen manu Oron=i belgetü=e soyurqan... siltayan ketebesü*... [Cl., 1362, с. 67] "Что касается причины, по которой государь-хан наш так отличил Орона..."; *nu'un kö'üt manu nuntud qaraya* [Ск.ск., § 65] "Сыновья наши владеют кочевьями".

Tanu: *...sayin ner=e tanu egüride aldarsiyuldamui]=e* [Cl., 1362, с. 65] "...доброе имя ваше прославится навечно"; *Sereküi ber tanu jöb*

[Ск.ск., § 20] "Подозрения ваши верны"; *mör=tür tan=u gör'esün olon bui]=e* [Ск.ск., § 199] "На пути вашем много антилоп".

Что касается притяжательных частиц 3-го л., восходящих к исчезнувшему ныне местоимению 3-го л., то в древнем языке употреблялись четыре его формы: *ану*, *ину* и возникшие под влиянием разговорной речи: *ni*, *i* со значением "их", "ее", "его". *Ану* и *ину* также относятся к числу особенно часто употребляемых, причем смысловые оттенки их колеблются от эмоционально-экспрессивных до полностью нейтрального употребления, например: *...nögčigsen uridus=un anu ner=e=yi*... [Cl., 1362, с. 67] "...Имена умерших предков их..."; *...učayur inu gün=e ündüsüleyü* [Cl., 1362, с. 68] "...корни его [дерева] берут начало глубоко [в земле]"; *...qariyu inu ber.. yurban=iyar jrly ilelegü* [УМУДБ, с. 58] "...в ответ послал указ через трех [послов]"; *gergei inu Qo'ai-maral aji'ai* [Ск.ск., § 1] "Супругу его звали Гоуа-марал"; *Köbegün inu ber nilqa=a бүкүи=degen... önöčin qočorbasu*... [Cl., 1338, с. 55] "Сын ее в раннем возрасте... остался сиротой..."; *eke anu Alan-qo'a uqaγu*... [Ск.ск., § 18] "Мать их Алан-гуа [все] поняла..."; *ödün hüsün anu burqaliq časun metü butaraju keyisju iremü* [Ск.ск., § 31] "Перья их летели точно хлопья снега".

Под влиянием разговорной речи появились формы *ани*, *ни* (реже - *i*): *tede ani ese ire'esü*... [Ск.ск., § 174] "Если они не вернуться..."; *...yayiqamsiy ni yayiqaydaqu ülügü bui kemen* [ТД 50, F 42 r] "...не удивительно ли [что он] не признал его счастье?"; *...tüsigdegsen=dür=i öber=iyen ülü omoysin tus=yuyan amüne aqui бүкүи sedkil=iyer kücü ögügsen aγuγu* [Cl., 1338, с. 56] "...когда была вверена [служба] ему, [он] не вел себя надменно, а служил всей душой".

2) Безлично-притяжательные, или возвратные частицы.

Эти частицы указывают на отнесенность объекта к лицу вообще, имеют значение "свой" и поэтому присоединяются к именам только в косвенных падежах. Представлены они несколькими формантами в зависимости от падежа имени и от того, совместно или раздельно пишутся с падежными окончаниями.

В случае раздельного написания (но если имеется неформальное падежным формантом прямое дополнение, то иногда и совместного написания) частицы имели две формы: *бан / бен* - после гласных и *иан / иен* - после согласных: *...čamča=ban mültüjü*... [Ск.ск., § 55] "...сбросила свою рубашку"; *...sumu=ban salbaγu*... [Ск.ск., § 77] "...натянул свой лук..."; *...asuru masi bayasulčaγu alayaban qamtud-qaju*... [ТД 55, F 50 v] "...все чрезвычайно обрадовались и скрестили свои руки...".

Вместо *=бан / =бен* после гласных употреблялось иногда *=ян:* *...doturayan oyisiyaγu orusin Yungčang=a nuntaylaysan aγuγu* [Cl., 1362,

с. 64] "...в душе (у себя внутри) он восхищался им и постоянно располагался лагерем в Yungčang=e"; ...erke omoy=iyau ülü jıyan... [Cl., 1362, с. 65] "...не выявлял своей власти и гордости"; ...irgen=iyen abuyad ogoju... [Cl., 1362, с. 62] "...взяв своих людей, ушел..."; ...iduy qud öber=ün tüsimel=iyer=iyau... [Cl., 1362, с. 62] "...Идуг худ со своими личными чиновниками...".

Если же эти частицы писались совместно с падежными окончаниями, то в таких случаях для родительного и винительного падежей они имели форму =yuıyan / =yügen, =yuban / =yüben (В "Ск. ск." = yu'an / = yü'an), дательного-местного - = dayan / =degen, =tayan / =tegen, исходного - = ačayan / =ečegen, дательного-местно-исходного - = dačayan / = dečegen: ...öber=ün ečige ene=yügen kündülebesü... [HC, 3 б]. "... если почитаешь своих собственных родителей..."; Vodončar Buqu-qataqi aqa=yu'an qoyınača daqaju... [Ск.ск., § 33] "Бодончар следовал за своим старшим братом Буху-хатаги..."; sayurin=dayan sayu [HC, 2 а] "Сядь на свое место"; öber=ečegen erdem=tü sayid=ıuy=a aq=a degü barıldı [Cl., 1362, с. 65] "Станьте побратимами с теми, кто более талантлив и лучше, чем сами (от самих себя)". Примеры на употребление лично-притяжательных частиц см. также в разделе "Падежные формы".

Союзы

Среди союзов наиболее употребительным оказался ba. Он не исконно монгольского происхождения, а скорее всего был заимствован в древности из арабского через уйгурское посредство [А.Лувсандэндэв, 1975, с. 30, 31]. А.Лувсандэндэв, исследовавший употребление этого союза в старописьменном и современном монгольских языках, считает, что в большинстве случаев "ба" выполнил не связующую функцию между однородными членами предложения, а разграничивающую [А.Лувсандэндэв, 1975, с. 23, 24].

Строй монгольского языка, когда впереди стоящее слово может оказаться определением по отношению к следующему, нуждается в таком разграничительном средстве, которым и являлся в ряде случаев данный союз, например: ükügsen ba amidu=yin nayiramdayu yosuñ bolu [HC, 38 а] "Это есть закон почитания мертвых и живых"; ali tere minu ögüleksen ba: arsi=yin ögüleksen üge=yin ači ür=e [ТД 47, F 37 v] "[Это] результаты всего сказанного мною и слов, сказанных отшельником". Если бы в приведенных предложениях после глаголов в фор-

ме прошедшего причастия не стоял союз "ба", оба причастия были бы определениями по отношению к следующим за ними словам.

В наших текстах большую часть примеров составляют те, в которых "ба" выполняет функцию соединения однородных членов предложения, например: öber=eče yekes=tür ba öčüked=tür nayiraldıju yabuysan=u tula... [HC, 32 а] "Так как сами (досл.: от себя) были дружелюбны к великим и малым..."; edüge biden=tür ba tandur ber ülü Joqıldıqu... [УМУДБ, с. 72] "Сейчас нам и вам взаимно не подходит..."; ...edür=tür arča=yin nigeken ür=e ba nigen tuturyan teregüten=i desügei [ТД 47, F 38 r] "Я буду есть в день всего лишь ягоду можжевельника и одно [зернышко] риса"; ...öber=tür ba busud=ta tusa=tu [ТД 28, F 10 v] "...полезно для себя и для других"; ečige eke=de törögüldeggen ba tejiędeggen [Cl., 1362, с. 65] "Рожденные и вскормленные родителями"; ...dotura ba yadan=a üile=dür tüsigdeggen=dür... [Cl., 1362, с. 67] "...когда ему были поручены внутренние и внешние дела...".

Вторым по своей распространенности в текстах был соединительный союз kiged, восходящий к форме разделительного деепричастия от глагола ki="делать". Сейчас этимологическая связь союза с деепричастием уже полностью утрачена, а сам он никакого лексического значения глагола не содержит [А.Лувсандэндэв, 1975, с. 31]. По употреблению kiged чаще всего соответствует союзам "и" или "также", например: üker kiged takiy=a=yin törö yabudal=iyar yabuqui [ТД 45, F 35 v] "Существовать как скот и куры"; yal kiged serenge=yi duldıyidqui [ТД 45, F 35 v] "...полагаться на огонь и острогу (сделать огонь и острогу основой своего существования)"; arslan kiged doysin piyatan=iyar dügürüksen: aylay oron=dur... [ТД 36, F 24 v] "...в единственном месте, наполненном львами и другими свирелыми хищниками"; ...subud erike kiged eldeb qongqos... [ТД 21, F 3 r] "...нитки жемчуга и различные колокольчики...".

В ряде случаев в одном предложении употреблялись оба союза: kiged и ba: ...qayaly=a sakiysan dörben ayımay öerig=üd ba: qayarı tamuy sakiliy=ud kiged noyad ba: qamuy qatun=un ayımay ber umtaraju... [ТД 34, F 21 v] "...четыре отряда солдат, стерегущих ворота, хан, все акаyas и принцы, и целая толпа женщин - все спят...". Кроме того, при перечислении однородных членов предложения kiged передавал значение "и другие": ...öber=ün beye qad=ta ner=e ber soyurqal ridus=tur=iyau ba ong ner=e kiged soyurqayulqu kemebesü... [Cl., 1362, с. 67] "...что касается дозволения пожаловать его собственной персоне титулы и благосклонность, своим предкам титулы вана и другие [титулы]..."; Ki Yem kiged ügüler=ün [Cl., 1335, с. 7] "Ki Yem и другие сказали: ...".

В аналогичном значении этот союз зафиксирован и в тексте Сокровенного сказания: Jamuqa=ıu'a aqsat jadaran qataqin, salji'ut,

dörben tayiči'ut onggirat ki'et tende=gü oroba [Ск.ск., § 196] "Джадараны, хатагины, салджиуты, дербаты, тайчуды, хонхираты и другие, кто последовал за Джамухой, пришли туда же".

В литературе уже отмечалось, что падежный формант, относящийся к именам, мог присоединяться и к следующему за именем союзу kiged [Котвич, 1902, с. 163]: ...basa ber i'ayur=un sudur kiged=lüge tokiyalduyulju mongyolčilan orčiyulju orosiylubai [ТД 68, F 65 г] "...а также, сравнивая и с оригиналом сутры, перевел [это] на монгольский язык".

Если этимологическая связь союза kiged с формой разделительного деепричастия давно утрачена, то в союзе böged / büged, несмотря на его также древнее происхождение, еще ощущается связь с аналогичным деепричастием от глагольной основы bö=/bü= "быть". Поэтому в древних текстах наряду с союзной, эта форма выполняла и свою первоначальную функцию - глагольную. В качестве союза böged распространен в современном языке, в основном в книжном [А.Лувсандэндэв, 1975, с. 31]. Но в древнем языке его союзное употребление ограничено использованием в значении "тогда", "в таком случае": ...olan maγun=luγ=a yabubasu ülü büged temečeldügdeküi [НС, 22 б] "...если он находится с многими нечестивыми [людьми], тогда не должен вступать в обоюдный спор"; ...ene büged olan irgen=ü taqimdayu yosun bolu [НС, 10 а] "...это и будет тогда законом почитания и многих людей".

Союз ker=be (ker ber) употреблялся в предложениях перед условным деепричастием и имел значение "если": Ker=be oron debüs-ker=tür edüi tedüi burtay bolyasu... [Сл., 1335, с. 72] "Если оказалась какая-либо грязь на постелях..."; Ker ber ger=tür ülü sayun γarbasu... [ТД 33, F 19 v] "Если [он] выйдет, не оставаясь в доме..."; Ker ber minu ene eb[e]sün=iyer erfen=ü burqan=nuyud=un mör=i olqui ele bolbasu... [ТД 55, F 49 v] "Если вы найдете с помощью моей травы тропу прежних Будд...".

Союз jiči имел значение "но", "однако", "также", "потом", "тогда как": ...jiči mön odun barabasu... [Сл., 1338, с. 53] "... и потом, когда тот самый ушел..."; siliyu sayid jiči toyin busu ... [НС, 20 а] "Лучшие люди (сайды) однако не такие..."; ...üčügün=i jiči yeke=yi kereglebesü... [Сл., 1338, с. 56] "...[надо использовать] малое, тогда как используют большое (вариант: "когда используют малое, потом большое")".

Союзную функцию кроме того выполняли числительные qoyar и jirin "два": sayin ayali aburi nayiramdaq qoyar=i [НС, 12 а] "...поведение и дружественное расположение"; qatut Örbei Soqatai jirin [Ск.ск., § 70] "Ханши Орбай и Сохатай"; Börte=üjin Qo'a/q'cin jirin [Ск.ск., § 110] "Бортэ-уджин и Хоагчин".

Заключение

Изучение языка самых ранних монгольских памятников показало, что исконная грамматическая система письменного монгольского языка в основном сохранилась до наших дней.

Вместе с тем выявлены и значительные отличия языка древних доклассических текстов от норм современного языка. Это касается грамматических (и прежде всего морфологических) средств словоизменения, в меньшей степени суффиксального словообразования, которого в данной работе мы касались лишь попутно.

Анализ текстов показал также, что различные по своей природе морфологические данные увязываются в целостную систему развития языка, его грамматических категорий с древних времен до современности. Это подтверждает общеизвестный факт, что язык - не застывшая раз и навсегда система с определенным набором морфологических средств, а система, находящаяся в постоянном развитии и изменении.

Грамматическая структура доклассического языка характеризуется следующими особенностями.

Падежная система в них была представлена одними и теми же падежами и за редким исключением сходными формантами, которые сохранились и в современном языке. Исследование подтверждает генетическую связь между винительным и родительным падежами, наличие первоначально одних формантов для двух падежей, представляющих фонетическую модификацию одной праформы *ip > *ipi, которая сопоставляется с личным местоимением 3-го л. ед.ч. в дагурском языке ip "он", ipi род. п., и лишь позднейшее расчленение их на разные в диалекте, легшим в основу письменного монгольского языка. В других монгольских языках (баоаньском, дунсянском, монгорском, дагурском, языке желтых уйгуров и некоторых диалектах бурятского языка) родительный и винительный падежи до сих пор сохраняют одни и те же показатели.

Мнения многих алтаистов, считавших местный падеж на =а /е уже архаичным в древнемонгольском и окончательно исчезнувшим в классическом, следует считать несостоятельным, так как в текстах XIII-XIV вв. и в XVII в. этот падеж был представлен довольно широко,

употреблялся наряду с другими падежными формами в самых различных значениях и наращивался на разные основы, оканчивающиеся на широкий круг согласных и гласный дифтонга.

Дательно-местный падеж в текстах XIII-XIV вв. представлен только двумя формантами =dur и =da, в отличие от классического, где их три: =dur, =du, =da. Мы считаем, что вариант =du в классическом является усеченной формой от =dur. Что же касается формантов =dur и =da, существовавших параллельно как в доклассических, так и в классических текстах, то мы полагаем, что =da был заимствован из тюркских языков, в которых существовал полифункциональный местно-исходный падеж на =da / =de, с чем, видимо, связано и наличие в этих текстах двойной дательно-местно-исходной формы от =da / =ta / =dača / =tača и невозможность образования ее от =dur / =tur или =du / =tu.

Редкое употребление совместного падежа, которому в доклассических и ранних классических текстах была более свойственна определительная функция и формант которого =tai в современном языке превратился в омонимичный падежному продуктивный суффикс образования имен прилагательных, компенсировалось соединительным падежом на =luγ=a. Этот падеж с комитативным значением сохранился в ряде монгольских языков и диалектов, но отсутствует в современном (халхаском) языке.

Среди двойных падежных форм наиболее распространенной была дательно-местно-исходная форма, сохранившаяся в современном языке практически в одной словоформе гэртээс "из дома". Появление этого двойного падежа в монгольском связано с влиянием древнетюркских языков, полифункциональный местно-исходный падеж которых на =da в монгольском языке для передачи собственно аблативного значения требовал показателя исходного падежа на =ča / =če. Употреблялись также совместно-винительный и совместно-родительный падежи.

При бесспорном факте употребления в доклассических текстах разных глагольных форм или суффиксов =tai и =tu в зависимости от наличия в предложении имен мужского или женского пола, это не была закономерная и последовательно выраженная система, а лишь ее отдельные и сравнительно редкие факты. Поэтому существование грамматической категории рода и в ранних монгольских текстах следует поставить под сомнение, поскольку отдельные факты согласования глагола-сказуемого с именами, обозначающими действующих лиц в предложении (по полу), лишь допускают возможность присутствия такой категории в более древнем языке или диалекте, по которым у нас отсутствуют какие-либо источники.

В доклассическом языке существовало (хотя и не совсем регулярно) формальное согласование в числе подлежащего со сказуе-

мым, определения с определяемым. В современном языке оно практически отсутствует, т.е. развитие монгольского языка шло от согласования формального к согласованию логическому.

В доклассических текстах система показателей квантативности имела уже полное развитие и представлена была теми же формантами, что и в классическом и современном языках. Употребление форм множественного числа шло постепенно в сторону его ограничения. В древних письменных памятниках оформлялись количественно многие имена, которым в современном языке либо вообще свойственно только единственное число, либо они имеют уже иные показатели множественности.

В отличие от классического и современного языков в текстах XIII-XIV вв. употреблялись два местоимения 1-го л. мн.ч. ba и bida(n) / bide(n) "мы", причем последнее постепенно вытеснило первое, которое исчезло из языка, вероятно, к XV в. Среди личных местоимений присутствовала почти полная парадигма склонения местоимения 3-го л., тогда как в классическом и современном языках остались лишь рудименты этого местоимения в форме родительного падежа в качестве лично-притяжательных частиц inu и anu.

В доклассических текстах inu, anu употреблялись препозиционно, как и прочие личные местоимения и постпозиционно, в качестве притяжательных частиц.

Числительные доклассических текстов в отличие от классического и современного языков характерны наличием архаичных форм написания некоторых порядковых числительных, а также чередованием глухих и звонких заднеязычных в ряде числительных первого десятка, неполным стяжением гласных, а также наличием обычной для XIII в. формы с начальным h. В тексте "Сокровенного сказания" наряду с числительным qouar "два" употреблялось и древнее jirin "id".

Среди глагольных форм не прошедшего времени в доклассических текстах часто употреблялась отсутствующая в современном языке форма на =yu, которой было присуще модальное значение достоверности, убежденности или необходимости в совершении обозначенного в глагольной основе действия и которая употреблялась, как правило, в различного рода изречениях, поучениях, наставлениях.

В тексте "Сокровенного сказания" употреблялась изъявительная форма на =t, которая к XVII в. полностью исчезла из языка. Ее редкое употребление в данном тексте и впоследствии полное исчезновение свидетельствует скорее о том, что она была заимствована, оказалась чуждой монгольской речи, а так как в монгольском языке имелись другие формы для обозначения не прошедшего (настоящего и будущего) времени, то она была ими вытеснена.

В доклассических текстах для обозначения настоящего и будущего времени использовались три формы на =m / =mi / =mii. Первая в отличие от двух других употреблялась с глагольными связками ају / ајуу, бәлүге, придающими ей временные и модальные оттенки. В классическом языке эта форма практически уже не употреблялась и сохранилась лишь в баоанском и монгорском языках, как показатель будущего времени.

Из трех форм прошедшего времени форма на =juqi / =ciqi обозначала абсолютное прошедшее время, независимо от того совершалось ли оно в далеком прошлом или недавно по отношению к моменту речи. При этом рассказчик, как правило, прямым участником или свидетелем описываемых событий не являлся. Только этой формой можно было выразить модальное значение неожиданности или непредвиденности совершившегося действия. Но это значение не было доминирующим для данной формы: она употреблялась и для обозначения обычных действий в прошлом.

Форма на =ba / =bai / =bi (последняя употреблялась иногда для обозначения действия, относящегося к лицу женского пола), была характерна для повествовательной речи при описании событий, относящихся к прошлому. Лишенная в своем значении каких-либо модальных оттенков, она могла сопровождаться модально-усилительными частицами. Временная локализация действия в прошлом по отношению к моменту речи выявлялась в контексте.

Форма на =luqa / =lüge также обозначала действия в прошлом и так же, как и =ba имела различную соотношенность прошлого с моментом речи. В письменных текстах она употреблялась значительно реже по сравнению с =ba, подтверждая тем самым свой "разговорный" характер и факт "книжности" формы на =ba. При употреблении этих форм автор или рассказчик описываемых событий чаще всего предстает как их непосредственный участник или свидетель.

В доклассических текстах три формы причастия будущего времени употреблялись в любой из синтаксических функций, но соотношение этих функций было разное.

Форма на =qui / =küi будучи более "именной" по сравнению с формой на =qu / =kü чаще употреблялась субстантивно, в качестве определения и дополнений. Именно поэтому в современном языке она стала использоваться для обозначения разных логико-философских понятий.

Форма на =qin / =kün как форма множественного числа использовалась при согласовании в числе с подлежащим или дополнением, а субстантивируясь, обозначала множество лиц. Но поскольку согласование в числе уже и в ранних текстах строго не соблюдалось, эта форма стала употребляться нерегулярно, чаще заменялась формой на =qu / =kü. В современном языке она отсутствует.

Причастная форма на =yüi / =göi чаще всего использовалась в роли сказуемого, тем самым подтверждая свой более "глагольный" в то время характер. Развитие этой формы шло по линии ее "субстантивации". В современном языке она употребляется преимущественно субстантивно, пополняя класс имен существительных, особенно в терминологии и в названиях учреждений.

Три деепричастия I-ой группы сложились в далекой древности и их зафиксированные в текстах XIII-XIV вв. формы сохраняются и в современном языке. Что же касается деепричастий II-ой группы, то многие из современных форм отсутствовали не только в доклассическом языке, но и в классическом.

Особое место среди деепричастий II занимала форма на =gup. Она употреблялась только в письменных текстах и неизвестна в живой разговорной речи, а в современном языке изредка употребляется лишь в текстах эпистолярного жанра. В своем значении деепричастие на =gup не только предворяло прямую речь, отчего и получила свое название "цитатное", но употреблялось и во многих иных значениях и образовывалось не только от речевых глаголов, но и от многих других глагольных основ.

Полную парадигму спряжения в древних текстах имел глагол а= "быть", "существовать", который в современном языке сохранился лишь в небольшом количестве словоформ, употребляющихся в служебной функции, при этом с трансформацией одной из них в морфему: аусан - форма причастия прошедшего времени >=усан >=сан (=сан), хотя аусан (агсан) продолжает существовать в языке и как самостоятельная лексема со значением: 1) "бывший", 2) "покойный, умерший".

Существование класса наречий, как самостоятельной части речи, относится к далекому прошлому и уходит в историческую глубину, о чем свидетельствуют самые ранние письменные памятники. К древнейшим из них относятся те, которые морфологически не разложимы или в которых только исторически можно выделить словообразовательные морфемы. Почти все они за некоторым исключением (munda, manayar[u]) употребляются и в современном языке. Кроме первообразных существует немало и производных, образованных посредством наречных суффиксов.

Послелого мы подразделяем на: 1) собственно послелого, т.е. единицы семантически не соотносимые с реалиями и выполняющие в предложении роль только грамматических показателей (число их весьма ограничено), и 2) послелого - грамматизированные в той или иной степени формы знаменательных слов из разряда наречий, имен, реже глагольных форм. Они управляют различными падежами, сохраняя при этом ту или иную степень соотношенности с исходными лексическими единицами.

Что касается разряда частиц, то доклассические тексты характерны наличием выделительных частиц *ber, ba, kü*, первая из которых вообще не известна современному языку, а две другие сохранились лишь в нескольких производных с ними словоформах и были заменены другими частицами этого разряда.

Из союзов и союзных слов наиболее употребительным был союз "ба", соединяющий однородные члены предложения. В современном языке этот союз сохранился как наследие старописьменного языка, но со значительно более узкой сферой употребления в книжном и канцелярском языке.

Современный монгольский язык впитал в себя грамматические формы и их значения, доставшиеся от разных эпох в развитии письменного языка, а также возникшие под влиянием разговорной (главным образом халхаской) речи. За многовековой путь развития этого языка одни из них сохранились, другие изменились фонетически или исчезли совсем и были заменены разговорными формами (например, класс. глагольные формы на *=tu / =tui* на форму *=na*).

=====

Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить моих коллег по Отделу языков Института востоковедения Российской академии наук, принимавших участие в обсуждении рукописи моей монографии и давших много добрых советов и замечаний. Это В.М.Алпатов, М.С.Андронов, А.Г.Белова, Л.М.Горелова, В.П.Липеровский, Ю.А.Рубинчик, Н.В.Солнцева, В.А.Чернышев.

Выражаю огромную благодарность главным рецензентам моей работы д.ф.н. проф. Г.Ц. Пюрбееву и д.ф.н. А.А.Дарбеевой, взявшим на себя труд прочитать рукопись, дать свою оценку моему исследованию и высказать свои замечания и пожелания.

Я благодарна заведующей Отделом языков З.М.Шаляпиной за большую практическую помощь при вводе в компьютер и макетировании рукописи, которую она всегда оказывала, не считаясь со своим личным временем, а также Н.Г.Малышевой за ее доброжелательность и терпение в преодолении трудностей, возникавших при переносе на компьютере транскрипционных и диакритических знаков.

Условные сокращения

- БМРС - Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951.
 бур. - бурятский
 ВЯ - "Вопросы языкознания". М.
 даг. - дагурский
 ДАН-В - "Доклады Академии Наук". Пг.
 калм. - калмыцкий
 кит. - китайский
 КРС - калмыцко-русский словарь. М., 1977.
 КСИНА - "Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР". М.
 МА - Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимет ал-Адаб. 1-11. М. -Л., 1938.
 МНТ - Монголын нууц товчоо. Улаанбаатар, 1957.
 монгор. - монгорский
 МРС - Монгольско-русский словарь. М., 1957.
 НАА - "Народы Азии и Африки". М.
 ОМСТ - Орос-монгол сурах толь. М., 1985.
 ОЦМХЗ - Орчин цагийн монгол хэл зүй. Улаанбаатар, 1966.
 ОЦМХУЗБ - Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт. Улаанбаатар, 1987.
 ПМ - письменно-монгольский
 РКС - Русско-калмыцкий словарь. М., 1964.
 СТ - "Советская тюркология". Баку.
 тюрк. - тюркский
 уйг. - уйгурский
 уст. - устарелый
 халх. - халхаский
 Хөх. - Inġinasi. Köke sudur, ded debter, öbür mongyol=*un arad=yin keblel=ün qoriy=a*.
 Цэв. - Монгол хэлний товч тайлбар толь, Зохиосон Я.Цэвэл. Улаанбаатар, 1965.
 АОН - "Acta orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae". Budapest.
 АТФ - Hans Peter Vietse, Gendeng Lubsang. Altan tobči. Eine mongolische Chronik des XVII. Jahrhunderts von Bio bzan bstan 'Jin. Text und Index. Tokyo, 1992.
 С1. 1335 - Cleaves F.W. The Sino-mongolian Inscription of 1335. - HJAS, 1950, vol. 13, N 1-2.

- Ск.ск. - Index to the Secret History of the Mongols, By Igor de Rachewiltz. Indiana University Publication, 1972.
- HIII - Antoine Mostaert. Le Material Mongol Du Houa II IU De Houng-ou [1389], I. Bruxelles, 1977.
- HC - I. de Rachewiltz. The preclassical Mongolian version of the Hsiao-ching. - Zentralasiatische Studien. 16, 1962.
- HJAS - "Harvard Journal of Asiatic Studies". Cambridge, Mass.
- Sto - "Studia Orientalia". Helsinki.
- TD - The Twelve Deeds of Buddha. A Mongolian Version of the Lalitavistara. Mongolian Text, Notes, and English Translation by N. Poppe. Wiesbaden, 1967.
- УМУДБ - Uyiurčin mongol üsüg=ün durasqaltu bičig-üd. Begejing, 1983.

Литература

- Ауюш (Аюуш) Т.Б. Сопоставительно-типологическое исследование местоимений в монгольском и русском языках. Автореф. канд. дисс. Улан-Удэ, 1955.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Бадан Г. Значение формантов прошедшего времени в современном монгольском языке. - Олон улсын монголч эрдэмтний IY-р их хурал, II боть. Улаанбаатар, 1985.
- Бертагаев Т. А. О синтаксических особенностях деепричастных сочетаний 1-ой группы. - Академику В.В.Виноградову к его 60-летию. М., 1956.
- Бертагаев Т.А. К генезису некоторых падежей в монгольских языках. КСИНА. Вып. 83, 1964.
- Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М., 1964.
- Бира Ш. Монгольская историография (XIII-XVII вв.). М., 1978.
- Бобровников Ал. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
- Викторова Л.Л. К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XII-XIII вв.) - Языки народов Востока. Л., 1961.
- Владимирцов Б.Я. О частицах отрицания при повелительном наклонении в монгольском языке. - ИАН, 1916.
- Владимирцов Б.Я. Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке. - ДАН-В, 1924.
- Владимирцов Б.Я. Следы грамматического рода в монгольском языке. - ДАН-В, 1925, с. 31-34.
- Владимирцов Б.Я. Об одном окончании множественного числа в монгольском языке. - ДАН-В, 1926, с. 61-62.
- Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.
- Владимирцов Б.Я. Поправки к чтению монгольской надписи из Ердени-дзу. - ДАН-В, 1930, с. 186-188.
- Владимирцов Б.Я. Монгольские литературные языки. - "Записки ИВАН СССР", 1. Л., 1931.
- Голстунский К.Ф. Монгольско-русский словарь. Т. 3. Л., 1938.

- Дамдинсүрэн Ц. Монгол уран зохиолын тойм, XIII-XIV зууны үе. 1-р дэвтэр. Улаанбаатар, 1956.
- Дамдинсүрэн Ц. О личных местоимениях первого лица в монгольском языке. - *Studia Mongolica*. Т. 1(9). Fasc. 1-17. Улаанбаатар, 1973.
- Дамдинсүрэн Ц. Первое лицо личных местоимений монгольского языка. Хэл зохиол 14: 1-27, 1980.
- Дарбеева А.А. О личных местоимениях 3-го лица в монгольских языках. - ВЯ, N 1, 1970.
- Кара Д. Книги монгольских кочевников. М., 1972.
- Касьяненко З.К. О двойном склонении в монгольском языке. - Филология стран Востока. Л., 1963.
- Ковалевский О. Грамматика монгольского языка. СПб, 1835.
- Ковалевский О.М. Монгольско-русско-французский словарь. Т. I - III. Казань, 1844-1849.
- Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongyol=un niyuca tobciyan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Т.1. Введение в изучение памятника, перевод, текст, глоссарий. М.- Л., 1941.
- Козин С.А. Об одной неизвестной глагольной форме в монгольском письменном языке древнего периода монгольской литературы. "Ученые записки ЛГУ", N 20, серия филол. Наук. Вып.1, 1939.
- Козин С.А. К вопросу о показателях множественности в монгольском языке. - "Ученые записки ЛГУ", N 69, Серия филол. наук. Вып. 10, 1946.
- Козырев И.Ф. Относительно "уступительного" деепричастия в монгольском языке. - Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958.
- Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII- IX вв.). Л., 1980.
- Котвич В.Л. Лекции по грамматике монгольского языка. СПб, 1902.
- Котвич В.Л. Монгольские надписи в Эрдэни-дзу. - Сб. Музея антропологии и этнографии РАН, 1917. Т. 5, с. 205-214.
- Котвич В.Л. Исследования по алтайским языкам. М., 1962.
- Кузьменков Е.А. Монгольские элементы в маньчжурском и база старомонгольской письменности. ВЯ, 1988, N 4.
- Лигети Л. [рец. на:] Г.Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т.1. М., 1953. - ВЯ, 1955, N 5.
- Лувсанбалдан Х. Ачлалт номын тухай. Улаанбаатар, 1961.
- Лувсанвандан Ш. Монгол хэлний зүй Өгүүлбэрийн зүй, II-р дэвтэр. Улаанбаатар, 1951.
- Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц. Улаанбаатар, 1968.

- Лувсанвандан Ш. *Mongyol kelen=ü üge=yin eces=ün toytaburi ügei "n"=yin tuqai asudal=du.* - Монголын зарим асуудал. Улаанбаатар, 1961.
- Лувсанвандан Ш. Эртний монгол хэлний фонемын систем нь. - Монголын судлал. Т.V, Fasc. 27. Улаанбаатар, 1965.
- Лувсандэндэв А. Система союзов в современном монгольском языке. - *Studia Mongolica*. Ulan-Bator, 1975.
- Лувсандэндэв А. Хэл бичгийн ухааны зарим асуудал. Т. II. Улаанбаатар, 1980.
- Лувсандэндэв А. Из истории монгольской письменности. - Хэл бичгийн ухааны зарим асуудал. Т.1. Улаанбаатар, 1992.
- Материалы по дешифровке киданьского письма. Кн. 1. М., 1970. *Mongolica*. - "К 750-летию "Сокровенного сказания". М., 1993.
- Насилов В.М. Язык средневековых тюркских памятников уйгурского письма. - ВЯ, 1955, N 1.
- Насилов В.М. Язык Орхоно-енисейских памятников. М., 1960.
- Николаева Т.Н. Функции частиц в высказывании. М., 1985.
- Одзава Сигэо. "Гэнте: хисси мо: кого=но до: си гоби." - То:кё гайкокуго дайгаху ронсю: Токуо, 1955, N 4, с.1-19. *Area and culture studies*, 4, 1959. - Tokyo university of foreign studies (Краткое изложение на английском языке).
- Орловская М.Н. Употребление причастий в "Сокровенном сказании монголов". - Филология и история монгольских народов. М., 1958, с.101-126.
- Орловская М.Н. О непроизводных наречиях в монгольских языках. - КСИНА, N 83. М., 1964, с.23-28.
- Орловская М.Н. Способы образования производных наречий в монгольском языке. - Исследования по восточной филологии. М., 1974, с.185-207.
- Орловская М.Н. Наречия в системе частей речи в монгольских языках. - Материалы V-го Международного конгресса монголоведов. Доклады советской делегации. Т. II. М., 1987, с. 103-112.
- Орловская М.Н. Конструкции с двумя падежными формами в монгольских языках. - Олон улсын монголч эрдэмтний IV-р их хурал, II-р боть. Улаанбаатар, 1984 (1).
- Орловская М.Н. Язык "Алтан тобчи". М., 1984 (2).
- Орловская М.Н. О периодизации истории монгольского литературного языка. - *Mongolica*. Памяти акад. Б.Я.Владимирцова (1884-1931). М., 1986, с.80-90.
- Орловская М.Н. Глагольная форма на =juqui/=ciqui в доклассическом монгольском языке. - VI Международный конгресс монголоведов в г. Уланбаторе. Доклады Российской делегации. Т. II. М., 1992.

- Орловская М.Н. Памятники монгольской письменности XIII-XIV вв. как источники для изучения древнего монгольского языка. - Монгольский лингвистический сб. М., 1992.
- Орловская М.Н. Три "ба" в древних монгольских текстах. - Владимирцовские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции 25-26 октября. 1993 г. М., 1995.
- Орловская М.Н. Усилительно-выделительные частицы в доклассическом монгольском языке. - Российское монголоведение. Бюллетень общества монголоведов РАН. М., 1996.
- Орчин цагийн монгол хэл зүй. Улаанбаатар, 1966.
- Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт (монгол хэлний үйл үгийн тогтолцоо). Улаанбаатар, 1987.
- Пагва Т. Зүрхний тольтын тайлбарыг судалсан тухай тэмдэглэл (Заметки об изучении "Толкования сердечного покрова"). Улаанбаатар, 1957.
- Панфилов В.З. Нивхско-алтайские языковые связи. - ВЯ. 1973, N 5.
- Позднеев А.М. Лекции по истории монгольской литературы, читаемые ординарным проф. С.-Петербургского университета А.М.Позднеевым в 1885/1896 акад. году. СПб., 1887.
- Поппе Н.Н. Отчет о поездке на Орхон летом 1926 г.- Материалы Монгольской комиссии, 4. Л., 1929.
- Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.-Л., 1937.
- Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. I - II. М.-Л., 1938.
- Раднаев В.З. О надписи на стеле Йсунгге. История дешифровки спорное и бесспорное. - Монгольский лингвистический сборник. М., 1992.
- Рамстед Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- Рудов Л.Н. Кидани. - "Дальний Восток". Сб. статей по филологии, истории философии. М., 1961.
- Рудов Л.Н. Проблемы киданьской письменности. - "Советская этнография". N 1, 1963.
- Санжеев Г.Д. Следы грамматического рода в монгольских языках. - ВЯ, N 5, 1956.
- Санжеев Г.Д. Б.Н.Владимирцов - исследователь монгольских языков. - Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М., 1953.
- Санжеев Г.Д. К вопросу об отрицании в монгольских языках. - АОН. Т. XV, Fasc. 1-3, 1962.
- Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.

- Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964.
- Санжеев Г.Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.
- Санжеев Г.Д. Введение к этимологическому словарю монгольских языков (рукопись).
- Севортян Э.В. О некоторых вопросах исторического изучения тюркских языков. М., 1960 (Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов).
- Таскин В.С. Опыт дешифровки киданьской письменности. "Народы Азии и Африки". 1963, N 1.
- Тенишев Э.Р. "Кудатгу билиг" и "Алтун ярук". - СТ, 1970, N 4.
- Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. М., 1961.
- Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. М., 1964.
- Тодаева Б.Х. Монгорский язык. М., 1973.
- Тодаева Б.Х. Дагурский язык. М., 1986.
- Төмөртоого Д., Дамдинжав Л. Эртний монгол хэлний гарахын тийн ялгалын нэгэн хувилбар. - Монголын судлал. Улаанбаатар, 1967.
- Төмөртоого Д. Монгол хэлний түүхийг ангилах тухай асуудалд. - Хэл зохиол судлал. XI боть, 1-21 дэвтэр. Улаанбаатар, 1972.
- Төмөртоого Д. Монгол бичгийн хэл. Улаанбаатар, 1983.
- Төмөртоого Д. Происхождение и система личных местоимений монгольских языков. Автореф. канд. дисс. Улаанбаатар, 1990.
- Файзуллаева Ш.А. Исследование языка памятника IV в. "Китабу булгат ал-муштак фи лугат ат-турк ва-л-кифчак" Дкамап ад-Дина Абу-Мухаммед Абд Аллах Ат-Турки. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969.
- Цыдендамбаев Ц.Б. Местоимения в монгольских языках. Автореф. канд. дисс. М., 1951.
- Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.
- Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.
- Цэдэндамба Ц. Грамматическая характеристика причастий и их структурно-семантические особенности в современном монгольском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1970.
- Шарху А. Деепричастия и деепричастные конструкции в современном монгольском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1971.
- Шербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. М.-Л., 1961.
- Шербак А.М. Тюрко-монгольско-тунгусские связи в морфологии. - НАА, 1968, N 1.
- Bese L. Remarks on Middle Mongolian Conjugation. Budapest, 1970.

- Binnik Robert. On the Pragmatic Differentiation of the Mongolian Past Tenses. - *Mongolian Studies*, V.XIII, 1990.
- Buck F.H. Comparative Study of postposition in Mongolian dialects and the written language. Harvard University Press. Cambridge, Mass., 1955.
- Cleaves F.W. The First Chapter of an Early Mongolian Version of the Hsiao Ching. - *Acta Orientalia Hung.* T.XXXVI (1-3), 1982.
- Cleaves F.W. The Second Chapter of an Early Mongolian Version of the Hsiao Ching. - *Documenta Barbarorum. Festschrift für Walther Heissig zum 70. Geburtstag.* Wiesbaden, 1983.
- Cleaves F.W. The Eighteenth Chapter of an Early Mongolian Version of the Hsiao Ching. - *HJAS*, v.45, 1985.
- Cleaves F.W. The Third Chapter of an Early Mongolian Version of the Hsiao Ching. - *Mongolian Studies. Journal of the Mongolian Society. The Hangin Memorial Issue. Volume XIV*, 1996, p.117-145.
- Cleaves F.W. The Sixth Chapter of an Early Mongolian Version of the Hsiao-Ching. - *Mongolian Studies. Journal of the Mongolian Society.* v.XVII, 1994, p.1-21.
- Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1362. *HJAS*, 1949, v.12, N 1-2.
- Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1335. *HJAS*, 1950, v.13, N 1-2.
- Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1338. *HJAS*, 1951, v.14, N 1-2.
- Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1346. *HJAS*, 1952, v.15, N 1-2.
- Coyijongjab. Mongyol=un niyuča tobčiyān=u olan toyan=u "n" dayaburi=yin tuqai. - *Obur Mongyol=un yeke suryaγuli=yin erdem sinjilgen=ü sedgül.* 1990, N 3, c.14-33.
- Der Blockdruck des xiaojing aus dem Palastmuseum in chinesischer und mongolischer Sprache. - *Zentralasiatische Studien.* V.12. Wiesbaden, 1978.
- Dörfer G. Beiträge zur Syntax der Sprache der Geheimen Geschichte der Mongolen. - *Central Asiatic Journal.* Vol. 1. N 4. Wiesbaden, 1955, c. 219-267.
- Fuchs W. Analecta sur mongolischen Übersetzungsliteratur der Yuan-Zeit. *Monumenta Serica.* Vol.IX, Fasc. I, 1946.
- Godsinski Stanisiav. *Jesyk sredniomongolski.* Warszawa, 1985.
- Haenisch E. Grammtische Besonderheiten in der Sprache des Monghol=un niuca tobca'an. - *Sto*, 1950, vol. XIV. N 3.
- Hashimoto Masuru. Some remarks on the Language of the Secret History of the Mongols with reverence to the deverbal suffixes =müser, =mser. - *Олон улсын монголч эрдэмтний IV-р их хурал, II-р боть.* Улаанбаатар, 1984.

- Heissig W. Die Pekinger Lamaistischen Blockdrucke in Mongolische Sprache. - *Materialien sur Mongolischen Literaturgeschichte.* Wiesbaden, 1954.
- Kotwicz W. *Les pronoms dan les langues altaïques.* Krakow, 1936.
- Ligeti L. *Préclassikus emlékek 2. XIII-XVI.* *Mongol nyelvemléktár IV.* Budapest, 1965.
- Ligeti L. *Monuments préclassiques I : XIII-e et XIV-e siècles.* *Monumenta Lingua Mongolicae Collecta II.* Budapest, 1972.
- Ligeti L. A propos de la traduction Mongole préclassique du Hsiao-king. *Acta Orientalia Hung.* T., XXXVIII, Fasc.3. Budapest, 1984.
- Mongyol=un uyiyurcin bičig. *Ulayanbayatur*, 1965.
- Mostaert Antoine. *Le Matériel Mongol Du Houa II IU De Houng-ou (1389), I.* Edité par I. de Racherwiltz avec l'assistance de A.Schönbaum. Bruxelles, 1977.
- Mostaert Antoine. *Le Matériel Mongol Du Houa II IU De Houng-ou (1389), II.* Commentaires par Antoine Mostaert et Igor de Racherwiltz. Bruxelles, 1995.
- Orlovskaya M.N. On the category of gender in pre. classical mongolien. - *Abstracts of papers of the conference participants.* Ulaanbaatar, 1990.
- Pellot P. *Le vrai nom de "Serocstan",* *T'ong Pao*, vol. XXIX, Leiden, 1932.
- Poppe N. *Grammar of written Mongolian.* Wiesbaden, 1954.
- Poppe N. *Introduction to Mongolian comparative Grammar.* Helsinki, 1955.
- Racherwiltz I. de. Some remarks on the Stele Yisüngge. - *Tractata Altaica.* Wiesbaden, 1976.
- Racherwiltz I. de. The preclassical mongolian version of the Hsiao-Ching. - *Zentralasiatische studies.* V.16. Wiesbaden, 1982.
- Ramstedt G.I. *Über die konjugation desr Khalkha-Mongolischeen.* Helsingfors, 1903.
- Street I. *The language of the Secret History of the Mongoles.* New Haven (Connecticut), 1957.
- Svantesson Jan-Olof. *Tense, Mood and Aspect in Mongolian.* Lund University. Working Papers 38, 1991.
- The Twelve Deeds of Buddha. A Mongolian Version of the Lalitavistara Mongolian Text, Notes, and English Translation by N.Poppe. Wiesbaden, 1967.
- Uyiyurcin mongyol üsüg=ün durasqaltu bičig=üd. *Begejing*, 1983.
- Weiers M. *Untersuchungen zu einer Historischen Grammatik des Präklassischen Schriftmongolisch.* Wiesbaden, 1969.

Оглавление

Предисловие.....	3
Введение. Старо-письменный монгольский язык и периоды его развития.....	4
Сведения о привлеченных к исследованию письменных текстах XIII-XIV вв.....	6
Об уйгуро-монгольской письменности.....	13
Некоторые лексико-графические особенности уйгуро-монгольских текстов.....	17
Грамматический очерк.....	25
Именные формы.....	25
Существительные.....	25
О категории рода.....	25
Множественное число.....	31
Падежи и их основные значения.....	38
Именительный падеж.....	38
Родительный падеж.....	39
Винительный падеж.....	41
Местный падеж.....	44
Дательно-местный падеж.....	46
Исходный падеж.....	47
Орудный падеж.....	48
Совместный падеж.....	50
Соединительный падеж.....	51
Двойные падежные формы.....	52
Прилагательные.....	53
Местоимения.....	56
Числительные.....	68
Глагольные формы.....	71
Финитные формы.....	71
Повелительно-желательные формы.....	71
Повелительная форма 2-го лица ед. и мн.ч.....	71
Пропозитивная форма 1-го лица.....	72
Повелительно-пригласительная форма 1-го лица.....	73
Повелительная форма 3-го лица.....	73

Повелительная форма 2-го лица мн.ч.....	74
Форма опасения.....	75
Изъявительные глагольные формы.....	75
Формы не прошедшего (настояще-будущего) времени.....	76
Форма на =yu.....	76
Форма на =m.....	77
Форма на =mu.....	78
Форма на =mui.....	79
Форма на =nam / =nai.....	79
Форма на =t.....	80
Формы прошедшего времени.....	81
Форма на = ba / =be.....	84
Форма на = luγa / =lüge.....	86
Форма на =juqui / =žuqui.....	87
Причастные формы.....	90
Причастие будущего времени.....	90
Причастие прошедшего времени.....	97
Однократное причастие.....	99
Причастие на =yai / =gei.....	101
Причастие многократное.....	102
Деепричастные формы.....	103
Деепричастие I.....	104
Соединительное деепричастие.....	104
Слитное деепричастие.....	107
Разделительное деепричастие.....	110
Деепричастие II.....	112
Условное деепричастие.....	112
Деепричастие предела.....	114
Продолжительное деепричастие.....	117
Целевое деепричастие.....	119
Деепричастие на = gun / =gün.....	119
Наречия.....	121
Непроизводные наречия.....	123
Производные наречия.....	124
Парные наречные сочетания и повторы.....	132
Служебные части речи	
Послелogi.....	133
Собственно послелogi.....	134
Послелogi - грамматикализованные формы знаменательных частей речи.....	137
Частицы.....	144
Выделительные частицы.....	145

Вопросительные частицы	154
Частицы отрицания	156
Притяжательные частицы.....	159
Союзы.....	162
Заключение.....	165
Условные сокращения	171
Литература.....	173

Научное издание

Орловская Мария Николаевна

**Язык монгольских текстов
в XIII - XIV вв.**

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Компьютерный набор и форматирование – *Н.Г.Мальшева*

ЛР №040753 от 1 апреля 1996 г.

Сдано в набор 15.03.99. Подписано к печати 07.02.00.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.п.л. 12. Уч.-изд.л. 11.5. Тираж 200 экз. Заказ № 49

Институт востоковедения РАН
103031 Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом Ю.В.Чудодеев

Отпечатано на ризографе
в Институте востоковедения РАН